

Правительство Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреж-
дение высшего профессионального образования
"Национальный исследовательский университет
"Высшая школа экономики"

Т.А.НЕНАШЕВА

**КОННОТАТИВНАЯ СЕМАНТИКА
РЕФЕРЕНТНО ОДНОЗНАЧНОГО
ИМЕНИ**

Монография

Нижний Новгород
Нижегородский технический университет
2012

ББК 81. 373.2

Н 512 Ненашева Т.А. Коннотативная семантика референтно однозначного имени: монография / Т.А. Ненашева. – Н. Новгород, 2012. – 153 с.

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор,

Е.С. Гриценко,

доктор филологических наук, профессор

Т.Н. Синеокова

Монография посвящена исследованию антропонимов как особой части языковой системы, отражающей специфику национального сознания и социального развития общества. Семантика антропонима изучается с позиций референциальности, постулируемой в качестве основного дифференциального признака имени собственного. Осуществляется комплексное исследование коннотативного значения личных и прозвищных имен известных в американской лингвокультуре референтов с точки зрения представленных ими концептов национальной концептосферы. Разработана типология видов коннотативного значения собственного имени, изучена специфика коннотации антропонимов различных классов и коннотативная семантика референтно однозначного имени как следствие общности культурного тезауруса членов языкового сообщества.

Книга адресована широкому кругу специалистов в области теории языка, когнитивной лингвистики, социолингвистики, ономастики, лексикологии, стилистики, лингвокультурологии, преподавателям, аспирантам и студентам лингвистических специальностей.

ISBN 978-5-502-00141-0

Библиогр.: 296 наим.

ББК 81. 373.2

ISBN 978-5- 502-00141-0

© Ненашева Т.А., 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
Глава I. ВОПЛОЩЕННЫЙ АНТРОПОНИМ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ	
1. Проблема семантики имени собственного в современном языкознании.....	9
2. Референциальность – главный дифференциальный признак собственного имени.....	16
3. Концепт как основа значения референтно однозначного имени	22
4. Критерии отбора воплощенных референтно однозначных американских антропонимов и их тематическая классификация.....	27
Выводы.....	40
Глава II. ОСОБЕННОСТИ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ СТАТУС КОННОТАЦИИ В СЕМАНТИКЕ ВОПЛОЩЕННОГО АНТРОПОНИМА	
1. Содержание понятия коннотации применительно к антропониму.....	43
2. Фоновые знания и коннотативное значение антропонимов	49
3. Социокультурный базис коннотаций американского антропонима и статус фонового коннотативного значения.....	52
Выводы.....	65
Глава III. КОННОТАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВОПЛОЩЕННЫХ ЛИЧНЫХ И ФАМИЛЬНЫХ ИМЕН АМЕРИКАНСКИХ РЕФЕРЕНТОВ	
1. Фоновые коннотации референтно однозначных имен.....	66
2. Фоновое коннотативное значение и переход в узуальную антономазию.....	70
3. Национально-культурное значение исторических имен.....	76
4. Аксиологические коннотации референтно однозначных имен.....	78
Выводы.....	83

Глава IV. КОННОТАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВОПЛОЩЕННЫХ ПРОЗВИЩНЫХ ИМЕН АМЕРИКАНСКИХ РЕФЕРЕНТОВ.....	85
1. Семантическая классификация прозвищных имен и типология коннотаций.....	88
2. Фоновые коннотации. Мотивированность прозвищного имени и соотношение экспликации и импликации в его семантике.....	91
3. Прозвищные имена-антономасии.....	95
4. Стилистические коннотации прозвищных имен.....	98
5. Аксиологические коннотации прозвищных имен	99
Выводы.....	112
Заключение.....	114
Библиография	119
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	131

ВВЕДЕНИЕ

Имена собственные – древнейшие единицы любой языковой системы – являются одной из самых интересных и сложных лингвистических универсалий. В собственном имени дискуссионным является все – начиная от вопроса, является ли оно словом и каковы критерии отграничения его от имени нарицательного, до проблемы значения, которая на протяжении сотен лет была ареной дискуссий. Трудности в определении семантического статуса имени привели к распространению в отечественной лингвистике на долгое время мнения об именах как “ущербных”, лексически неполноценных единицах, находящихся на периферии языковой системы, и, соответственно, к некоторому забвению их в качестве предмета лингвистического анализа. Поэтому наука о собственных именах – ономастика – в течение продолжительного периода развивалась достаточно обособленно от магистральных направлений лингвистических исследований и сосредоточивалась на историко-этимологическом и региональном описании именного фонда языка. Сложные теоретические вопросы, касающиеся лингвистической сущности изучаемых ею единиц, периодически поднимались, но в большинстве своем оставались без удовлетворительного объяснения. Причина заключается в нерешенности проблемы значения имени собственного на методологическом, философском уровне.

Начиная с конца девятнадцатого и на протяжении всего двадцатого века этой проблемой занимались философы-логики. В отличие от Дж. Милля, считавшего имена лишенными значения «метками», Г. Фреге полагал, что имя собственное является носителем не только значения, но и смысла, считал имена скрытыми дескрипциями и включал в значение имени знание информации о ее носителе. Однако вытекающая из теории Г.Фреге размытость и противоречивость смыслов имени собственного вызвала новый виток дискуссий и привела к появлению многочисленных теорий референции.

В 70-х годах прошлого века, вслед за публикацией известной работы С. Крипке [Kripke 1972] в ономастике появились многочисленные теоретические исследования, ставящие целью решить проблему значения имени собственного в рамках дихотомии язык/речь. Языковое значение имени в соответствии с данным подходом состоит в осуществлении номинации. Антропонимы рассматривались как абстрактные единицы языка, потенциально использующиеся для номинации субъекта. Ономастические исследования этого периода направлены на выявление категориальных свойства имени, а также его национальной и социальной специфики в качестве знака языковой системы: исследование этнических коннотаций, коннотаций архаичности, современности, эстетичности имени и т.п.

Развитие в лингвистике антропонимического подхода, взгляд на язык как наместилище человеческого опыта и отражение культурно-исторического развития привел к развитию в лингвистике теории концепта, в центре внимания которой находятся культурные концепты, характерные для того или иного языка. Имя собственное при этом правомерно рассматривается как экспликатор, или репрезентативная единица концепта.

Учет социального и культурного контекста в лингвистическом анализе привел к активному развитию в последнее время концептуальной семантики как направления когнитивной лингвистики. Изучение семантики имени применительно к конкретному лицу представляет собой новую область ономастической семасиологии. Вслед за работами философов, выдвигающих различные теории референции (С. Крипке, Донеллан, Девитт, Маркус) появились работы лингвистов, напрямую обращающихся к научному наследию Ч. Пирса и переосмысливающие его.¹ Важной задачей ономастической семасиологии представляется обобщение существующих теоретических подходов к изучению собственного имени и интеграция прагматического, семантического и синтаксического подходов на пути к созданию единой теории имени. Тем не менее, в лингвистике нередко высказывается сомнение в том, что единая в плане семантики и прагматики теория значения имени собственного когда-либо будет создана.

Не претендуя на решение столь масштабной проблемы, настоящая работа исследует значение антропонима как важной части языковой системы, отражающей особенности культурного развития и национального сознания. Антропоним рассматривается как абсолютно специфическая единица языка, значение которой неразрывно связано с признаками эпонима (носителя имени). Основным дифференциальным признаком имени, определяющим специфику его лингвистического значения, постулируется референциальность. Референциальный подход позволяет осуществить комплексное исследование значения антропонима в группах имен, существенно отличающихся по своим семантическим свойствам, включив в круг исследования наряду с личными именами и фамилиями единицы вторичной номинации лиц – прозвища, которые до сих пор называют «белым пятном» ономастики. Параллельное изучение личных и прозвищных имен известных референтов представляется перспективным в плане лингвистического исследования значения собственного имени с точки зрения роли представленных ими концептов национальной концептосферы.

В работе определяется понятие денотации и коннотации применительно к воплощенному имени, анализируется семантическая структура воплощенного имени. Выявляются особенности коннотативного значения американского антропонима, обусловленные фоновыми знаниями коммуникантов; определяется статус коннотативного значения в семантической

¹См., напр.; Ahti-Veikko J. Pietarinen “Peirce’s Pragmatic Theory of Proper Names” [Pietarinen 2010].

структуре воплощенного имени. Проводится анализ коннотативного значения воплощенных личных и фамильных имен американских референтов, исследуются коннотации имени как фактор перехода воплощенного антропонима в другие разряды имен. Исследуются коннотации прозвищ известных американских эпонимов, анализируются особенности коннотативного значения различных по структурно-семантическому характеру прозвищ и взаимодействие различных видов коннотативного значения.

Исследование коннотативного значения антропонима проводится на материале следующих групп имен: 1) личные и фамильные референтно однозначные имен (т.е. имена, однозначно соотносящиеся с конкретными эпонимами американского социума, 2) прозвищные имена общеизвестных референтов. Отбор референтно однозначных личных и фамильных имен осуществлялся из переводных, толковых и специальных ономастических словарей методом сплошной выборки (Общий словарь американской лексики “American Heritage Dictionary of the English Language”, by W. Morris, словарь аллюзий “Allusions-Cultural, Literary, Biblical, and Historical”, by L. Urdang и пр). Для установления тезауруса американских узуальных (языковых) антономасий была проведена выборка имен из следующих словарей: “Oxford American Dictionary”, by E. Erlich, “A Dictionary of Eponyms”, by C. L. Beeching, “Black Slang: A Dictionary of Afro-American Talk”, by C. Major и др.¹ В корпус исследуемых воплощенных референтно однозначных имен, обладающих языковым коннотативным значением, вошли имена и фамилии известных лиц, имеющих словарно зафиксированные ассоциации.

Актуальность исследования определяется необходимостью включения в круг лингвистического изучения собственных имен, являющихся принадлежностью лингвистической компетенции всех членов социума. Особый лингвистический интерес представляет изучение прозвищных антропонимов общеизвестных лиц, очень слабо изученных современной лингвистикой. Выбор коннотативного значения в качестве темы исследования обусловлен богатым ассоциативным потенциалом общеизвестных имен, который при наличии общей энциклопедической платформы формирует относительно устойчивые коннотации, не обусловленные ситуативно и имеющие системный характер.

В первой главе определяется основной дифференциальный признак имени и предлагается первичная системная дихотомия имен. Вырабатываются критерии отбора воплощенных референтно однозначных имен и определяются их семантические группы. Уточняется понятие прозвища, и определяются его специфические признаки. Предлагаются тематические классификации референтно однозначных личных и прозвищных имен.

¹См. список словарей на С. 129-130.

Вторая глава содержит анализ понятия коннотации применительно к антропониму. Рассматриваются возможные трактовки коннотации и определяются основные типы коннотативного значения. Анализируется роль фоновых знаний в формировании коннотативной семантики воплощенного антропонима. Рассматривается семантическая структура воплощенного антропонима и статус в ней коннотативного значения. Определяется специфика коннотативного значения каждого из выделенных классов имен.

В третьей главе рассматриваются особенности коннотативного значения воплощенных личных и фамильных имен американских референтов: выделяются фоновые и аксиологические коннотации и анализируется их влияние на расширение словообразовательных возможностей (переход в нарицательное имя-антономасию, типовое собственное имя и пр.). Рассматриваются фоновые коннотации тематических групп референтно однозначных имен. Выделяются виды фоновых коннотаций. Анализируются особенности американского воплощенного имени как национально-культурной единицы.

В четвертой главе содержится лингвистический анализ коннотативного значения воплощенных прозвищных имен американских референтов. Вычлняются функционально-стилистические, фоновые, аксиологические виды коннотаций. Рассматриваются особенности коннотативного значения различных тематических групп носителей прозвищных имен. Предлагается классификация прозвищных имен, выделяются две различные по коннотативной направленности группы прозвищных имен: собственно прозвища и прозвищные перифразы. Анализируется соотношение экспликации и импликации в структуре фонового значения прозвищного имени. Исследуется национальная и социальная обусловленность аксиологического коннотативного значения. Рассматриваются средства создания аксиологического значения и взаимодействие различных видов коннотаций.

Приложение 1 включает перечень тематических групп прозвищных имен, характеризующихся высокой употребительностью публичной прозвищной номинации. Даются полионимические ряды прозвищ известных американских эпонимов.

Приложение 2 содержит словарно зафиксированные антономасии, т.е. имена известных эпонимов, отличающиеся также регулярным нереферентным употреблением.

Глава I

РЕФЕРЕНТНО ОДНОЗНАЧНЫЙ АНТРОПОНИМ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

Проблема значения антропонимов является составной частью проблемы значения имени собственного вообще, представляющей один из сложнейших вопросов семантики и пока не нашедшей удовлетворительного решения в лингвистических работах отечественных и зарубежных авторов. Современной ономастикой не выработаны даже критерии собственного имени, отсутствует единое понимание его значения. Это осложняет исследование и вызывает необходимость выработки исходных положений о сущности семантики имени, на основе которых будет осуществляться дальнейший анализ американских антропонимов.

1. Проблема семантики имени собственного в современном языкознании

Несмотря на огромное количество ономастического материала, накопленного современной лингвистикой и возобновление интереса к имени собственному в начале XXI века, мнения лингвистов о сущности значения имени собственного весьма различны и единый подход к их семантике не найден. До сих пор остается актуальным остроумное высказывание Дж. Алгео, относящееся к 80-м годам прошлого века: «The bigger the mass, the bigger the mess» [Algeo 1985: 137]. Дискуссионным является само существование лексического значения у имени собственного, которое ряд лингвистов считает абстрактной единицей языка, не формирующей понятия, и, следовательно, не имеющей лексического значения. Согласно другой концепции, имя собственное чрезвычайно конкретно и коннотирует наибольшее число признаков среди языковых единиц, то есть обладает глубоким значением.

Причина многолетних дискуссий о сущности семантики имени собственного предельно просто, но точно сформулирована В.Д. Бондалетовым: «Под значением (семантикой) имени собственного понимают разные вещи, к тому же увиденные с разных точек зрения» [Бондалетов 1983: 322].

Наиболее часто встречающимся источником разногласий в трактовке семантики имени представляется взгляд на его языковой статус. Имя собственное рассматривается либо а) как абстрактная единица языка, не имеющая лексического значения и служащая лишь для именованья объекта, либо б) как конкретное обозначение определенного объекта, в значение которого входит вся информация о нем. Взгляд на имя собственное как на «ущербное», «лексически неполноценное» слово,

лишенное денотативного значения [Уфимцева 1968: 206], восходят к Д.С. Миллю и разделяется многими зарубежными и отечественными лингвистами (Ж. Вандриес, П. Кристоферсен, И.Д. Арутюнова, А.А. Реформатский и др.). Противоположная трактовка имени собственного как чрезвычайно конкретной единицы, коннотирующей большое количество признаков, представлена в работах М. Бреалья, Е. Гродзиньского, О. Есперсена¹.

Кроме того, сам термин «значение имени собственного» понимается лингвистами по-разному. Подход к анализу семантики имени собственного на основе тех же принципов, что и по отношению к нарицательному (то есть наличие понятийности), приводит к выводу об отсутствии в большинстве имен лексического значения, так как имя дается для конкретного объекта и понятия не выражает. Включение же в семантическую структуру имени различных ассоциаций, связанных с ним, предполагает наличие лексического значения, которое имеет специфический характер, отличный от значения нарицательных имен, и основано на экстралингвистических свойствах объекта.

Немаловажное значение для лингвистической трактовки сущности имени имеет и тот факт, что анализ его значения зачастую проводится исследователями на различных разрядах имен, семантическая структура которых существенно различается, что и приводит к различным выводам. Сравним такие различные в семантическом плане единицы, как типовые имена антропонимикона (John, Mary); имена известных исторических или вымышленных лиц, обладающие определенным лексическим фоном (Napoleon, Apollo, Delilah); так называемые репрезентативные имена (Melvin - скучный или несносный человек, Joe Baggs - клиент, мало дающий «на чай»); имена-антономасии (Croesus - очень богатый человек, Quisling - предатель); полностью десемантизированные имена-восклицания (Charlie Brown! - восклицание удивления) и пр. В связи с этим в лингвистике иногда высказывается предположение о том, что собственные имена представляют собой не единый естественный класс слов, а скорее ряд имен различных видов, обозначенных одним термином, а потому не имеет смысла говорить об «имени» вообще [Павлова 1971: 13].

Противоречивые свойства имен собственных побудили лингвистов к решению проблемы их значения с учетом дихотомии язык / речь. Высказанный впервые в 50-е годы XX века, такой подход остается господствующим в лингвистике до настоящего времени и заключается в признании «абстрактности», «асемантичности» имени в языке и «конкретности» его и наполнения значением в речи. Однако строгое

¹ Подробный обзор различных концепций значения собственного имени см., напр., в книге В.Д. Бондалетова «Русская ономастика» [Бондалетов: 1983], пособия О.И. Фояковой «Имя собственное в художественном тексте» [Фоякова: 1990], а среди зарубежных изданий - в книге В.Лангендонка «Theory and Typology of Proper Names» [Langendonck: 2007].

соблюдение логики в приверженности к этой концепции приводит к парадоксальным выводам. Утверждение о том, что имя собственное не имеет языкового значения, влечет за собой необходимость исключения его из лексической системы языка. Такого мнения и придерживаются последовательные сторонники «асемантической» имени Дж. Хэррис, П.Ф. Стросон, З. Вендлер¹. Думается, что столь категоричное мнение не отвечает действительному положению вещей просто в силу очевидного факта, что функционирование ни одного языка не обходится без собственных имен, а речевое функционирование есть не что иное, как использование языка в общении. Кроме того, если имя асеманлично в языке, неясно, на какой основе возникает его речевое значение. Сторонники исключения собственных имен из лексической системы приводят в качестве аргумента довод о том, что незнание собственных имен, в отличие от нарицательных, не препятствует общению и не свидетельствует о незнании языка. С этим трудно согласиться хотя бы потому, что отсутствие информации категориального характера о носителе имени, которую правомерно трактовать как значение имени собственного, является существенным препятствием в общении для иноязычных референтов. Знание того, какие имена в языке традиционно используются как мужские, какие являются женскими, какие имена представляет собой названия рек, городов и пр., составляет необходимое условие полноценного общения. Так, только наличием в имени “Sue” языкового категориального значения «женское имя» можно объяснить то, что название популярной американской песенки “A Boy named Sue”² воспринимается носителями языка как неконгруэнтное, «неправильное»: прагматическое употребление вступает в противоречие с языковым значением.

В отечественной лингвистике большее распространение получила другая точка зрения, основанная на предпосылке, сформулированной в свое время В.А. Никоновым, «Имя – это слово и, как все слова, подчиняется законам языка, то есть подлежит ведению языкознания» (Никонов 1967, с.6). Согласно мнению большинства отечественных лингвистов имя собственное обладает определенным языковым значением, но значение его выражает лишь самые общие категориальные признаки. В речи же происходит референтная соотнесенность с объектом, и, как следствие, семантическое наполнение имени в соответствии с различными прагматическими факторами. Указанный подход характерен для большинства российских лингвистов (А.А. Белецкий, В.Д. Бондалетов,

¹ J. Harris. A Philosophical Inquiry Concerning Language and Universal Grammar. – Reprint. Menston, Yorkshire: Scholar Press, 1968; P.F. Strawson. On Referring. 1950; Z. Vendler. Linguistics in Philosophy. Ithaca: Cornell Univ. Press, 1967.

²Пример Дж. Алгео [Algeo 1973: 86].

В.И. Болотов, Э.В. Магазаник, В.А. Никонов, А.В. Суперанская, Л.М. Щетинин, И.А. Соколова, Е.В. Шерстюкова и др.). Так, В.И. Болотов отмечает отсутствие в собственной имени единства означаемого и означающего, характерного для других языковых знаков, и считает, что «вне контекста собственное имя теряет соотнесенность со своим ономастическим полем и делается непонятным» [Болотов 1973: 333]. Понятийная соотнесенность, по мнению В.И. Болотова, возможна только в речи, в отличие от нарицательных имен, которые обладают значением и в сфере языка.

Утверждение об отсутствии языкового значения имени собственного ставит вопрос о статусе целого ряда имен (репрезентативные имена, имена-антономасии, прозвища). Очевидно, что имена-антономасии Babbitt, Rockefeller имеют понятийное значение, явственно осознаваемое не только в контексте, но и вне его, о чем свидетельствует включение их в словари с соответствующими толкованиями. В связи с этим лингвисты, считавшее неотъемлемым признаком имени монореферентность, то есть обозначение одного и только одного объекта, относят все имена-антономасии, случаи переносного употребления имен к апеллятивам - нарицательным словам, омонимичным соответствующим собственным. «Собственным именам не свойственно классифицирующее и характеризующее значение», - утверждает В. Дальберг [Dalberg 10985:132]. Возможность постепенного перехода имен собственных в нарицательные сторонниками этой точки зрения отрицается, по крайней мере, при синхроническом рассмотрении.

В отечественной лингвистике противоречие между утверждением об асемантической имени в системном (языковом) плане и существованием в любом языке обширного пласта имен, по отношению к которым это утверждение неприменимо, обычно решается с помощью тезиса о подвижности границы между собственными и нарицательными именами (А.А. Белецкий, В.Д. Бондалетов, Л.А. Булаховский, В.А. Никонов). Так, А.А. Белецкий считает, что в лексике любого языка существуют переходные, промежуточные между собственными и несобственными именами слоя. Различия между ними определяются контекстом и каждое имя может функционировать как в том, так и в ином качестве в зависимости от лингвистического окружения [Белецкий 1972, Суперанская 1977, 1978]. Высказывается также мысль о постоянно осуществляемом переходе собственных имен в нарицательные и существовании окказиональных нарицательных имен [Болотов 1973].

Обилие нерешенных проблем, противоположность суждений о сущности семантики имени дало основание некоторым лингвистам говорить о кризисе в ономастике, который, по-видимому, до сих пор не преодолен, и дискуссии по поводу статуса и значения собственных имен

продолжаются¹. Не случайно А.Гардинер назвал свою получившую широкую известность работу [Gardiner 1954] «A controversial essay». Во всяком случае, единая общепринятая теория имени собственного пока отсутствует, несмотря на существование ряда монографий под таким названием [см., напр. Суперанская 1973, Austin 1983, Langendonck 2007].

В современной лингвистике все чаще начинают высказываться сомнения по поводу возможности решения проблемы значения имени собственного в рамках дихотомии язык / речь. Действительно, теория абстрактности имени в языке и конкретности его в речи имеет, на наш взгляд, помимо уже указанных противоречий, ряд существенных недостатков. Ее рамки не позволяют включить в число рассматриваемых единиц на правах полноценных (хотя, безусловно, обладающих определенным своеобразием значения) единиц лексической системы языка имена известных исторических или вымышленных лиц (антропонимы), названия известных всем носителям языка географических названий (топонимы, гидронимы), названия астрономических тел (астронимы) и т.п. Хотя эти собственные имена не соотносятся с понятием, они не могут быть отнесены и к абстрактным единицам, приобретающим значение лишь в контексте. Широкая известность объектов, которые они обозначают, их однозначная соотнесенность с определенными субъектами или объектами реального мира позволяет говорить о том, что имена Lincoln, Detroit имеют для американца значение и как изолированные единицы языка. О невозможности исключить общеизвестные собственные имена из лексической системы, их равноправном положении в ней с нарицательными словами пишет Дж. Алгео: “It would certainly be unusual if a speaker did not know the words “blame” or “blanket” or “blast”, but it would also be unusual if he did not know “Boston” or “Blondie” or “Black Forest”. Ignorance of either class as a whole would be radical ignorance of the language system” [Algeo 1973: 63].

При традиционном подходе к имени собственному из описания языковой системы совершенно выпадает такой обширный пласт собственных имен, как прозвища. Большинство лингвистов считает прозвище принадлежностью речи на том основании, что они создаются спонтанно, функционируют, как правило, в малых социальных группах и не живут долго, рождаясь каждый раз для обозначения конкретного лица из любого языкового материала. При этом не учитывается существование в системе языка довольно обширного прозвищного фонда аналогичного фонду собственных имен, из которого чаще всего черпаются прозвища конкретных лиц. Поэтому отказывать прозвищам в языковом статусе,

¹См. Об этом: T.L. Markey. Crisis and Cognition in Onomastics // Names. № 30. 1982. P. 129-142, U.R. Monroy. Proper names: one century of discussion // Logica Trianguli, 3, 1999, 119-138.

признавая системный характер именного фонда, было бы нелогично. Такие прозвища, как “Fat”, “Reddy”, “Babe” характеризуются значительной рекуррентностью в англоговорящих социумах и на этом основании могут рассматриваться как типовые единицы прозаичной номинации. Обозначившийся в последнее время в отечественной лингвистике интерес к прозвищам подталкивает нас к необходимости решения проблемы их языкового статуса.

Обзор отечественной и зарубежной лингвистической литературы по прозвищам обнаруживает, что они представляют собой еще менее изученную область, чем другие разряды собственных имен. Эти интереснейшие антропонимические единицы до последнего времени очень фрагментарно рассматривались лишь в российских традиционных ономастических исследованиях, целью которых было (и остается до сих пор¹) систематическое описание имен, характерных для отдельных областей. Причиной подобного узкого подхода к изучению имени в рамках ономастики является общая неразработанность теоретических вопросов ономастики и ее относительная изолированность от других разделов лингвистики. Даже терминологический аппарат этой науки не сложился окончательно. Так, А.К.Матвеев указывает на терминологический разнобой и предлагает совершенствовать ономастическую терминологию [Матвеев 2005]. Только с начала XXI века в отечественной лингвистике начинают появляться работы, ставящие теоретические вопросы семантики по отношению к прозвищам.

В зарубежной лингвистике антропоним также долго находился на периферии научного интереса. В 1964 г один из первых исследователей американских прозвищ Дж. Скиппер называет всего семь работ, отмечая, что этим почти исчерпывается научное знание о прозвищах². Между тем значение прозвища как важного и глубоко проникающего в культуру общества элемента было отмечено еще Г.Л. Менкеном, который указывал на них как на великолепный объект для анализа [Mencken1948]. Практическое изучение этого пласта антропонимов в зарубежной лингвистической науке до недавнего времени ограничивалось составлением словарей и немногочисленными теоретическими работами. О фрагментарности исследования проблемы можно судить по образному выражению Т. Холланда, сравнившего степень изученности прозвищ с описанием слона, сделанным тремя слепыми [Holland 1990: 266].

Причина, по которой семантика прозвищ до последнего времени практически не являлась предметом рассмотрения антропонимики, очевидна: они не вписываются в систему собственных имен,

¹См., напр.:Денисова 2007.

²Ср. также: “It is quite apparent that serious investigation of nicknames has barely begun” [Holland: 255]; “Compared to other studies of names, the systematic study of nicknames has attracted little attention” [Lesli 1990: 275].

рассматриваемых в качестве абстрактных единиц языка, так как состоят из нарицательных антропонимов и обладают полноценным понятийным значением, оставаясь при этом собственными именами, что само по себе никогда не оспаривалось в лингвистике.

Другим препятствием для лингвистического изучения прозвищ служила зависимость их семантики от наличия у коммуникантов определенных фоновых знаний об эпонимах - носителях прозвищ. Экстралингвистическая обусловленность значения прозвищных антропонимов не позволяет решить проблему в чисто лингвистическом плане. Отнесение прозвищ конкретных лиц к сфере речи и выведение их за пределы лексической системы, на наш взгляд, неправомерно, так как при этом подходе из системы языка исключаются регулярно функционирующие в течение длительного времени единицы, имеющие одинаковую референтную соотнесенность в сознании всех членов языкового сообщества. Речь идет о так называемых публичных прозвищах. Прозвищам - именованию исторических лиц, широко известным в обществе благодаря популярности их носителей, принадлежит важная роль в языковой коммуникации (по крайней мере, в американском лингвосоциуме. "Americans doubtless use more nicknames than any other people today", - пишет составитель словаря прозвищ Дж. Шенкл [Shankle 1955]. Такие прозвища употребляются в языке наряду с личными именами этих лиц, а в некоторых случаях заменяют их: Duke Ellington (настоящее имя популярного джазового и музыканта - Edward), Bugsy Siegel (настоящее имя известного американского гангстера - Benjamin). Публичные прозвища не могут быть отнесены исключительно к фактам речи, так как, в отличие от семейных или дружеских прозвищ, бытующих в ограниченных социальных группах, они являются принадлежностью языкового сознания всего общества, и существование их в активном языковом фонде охватывает довольно продолжительный отрезок времени вполне сопоставимый с жизнью нарицательных слов в языке. Это позволяет считать их частью лексической системы языка и вызывает необходимость изучения их в составе других собственных имен.

На основании всего вышеизложенного представляется правомерным констатировать, что противопоставление язык/речь не является определяющим для имени собственного признаком, на основании которого было бы осуществить достаточно полную классификацию и лингвистическое изучение антропонимов. Подчеркнем, это отнюдь не означает, что противопоставление язык / речь в семантике собственного имени нерелевантно. Как любой языковой знак, имя - языковая единица - в речи конкретизируется и может получать дополнительное значение в зависимости от лингвистического окружения и различных прагматических факторов. Речь в данном случае идет о первичном критерии классификации. Исключение из рассмотрения при традиционном

(семантическом) подходе к имени обширных пластов ономастической лексики приводит к выводу о неудовлетворительности семантического критерия для определения специфики собственного имени в ряду прочих слов языка.

Нельзя обойти вниманием еще один подход к проблеме имени собственного - грамматический. Его сторонники выдвигают для выявления специфических черт имени орфографический и морфосинтаксический критерии.

Орфографический подход к семантике имени состоит в признании необходимым свойством собственных имен их капитализацию в отличие от нарицательных. Действительно, написание собственных имен с заглавной буквы является их наиболее очевидным, «лежащим на поверхности» признаком. Тем не менее, сам по себе этот критерий не является достаточным для отнесения лексической единицы к собственному имени. В лингвистической литературе мысль о том, что все собственные имена пишутся с заглавной буквы, но не все слова, написанные с заглавной буквы, являются собственными именами, высказывается довольно часто. Другими словами, капитализация представляет собой необходимый, но не достаточный критерий для определения имени как собственного.

Морфосинтаксический подход, усматривающий специфику имен собственных в несочетаемости их с артиклями и различными определителями, а также отсутствии множественного числа, представляется в принципе неадекватным, так как все учебники грамматики содержат описание употребления определенного и неопределенного артиклей и детерминаторов и использования их во множественном числе.

Таким образом, рассмотрение имени с грамматических позиций также не позволяет выявить его своеобразие среди других единиц языка. Феномен собственного имени, таящий в себе разнообразные и противоречивые (с точки зрения грамматики и семантики) свойства, ставит вопрос о необходимости поиска иных критериев, определяющих его специфику в языковой системе.

Теоретическое осмысление феномена имени собственного началось только в XXI веке, с распространением философских теорий референции в лингвистике и развитием антропоцентрического подхода, который поставил имя в центр лингвистической мысли.

2. Референциальность – главный дифференциальный признак собственного имени

В философских исследованиях имя собственное привлекало самое пристальное внимание ученых начиная с конца XIX века. В семиотике

Ч. Пирса, логической семантике Г. Фреге, семантической теории Р. Карнапа, теории логического атомизма Б. Рассела имя занимает важное место. Так называемый “лингвистический поворот” в философии, произошедший в первой трети XX века, означал обращение философии к языку, в частности, к исследованию смысла и значения. Работы Л. Витгенштейна, Э. Гуссерля, М. Хайдеггера позволили взглянуть на имя собственное с других позиций и переосмыслить его семантику. “Иная природа” имени собственного, осложнявшая его изучение в рамках сосюрковского понимания языкового знака, послужила отправной точкой в создании теории референции и поставила имена собственные в центр новой теории значения как наиболее “семантически нагруженные” слова. До Г. Фреге в философии господствовала теория, согласно которой слова обозначают ментальные сущности и лишь опосредованно соотносятся с объектами. Имена собственные в этой концепции считались лишенными значения, так как они не выражают понятия, или имеющими лишь категориальное значение предметности. Согласно теории Г. Фреге имена собственные имеют значение (референцию) и смысл, причем референция, или значение имени – это сам предмет, а смысл – информация о нем [Макеева 2011: 25 – 29].

В лингвистике параметр референциальности (отнесенности к определенному объекту) как отличительный признак собственного имени выдвигался еще Отто Есперсеном, Леонардом Блумфилдом, Аланом Гардинером.¹ В их работах имя собственное определяется как номинативная единица, обозначающая единственный объект.

В лингвистическом энциклопедическом словаре находим следующее определение референции: «Референция - отнесённость актуализованных (включённых в речь) имён, именных выражений (именных групп) или их эквивалентов к объектам действительности (референтам, денотатам)” [ЛЭС 1990]. Согласно этому определению, референция рассматривается как речевое явление, и имя имеет значение, референцию в речи и не имеет значения/референции в языке. Таким образом, подход к проблеме значения собственного имени остается прежним, семантический критерий является основополагающим.

Некоторые лингвисты в стремлении совместить референциальный подход с семантическим приходят к утверждению о разграничении понятий «значение» и «референция», что, как следствие, приводит к выводу об отсутствии языкового значения у собственных имен [Стросон 1982]. П.Ф.Стросон разграничивает понятия «значение» и «значимость». Называя референтную отнесенность преимущественной функцией собственных имен, сближающей их с местоимениями, философ утверждает, что имена

¹См.: O. Jespersen. Language: Its Development and Origin. - London: AllenandUnwin, 1922. P. 438; L. Bloomfield, Language.- NewYork: Holt, 1933. P. 205; A. Gardiner. TheTheoryofSpeechandLanguage. 2nded. Oxford: Clarendon, 1951. P. 41.

не имеют дескриптивного значения, однако из этого не следует, что они не являются значимыми [Там же, с. 78-79]. Проводят разграничение между значением и референцией и некоторые отечественные лингвисты [Боровикова 2012].

В настоящей работе референция трактуется как процесс соотнесения языковых знаков с неязыковой действительностью [Падучева 1985:2]. Это определение шире предыдущих, так как поддерживает точку зрения Г. Крипке, который рассматривал референцию как в интенциональном (речевом), так и в конвенциональном (семантическом) аспектах.

Аналогичным образом трактуются введенные А. Гардинером термины «воплощенное», «телесное» и «развоплощенное», или «бестелесное» имя. Развоплощенным именем А. Гардинер звуковой комплекс – a word-sound, который может быть предметом изучения с точки зрения его этимологии, сочетаемости, частотности, в то время как воплощенные имена – это имена, прикрепленные к сотням реальных и вымышленных объектов [Gardiner 1954: 8-10]. Под воплощенным именем подразумевается обозначение конкретного лица в речевом акте, а под развоплощенным – имя как абстрактная единица языка. В нашей работе принимается уточненный М.А.Кронгаузом термин: российский философ предлагает термин «невоплощенное имя» вместо «развоплощенное», поскольку понятия «воплощенное» и «невоплощенное» имя равноправны, причем «последнее в каком-то смысле даже первичнее» [Кронгауз 1987: 125]. Впрочем, на то, что disembodied name изначально, исторически является первичным, указывал и сам А. Гардинер [Gardiner 1954: 9].

Для целей настоящего исследования представляется весьма плодотворным подход современных отечественных философов-логиков М.А.Кронгауза и Руденко [Кронгауз 1987, Руденко 1990], развивших идеи Г.Фреге и А.Гардинера. Существенной исходной предпосылкой для нас является тезис об отсутствии параллелизма между понятиями «воплощенное /невоплощенное имя» и «имя в речи / языке»: термин “воплощенное имя” не является синонимом выражения “имя в речи». Как воплощенное, так и невоплощенное имя может существовать и в языке, и в речи.

Итак, референциальность является главным дифференциальным признаком собственного имени. По наличию/отсутствию референции имена подразделяются на воплощенные и невоплощенные. Категориальное начение имени собственного – это предоставление общей возможности референции. Это определение выводит проблему значения собственного имени из рамок семантической парадигмы и выявляет абсолютную специфичность этого класса номинативных единиц¹, которая

¹Ср.: Дж. Алгео относит собственные имена к одному из трех важнейших типов слов, формирующих лексическую систему: 1) артикли, предлоги, местоимения; 2) апеллятивы; 3) собственные имена [Algeo 1973].

состоит в их семантическом дуализме. Вспомним, что еще А. Гардинер считал, что эти виды имен надо изучать как отдельные классы. Значение собственного имени состоит не в выражении понятия, а в том, что данный звуковой или графический комплекс является именем, то есть воспринимается коммуникантами как собственное имя объекта: “A name is ... a word people use to call someone or something by What a man is called ... is what a name is”¹. Соответственно, референтом слова является объект, удовлетворяющий включенным в смысл этого слова характеристикам, то есть “смысл задает “путь” к референту, позволяет соотнести слово с определенным элементом мира” (Макеева 2011: 122).

Сущность семантики собственного имени позволяет выявить теория «жесткого десигнатора», разработанная С. Крипке, Х. Патнэмом, С. Шварцем и другими представителями логико-лингвистической концепции значения. Указанная теория предполагает наличие в лексической системе оппозиции жестких и нежестких десигнаторов. Жесткий десигнатор обозначает один и тот же объект в каждом возможном мире, нежесткий, или случайный десигнатор представляет собой выражение, не обладающее этим свойством. Собственные имена являются такими жесткими десигнаторами, «метками», закрепленными за конкретными объектами и обеспечивающими единство референции «благодаря непрерывности причинной цепи, идущей от первого употребления имени к последующим употреблениям» [Руденко 1990: 237]. Этим они отличаются от нарицательных имен, которые последовательно сменяют обозначение объекта в различных обстоятельствах (в различных возможных мирах).

Говоря о значении и смысле собственного имени, Фреге указывает на то, что смыслом имени является представление его определенным образом [Фреге 2000: 231]. Это замечание восходит к трактовке значения имени собственного Ч. Пирсом, который считал, что лишь тогда, когда мы впервые встречаем имя, оно экзистенциально связано с представлением о его носителе или информацией, имеющейся о нем. Тогда и только тогда оно является подлинным указателем на лицо (a genuine Index), а впоследствии имя становится всего лишь знаковым символом этого указателя (an Icon of an Index of the Individual named) [Pierce 1903].

Важно отметить, что свойство быть жестким десигнатором относится как к воплощенным, так и к не воплощенным именам языковой системы. В воплощенных именах процесс закрепления имени носит название наречения, присваивания объекту определенного имени, сопровождающего его в дальнейшем (если не происходит процесса переименования, о котором коммуниканты также должны быть поставлены в известность). В невоплощенных именах жесткая десигнация

¹Цит. по: [Павлова 1971: 87].

создается традициями употребления и предполагает наличие в системе языка традиционно женских или мужских имен, имен различных социальных и этнических групп. Исследования имени в языке как национального и социального знака показали, что коммуниканты любого лингвосоциума различают имена по их национальной и социальной принадлежности, временной отнесенности [Суперанская 1977]. Восприятие имени в обществе как национального или иностранного, «аристократического» или «простонародного», современного или устаревшего есть следствие жесткой закрепленности невоплощенного имени за определенными этническими, социальными или возрастными группами. Попытки сиюминутного изменения десигнации невоплощенного имени на практике, разумеется, встречаются, но воспринимаются коммуникантами как нарушение нормы. Так, дочь графа В.Л. Кочубея носила имя Матрена; однако в поэме «Полтава» А.С. Пушкин был вынужден изменить ее имя, назвав Марией, так как имя Матрена воспринималось как простонародное и не соответствовало ономастической норме для имени девушки знатного происхождения¹.

Таким образом, референциальность, составляющая значение собственного имени, осуществляется различным образом в двух основных классах имен: невоплощенных и воплощенных именах. Особенности значения каждого из них, обусловленные их различным отношением к объекту, хорошо раскрываются с помощью основных понятий теории референции - интенционала и экстенционала. Под экстенционалом понимаются все объекты (или единственный объект), обозначаемые именем; интенционал имени составляют выражаемые им свойства². Оба понятия являются нелингвистическими и относятся к внешнему миру.

Все носители невоплощенного имени составляют его экстенционал. Так, экстенционал имени John Brown образуют все люди, носящие это имя. Некоторые лингвисты высказывают сомнения по поводу общности свойств носителей одного имени, утверждая, что таких признаков нет, и этих людей ничто не объединяет. Однако М.А.Кронгауз считает, что свойство “иметь данное имя” и есть общее свойство всех его носителей Кронгауз [Кронгауз 1987: 125].

Интенционал невоплощенного имени - это общие признаки тех, кто может называться данным именем. К таким признакам относятся категориальные свойства объекта - быть человеком (Иван, Susan) или животным (Fido, Мурка), лицом женского или мужского пола (Jane, Dennis), индейцем или негром (Hwistaks, Luther)³. Еще раз отметим, что хотя в реальной

¹ См. об этом: Э.Б. Магазаник [Магазаник 1978: 53-54].

² В трактовке М.В. Никитина соответствующими терминами являются «экстенционал» и «контенционал». Контенционал, определяемый как структура признаков объекта, вариативен; интенционал составляет его ядро, устойчивую часть контенционала [Никитин 1986: 26-27].

³ А. Данклинг упоминает эти имена среди употребительных имен указанных этнических групп [Dunkling 1983: 155, 217].

жизни любому объекту может быть дано любое имя, невоплощенное имя воспринимается коммуникантами в совокупности его категориальных значений. Например, John – это антропоним, мужское личное имя англичанина или американца.

Воплощенное имя всегда связано с конкретным объектом, который и составляет единственный элемент экстенционала имени собственного. Интенционалом воплощенного имени является свойство «быть данным объектом, имеющее следствием обладание всеми свойствами объекта, в том числе и свойство “иметь данное имя”» [Кронгауз 1987: 127].

Противопоставление воплощенных и невоплощенных имен рассматривается в настоящем исследовании как первичная дихотомия единиц внутри языковой системы, которая, как любое языковое явление, находит отражение в речевом функционировании. Предметом лингвистического изучения могут служить невоплощенные и воплощенные имена в системе языка и в конкретном речевом употреблении.

Невоплощенное имя понимается как единица языка / речи, за которой не стоят конкретные признаки лица: единица, использующаяся только в качестве средства номинации объекта. Примерами невоплощенных имен служат не только традиционно изучаемые изолированные единицы антропонимикона (системы личных имен того или иного языка), но и их речевые употребления в фразах типа “HisnameisJohn”, «Теперь она Петрова», «В то время там правил царь Филипп», «У нас в классе три Александра»¹.

Аналогично понятие воплощенного имени включает и использование имени в речи, предполагающее актуализацию его референтного значения, и имя лица, взятое вне контекста, то есть вне речевого употребления, но предполагающее совершенно определенного носителя этого имени со всей глубиной его референтного значения. Примером речевого употребления воплощенного имени является фраза «Пришел Петя» [там же]. Коммуникант имеет в виду конкретного человека, и значение имени «Петя» включает индивидуальный набор признаков референта, языковое значение которого складывается на основе предваряющего экстралингвистического опыта. В качестве примера языкового употребления воплощенного имени может служить имя Theodore Roosevelt. Даже взятое изолированно, вне речевого употребления, оно воспринимается американцами как имя конкретного, широко известного в стране человека, связывается с определенными фоном, знаниями коммуникантов и вызывает в связи с этим разнообразные ассоциации.

Как уже указывалось ранее, в данной работе предполагается

¹Примеры М.А. Кронгауза [Кронгауз 1987: 125].

существование семантической референции. В соответствии с приведенным выше определением референции¹, референциальный подход к семантике собственного имени означает одно-однозначное соответствие между именем и именуемым. Однако обычно это соответствие ограничено рамками определенной социальной группы. Однозначная референтность имени состоит в том, что объект номинации уникален для коммуникантов данного социального поля² и однозначно соотносится ими с определенным звуковым или графическим комплексом. Л. Лински пишет по этому поводу: “What is indeed necessary if I am to make a definite assertion is not that one person only be named “Tommy Jones”, but that I be referring to just one person, however many others there may be with the same name as his”.

Таким образом, критерий однозначной референтной отнесенности тесно связан с масштабами принадлежности имени к субъязыку той или иной группы. Имя, экстенционал которого совершенно конкретен в одном социальном поле, является для коммуникантов воплощенным; при этом оно не несет никакой информации для членов другого социального поля и может функционировать в нем только как невоплощенное имя. Поэтому при постановке проблемы изучения семантики воплощенного имени необходимо определить границы, в которых оно является воплощенным. Настоящее исследование предполагает рассмотрение антропонимов, носители которых референтно однозначны в пределах всего американского лингвосоциума, то есть собственных имен широко известных в американском обществе лиц. Изучение референтно однозначных американских антропонимов проводится в системном плане, без анализа их функционирования в речи.

3. Концепт как основа значения референтно однозначного имени

Применение референциального подхода к изучению семантики имени подводит нас вплотную к теории концепта. Одним из первых этот термин был употреблен С. А. Аскольдовым, определение которого в целом отражает и современные представления о концепте: «Концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли определенное множество предметов одного и того же ряда» [Аскольдов, 1997:269]. Теория концепта активно разрабатывалась отечественной лингвистикой на протяжении последнего десятилетия и, несмотря на множество различных трактовок, выработала определенное единство по главным направлениям. Общепринятым считается мнение Ю.С. Степанова, называвшего концепт неким сплавом представлений, понятий, знаний, ассоциа-

¹См. С.18 настоящей работы.

²Термин «социальное поле» предложен В.И. Болотовым для обозначения «единства времени, профессии и местожительства денотатов» [24. С. 334]. В настоящей работе под социальным полем понимается сфера функционирования субъязыка.

ций. Концепт - это ментальное образование, “сгусток культуры” (Степанов 1997:40), ментальный образ, существующий в нашем сознании, “совокупное понятие”, неязыковое понятие, концепт не принадлежит системе языка, концепты появились в сознании задолго до появления языков [Коровина: 235]. Концепты не только мыслятся, но и переживаются, являя собой предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений [Степанов2001:43]. В настоящее время концепт изучается в рамках культурологии и лингвокультурологии (Ю. С. Степанов, В.И.Карасик, Г.Г.Слышкин), психолингвистики (А.А.Залевская), когнитивной лингвистики (З. Д. Попова, И. А. Стернин). В лингвокультурных исследованиях концепт определяется как базовая единица культуры, обладающая образным, понятийным и ценностным компонентами (В. И. Карасик, С.Г. Воркачев, В.Г Костомаров, Е.М.Верещагин). Когнитивная лингвистика делает акцент на информативности концепта, считая его единицей ментальной информации, которая и обеспечивает «выход на концептосферу социума». (З. Д. Попова, И. А. Стернин, Е. С. Кубрякова, В. Н. Телия). А.Л. Никифоров вычленяет в структуре концепта знание и культурные ассоциации [Никифоров 2012]. Некоторые исследователи выделяют лингвокультурологический подход внутри когнитивной лингвистики. Лингвокультурологический подход опирается на идею о кумулятивной функции языка, при котором язык рассматривается как «универсальная форма первичной концептуализации мира, выразитель и хранитель бессознательного стихийного знания о мире, историческая память о социально значимых событиях в человеческой жизни» [Попова, Стернин 2010].

В нашем исследовании будем руководствоваться следующим определением. Концепт – «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и его отношении к данному предмету или явлению» [Попова, Стернин 2010: 292].

Согласно типологии концептов, предложенной М.В. Пименовой, все концепты культуры подразделяются на универсальные категории культуры, социально-культурные, этические категории, категории национальной культуры [Пименова 2004: 8-10]. К универсальным категориям культуры относятся категории времени, пространства, движения, количества, качества; среди социально-культурных категории отмечены такие, как свобода, справедливость, труд, богатство, к категориям русской национальной культуры относятся воля, доля, соборность, душа, дух; этические категории – добро, зло, долг, правда (там же: 10). Имена известных в социуме лиц безусловно отражают концепты культуры, и далее нам предстоит выяснить, к каким категориям они преимущественно относятся, и на этом ос-

новании выявить наиболее характерные концепты американской культуры, сравнив полученные данные с имеющимися результатами исследований американской концептосферы [см. напр., Леонтович 2005, Гогильчин 2009].

В современной концептологии выделяются содержание и структура концепта. Содержанием концепта является совокупность его когнитивных признаков, оно организовано по полевому признаку и состоит из ядра и ближней, дальней и крайней периферии [Попова, Стернин 2010]. Структура концепта неоднородна и содержит наряду с перцептивными когнитивные образные признаки, отсылающие концепт к материальному миру и формирующие метафорический образ. Важным для нас вопросом является вопрос о соотношении частного и общего, индивидуального и социального в содержании концепта. Исследователи указывают на сложность, многомерность и внутреннюю расчленённость концепта, несводимость коллективного сознания к сумме индивидуальных сознаний. Рассматривая понятие коллективного сознания, Ю.С. Степанов утверждает, что активный слой концепта существует для всех пользующихся данным языком. З.Д. Попова и И.А. Стернин описывают содержание концепта, подразделяя его на образ, информационное содержание и интерпретационное поле, отмечая ярко выраженный групповой характер энциклопедических признаков концептов. Единицей национального сознания считает концепт С.Г. Воркачев: «Концепт – это единица коллективного знания/сознания (отправляющая к высшим духовным ценностям), имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой» [Воркачев 2000]. Существенно отмечаемое лингвистами отсутствие жесткой закреплённости структурных компонентов концепта за той или иной полевой зоной [Попова, Стернин, там же], возможная принадлежность информационной составляющей концепта как к ядру, так и к ближней или дальней периферии, постоянное взаимодействие и «перетекание» концептов и семем языковых знаков. З.Д. Попова и И.А. Стернин называют слово ключом к концепту, включателем, активизирующим концепт в нашем сознании, и это очень верно в отношении роли собственного имени, особенно имени известного в обществе лица, которое мгновенно вызывает активизацию определенной информации, связанной с данным именем и целый шлейф культурных ассоциаций.

Понятие концепта очень близко к понятию гештальта, которое было введено австрийским искусствоведом конца XIX века Х. Эренфельсом и впоследствии использовалось Дж. Лакоффом для характеристики неких базовых категорий языка. “Gestalt” переводится с немецкого языка как «форма, образ, общий вид, облик» и обозначает образ, значение которого не сводится к сумме его составляющих. В отечественной лингвистике встречаем следующее определение термина. «Гештальт – это комплексная, целостная функциональная мыслительная структура, упорядочивающая

многообразии отдельных явлений в сознании» [Новикова 2003]. Термин употребляется для обозначения целостного образа, который совмещает чувственные и рациональные элементы, а также объединяет динамические и статические аспекты отображаемого объекта или явления.

Дж. Лакофф считал гештальты категориями базового уровня, с помощью которых мы понимаем мир [Лакофф 1996:167]. Гештальт – это структура, элементы которой не могут существовать вне целого или структура, значение которой не может быть выведено из значений ее составляющих и правил сочетания этих составляющих друг с другом [Лакофф 1996: 175] .

Здесь необходимо остановиться подробнее на теории прототипов, разработанной Э. Рош, Б.Берлин, Е.Хунн, Б. Тверски, которая и привела к вовлечению термина гештальт в сферу теории семантики. Э.Рош выдвинула гипотезу о том, что процесс категоризации понятий происходит не на основе логических обобщений, а базируется на более простых психических явлениях. В результате серии экспериментов, проведенных исследователями-антропологами, было доказано, что действительно внутри каждой группы слов, представляющей собой категорию, для испытуемых существовали так называемые точки когнитивной референции, или прототипы – члены группы, которые рассматривались большинством из них как наиболее репрезентативные. Это явление получило название ассиметрии прототипов. Так, из предложенной группы слов, включающей названия различных птиц, большинство участников эксперимента называли малиновку. «Категориям свойственно иметь наилучших представителей», – пишет Дж. Лакофф. Правда, Э. Рут указывала, что, хотя точки когнитивной референции образуют основу для вывода умозаключений, но это еще не создает основу новой теории ментальной репрезентации [Лакофф 1996: 162]. Теория прототипов оказала огромное влияние на развитие когнитивной семантики, представив убедительные доказательства того, что понятия формируются на основе опыта существования человека в материальном мире. Таким образом, была начата разработка теории значения не на основе формальной логики, а с привлечением результатов психолингвистики и антропологии. В частности, Дж. Лакофф высказывает предположение о том, что «присущая человеку ментальная процедура категоризации в существеннейшей степени опирается на человеческий опыт и воображение – на особенности восприятия, моторной активности и культуры, с одной стороны, и свойства метафоры, метонимии и ментальной образности – с другой» [Лакофф 1996: 147]. Все эти свойства ментальности, которые лингвист объединяет под названием концептуальное воплощение, ярко проявляются в гештальтах. Позднее идея гештальта получила развитие в работах современных российских лингвистов когнитивной школы, которые рассматривают гештальт не только в статике, но и в динамике. З.Д. Попова и И.А.Стернин определяют гештальт как «целостный образ, несводимый к его составляющим, совмещающий чувственные и рациональ-

ные элементы, а также объединяющий динамические и статические аспекты отображаемого объекта или явления» [Попова, Стернин 2001].

Исследуя структуру гештальта, Н.Ф. Алефиренко различает «фигуру» – «собственно образ» и «коммуникативно-когнитивный фон» – «то дискурсивное пространство, в котором эта фразема возникла» [Алефиренко 2008: 57]. Стандартные ассоциативные реакции свидетельствуют о существовании так называемых прототипных образов. Так, З.Д. Попова и И.А. Стернин упоминают такие стандартные ассоциации с именами собственными, как великий русский поэт – Пушкин, великая русская река – Волга [Попова, Стернин, 2001].

Для задач нашего исследования важна отмечаемая исследователями связь концепта с культурой: концепт является основной ячейкой культуры в ментальном мире человека, сгустком культуры в сознании человека; тем, в виде чего культура входит в ментальный мир человека [там же]. В исследованиях, посвященные концептам, упоминаются как значимые для американского национального сознания концепты, как “Freedom” “Democracy”, “Self-made”, “Patriotism” и др.

Современная трактовка значения с позиций антропонимической лингвистики предполагает учет в той или иной степени экстралингвистической реальности: значение является формой присвоения отдельной личностью обобщенного человеческого опыта [см., напр. Красных 2003: 34]. Несмотря на множество существующих теоретических расхождений, в когнитивной семантике установилось определенное единство позиций по некоторым базовым теоретическим понятиям [Clausner, Croft 1999]. Основной единицей семантики является понятие (mental concept). Концептуальные структуры являются репрезентаторами активной ментальной операции, концептуальные категории включают в себя прототипы и организованы таксономически. На основе фреймовой семантики Филмора Р. Лангакером была создана теория доменов, согласно которой сущность концепта (понятия) может быть выявлена только при рассмотрении его в тесной связи и зависимости от сферы, или домена, за которым они закреплены. Р. Лангакер выделил локационные и конфигурационные домены. Развивая теорию Р. Лангакера, Т. Клауснер и У. Крофт предложили считать локационные и конфигурационные структуры концептами, которые организованы в образные схемы, являющиеся подтипом домена. Таким образом, значение антропонима, репрезентирующего лингвокультурный концепт, необходимо исследовать в контексте соответствующей образной схемы и домена, частью которого она является.

Изучая связь между значением и концептом, структуру значения и сферу его локализации, лингвисты все чаще говорят не просто о значении, но о его конструировании. Значение возникает на основе естественной категоризации действительности как внутренняя организация концептов. В последнее время в зарубежной лингвистике развивается теория лексиче-

ских концептов и когнитивных моделей, в рамках которой Эванс развивает свою теорию лексической репрезентации и конструирования значения [Evans 2006]. В. Эванс подчеркивает, что значения, которые ассоциируются со словами, изменчивы и многогранны. Их семантика подвижна, открыта и зависит от контекста высказывания. Развивая когнитивно-реалистическую теорию лексической репрезентации, В. Эванс утверждает, что существует основополагающее различие между лексическим концептом и значением. Концепты являются семантическими единицами, которые обычно ассоциируются с лингвистическими формами и образуют неотъемлемую часть так называемой "ментальной грамматики" пользователя, тогда как значение является скорее свойством ситуативного использования, а не слов. Таким образом, значение не является свойством языка как такового, а возникает в процессе его использования. Существуют лексические концепты и концептуальные информационные структуры, или когнитивные модели, по отношению к которым они объективируются. Развивая теорию интеграции лексического концепта, В. Эванс показывает, как могут комбинироваться концепты, на основе которых образуются значения.

В основе теории значения З. Д. Поповой и И.А. Стернина лежит разграничение когнитивного (невербального) и языкового (вербального) и сознания. Концепт относится к первому, а значение ко второму виду сознания. Денотат, смысл, концепт – термины, применяющиеся для описания концепта, а значение, десигнат, семема – для описания лингвистического значения слова. Концепты являются ментальными сущностями и расположены в области образов конкретных лиц, объектов или ситуаций. Значение рассматривается как часть концепта, получившая знаковое обозначение в виде слова в результате регулярной воспроизводимости. Значения расположены в области пересечения сферы концепта и сферы акустического образа. Значение слова выражает значимые признаки концепта, но не в полном объеме, поскольку значение, представленное в сознании, глубже и полнее словарного значения слова. Вводится понятие лексикографического значения слова – значения, зафиксированного словарями. Для имени собственного это означает, что все лексикографические пометы, представленные в словарях собственных имен, отражают те или иные компоненты его значения.

4. Критерии отбора воплощенных референтно однозначных антропонимов американской концептосферы и их тематическая классификация

Отбор материала исследования предполагает определение конкретных групп собственных имен, подпадающих под определение «воплощенные антропонимы», а также ограничение рамок каждой из групп, учитывая необходимость выделения из антропонимикона нации

только общеизвестных имен.

Если исходить из понимания воплощенного антропонима как имени, тесно связанного в сознании современного носителя языка с соответствующим денотатом, то к исследуемым единицам следует отнести: 1) личные имена и фамилии конкретных лиц; 2) прозвища конкретных лиц; 3) псевдонимы и сценические имена поэтов, писателей, актеров и т.п.

Предварительный сравнительный анализ воплощенных имен первой и третьей групп обнаружил, что с точки зрения коннотативного значения воплощенных имен разделение подлинных и вымышленных имен нецелесообразно, так как целью создания псевдонима является сокрытие настоящего имени, которое он полностью заменяет. Все коннотации, основанные на личных качествах носителя имени, связываются при этом в первую очередь с псевдонимом, а подлинное имя может вообще не ассоциироваться у большинства носителей языка с данной личностью. Например, имя *Merilin Monroe* (псевдоним актрисы) тесно связано с ее внешним обликом и сценическим имиджем и стало восприниматься как сексуальный символ Америки, тогда как настоящее имя актрисы, *Norma Baker*, упомянутое вне контекста, у многих американцев не вызовет никаких ассоциаций, то есть останется именем невоплощенным. Это относится к подлинным именам многих американских киноактеров, певцов, писателей: *Richard Jenkins* (*Richard Burton*), *Greta Gustafsson* (*Greta Garbo*), *Marie von Losch* (*Marlene Dietrich*), *Gladys M. Smith* (*Mary Pickford*), *Alfred A. Coccozza* (*Mario Lanza*), *W.S. Porter* (*O. Henry*), *S.L. Clemens* (*Mark Twain*).

Различия между подлинным и вымышленным именем релевантны лишь при изучении его как невоплощенного, то есть в отрыве от конкретного лица, с точки зрения эстетического и экспрессивного оценочного значения. Принятие псевдонима часто связано со стремлением актера избавиться от нежелательных иноязычных коннотаций (*Marie von Losch*), избежать банальности, обыденности имени (*G.M. Smith*), или желанием писателя создать необычное, привлекающее внимание имя (например, взятая в качестве псевдонима морская команда “*Mark twain*” - «метка две сажени» вместо невыразительного *Clemens*).

Задача изучения коннотативного значения воплощения имен оставляет упомянутые особенности псевдонимов за пределами настоящего исследования. Принимая во внимание, что псевдоним или сценическое имя к тому же часто является единственным известным носителю языка именем лица, в настоящей работе мы сочли возможным объединить группы подлинных имен и псевдонимов и рассматривать их под общим названием «воплощенные личные и фамильные имена».

Важным вопросом, встающим при отборе материала, является также проблема включения в исследовательский корпус имен,

функционирующих в языке в качестве регулярных антономасий, то есть имеющих понятийное значение, зафиксированное словарями. При референциальном подходе к семантике собственного имени вопрос о правомерности отнесения антономасий к личным собственным именам решается отрицательно. Референтная соотнесенность антономасии одновременно с двумя объектами вступает в противоречие с пониманием собственного имени как жесткого десигнатора, то есть «метки», обеспечивающей единство референции имени и объекта¹.

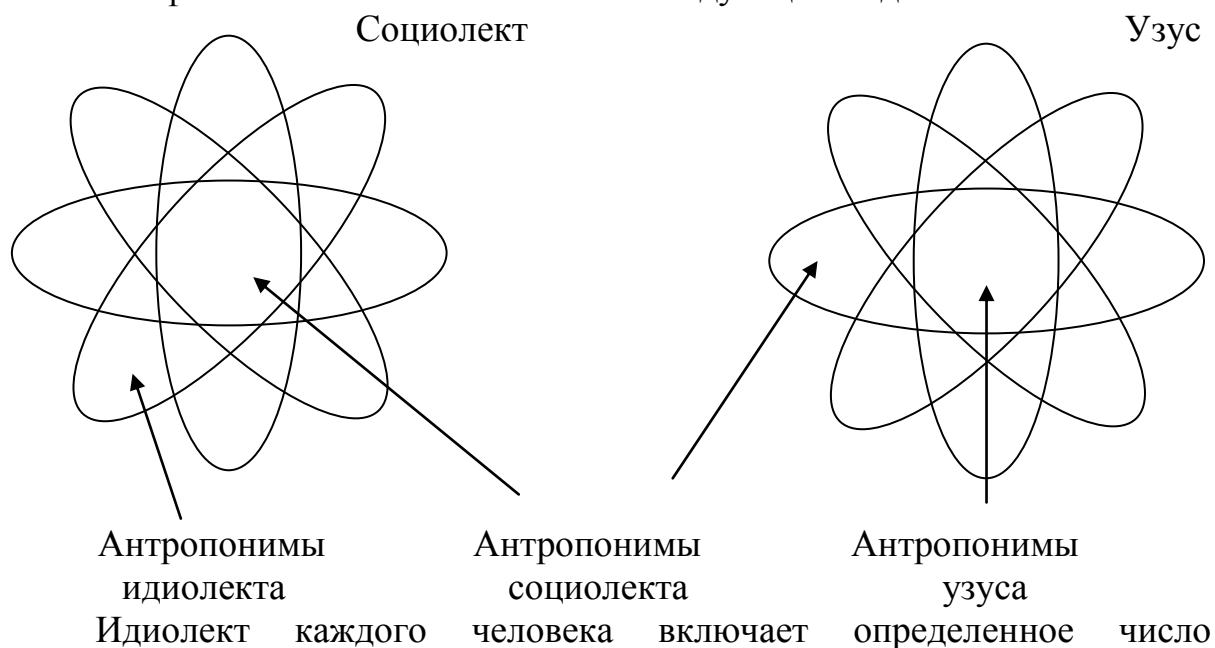
Так, определенные качества личности позволяют употребить по отношению к ней соответствующее имя-антономасию (например, предателя правомерно назвать Quisling, Benedict Arnold или Judas; богача – Croesus, Rockefeller или Midas и т.п.). Любое из перечисленных имен считается адекватно употребленным, если оно соответствует характерным признакам лица. Признак имени как «жесткого десигнатора» при этом отсутствует, одному объекту соответствует несколько имен, каждое из которых может одновременно относиться и к другому лицу. Следовательно, антономасии не могут квалифицироваться как собственные имена.

Сравним аналогичные прозвищные именованья. Прозвища сходны с антономасиями тем, что они, как правило, также мотивированы качествами именуемых. Лицо, обладающее одним из признаков, наиболее часто лежащих в основе прозвищной номинации (полнота, худоба, рыжие волосы и пр.), вероятнее всего, получит прозвище, мотивированное этим признаком. Носители языка, владея информацией о прозвищном фонде данного языка, могут назвать потенциальные прозвища человека. Но это еще не означает, что он действительно имеет такие прозвища. Например, с точки зрения социолингвистической традиции прозвищной номинации английского языка высокого и худого человека одинаково правильно было бы назвать “Match”, “Lanky”, “Broomstick”, “Everest”, но для каждого конкретного лица из существующих единиц прозвищной системы выбирается одно (или несколько) прозвищ, являющихся собственным именем этого лица. Может быть изобретено и абсолютно новое именованье. В любом случае только по предварительной договоренности коммуникантов о том или ином имени данного лица оно становится его прозвищем. Таким образом, объект настоящего исследования ограничивается двумя группами воплощенных имен: личные и фамильные имена (рассматриваемые, естественно, вместе, как имена и фамилии конкретных лиц) и прозвищные имена конкретных эпонимов. Тем не

¹ Ср. иную точку зрения: И.А. Кронгауз считает возможным включить антономасии в класс собственных имен на том основании, что при переносном употреблении говорящий «приписывает объекту только часть интенциональной структуры воплощенного имени собственного (во всяком случае исключая сам интенционал)» [Кронгауз 1987: 130].

менее, совсем исключить антономасии из рассмотрения нецелесообразно, так как их образование связано с абсолютизацией составляющего предмет исследования коннотативного значения воплощенных имен известных в обществе лиц. Провести грань между референтно однозначным именем с фоновым коннотативным значением и антономасией на языковом уровне довольно сложно. Вопрос об антономасиях затрагивается также при рассмотрении воплощенных прозвищных имен, основанных на переносном употреблении собственных имен общеизвестных референтов. В этом случае имя-антономасия входит в состав собственного прозвищного антропонима в качестве нарицательной антрополексемы, характеризующей определенное свойство референта.

Антропонимикон американской нации (система личных, фамильных и прозвищных воплощенных имен американского варианта) представляет собой огромный, практически необозримый массив, включающий как имена общеизвестных в стране лиц, так и антропонимы, известные узкому кругу людей. Строго говоря, количество воплощенных имен языка равно числу живущих и когда-либо живших в данном лингвосоциуме лиц. Для проведения исследования необходимо ограничить круг рассматриваемых единиц. Можно предположить, что идиолект отдельного индивида формируется тремя группами имен: 1) антропонимы, обусловленные личными контактами, сферой интересов и склонностей (антропонимы идиолекта); 2) антропонимы, входящие в сферу его профессиональных интересов (антропонимы социолекта); 3) антропонимы, принадлежащие культуре страны, освоенные в процессе социализации личности (антропонимы узуса). Центральное положение имен общеизвестных референтов хорошо иллюстрируется таксономической моделью, предложенной Ю.М. Скребневым для языка в целом. В частном случае личных и фамильных имен схема имеет следующий вид:

индивидуально значимых имен, не входящих в основной фонд воплощенных имен языка. Но поскольку существует национальное общественное сознание, а вместе с ним сумма общественно значимой информации, накопленной в социуме, существует и мир имен, воплощенных в масштабе национального языка. Это имена лиц, являющихся составной частью культуры общества и отражающих этапы его общественно-исторического развития. Разумеется, границы круга общественно значимых имен сложно очертить, для каждого периода исторического развития существуют свои имена, часть из которых утрачивает свою «воплощенность» для последующих поколений. Тем не менее представляется возможным говорить об антропонимическом ядре воплощенных имен, прочно занявших свое место в культуре общества. Такие имена являются неотъемлемой частью лексической системы языка, поскольку их знание, так же, как и знание важнейших понятий, выступает важнейшим фактором социологизации индивида и непременным условием коммуникации.

Имена как обозначения конкретных объектов в лингвистике начали исследоваться недавно. Например, еще в конце прошлого столетия в огромном количестве ономастических работ можно назвать лишь единичные статьи, затрагивающие проблемы функционирования собственного имени как языкового знака, непосредственно связанного с объектом номинации [Муравлева 1987, Евграфов 1989, Сапожникова 1987, 1990]. Причина такого «невнимания» к именам конкретных лиц заключается в том, что обусловленность значения имени информацией о его носителе не позволяла рассмотреть семантику имени в рамках чисто лингвистического подхода. Такого рода информация традиционно расценивалась исследователями как нелингвистическая. Вопрос о правомерности и степени включения энциклопедической информации в семантическую структуру имени, действительно, представляется весьма сложным, но важная роль имен исторических лиц в языковой культуре народа не позволяет исключить их из лексической системы языка или отнести к периферийному слову лексики. С развитием в лингвистике антропонимического подхода в начале нового века появляются работы, исследующие семантику имени в тесной связи с его носителем [Гладкова 2003, Соколова 2006, Блинова 2007, Боровикова 2012, Бочкарева 2012].

Имена известных референтов называются исследователями по-разному: аллюзивные имена [Аристов 2008], референциально однозначные имена [Сапожникова 1990], референтно-прозрачные имена [Г.-Н. Кастаньеда 1975], прецедентные имена [Соколова 2006], реалионимы [Буркова 2010]. Различны и трактовки терминов. Иногда аллюзивные имена считают подклассом прецедентных имен с устойчивым неденотативным употреблением [Наумова 2011]. Достаточно распространено употребление терминов «аллюзивное имя» и «прецедентное имя» для обозначения

другого референта, то есть как синоним термина «антономасия». Поэтому в настоящем исследовании мы отказались от более распространенных терминов «аллюзивное» и «прецедентное» имя и принимаем для обозначения имен общеизвестных в масштабе американского социума лиц термин «референтно однозначные имена». Под референтно однозначными именами понимаются «собственные имена, не требующие поддержки речевой ситуации или контекста для определения их референциальной соотнесенности» [Сапожникова 1987: 103]. Другими словами, к референтно однозначным именам относятся антропонимы, являющиеся воплощенными для всех членов данного лингвосоциума.

Вторую рассматриваемую группу воплощенных имен составляют публичные прозвища. Правомерность включения их в лексическую систему языка вытекает из их широкой известности и употребительности в американском обществе. Публичные прозвища известных лиц можно встретить в американской публицистике как вместе, так и вместо личных и фамильных имен. К прозвищам применим тот же принцип отбора, что и к личным именам. Наряду с прозвищами, выходящими из употребления по мере утраты известности их носителей, в языке имеется относительно устойчивый прозвищный тезаурус воплощенных в масштабе социума единиц. Он представлен прозвищными именами лиц, принадлежащих национальной истории и культуре (“Billy the Kid”, “Stonewall Jackson”).

Практическое выделение прозвищных единиц из ономастических словарей вызывает определенные сложности, обусловленные нерешенностью большинства теоретических проблем прозвищной ономастики, в той числе и содержания понятий «прозвище», «прозвищный антропоним». В связи с этим представляется необходимым уточнить указанное понятие и выявить его семантические особенности в ряду других собственных имен.

Среднеанглийское *eke-name*, в котором восходит современное английское *nick-name*, означало «дополнительное имя» (от староанглийского *eke* - «тоже, также, к тому же»). Так называли имена, цель которых состояла в уточнении, идентификации лица. Таким образом, прозвище предполагает, что у данного лица уже есть имя.

В соответствии с этим прозвища обычно понимают как неофициальное обозначение лица, которое характеризует его по физическим или личностным признакам, занятию, происхождению, привычкам или событиям из жизни¹.

Некоторые лингвисты не указывают в качестве неперменного признака прозвища характеристику лица. Так, Э. Лоусон определяет

¹Определение К. Хейла (Hale 1981: 116). Сходным образом определяется прозвище в отечественной лингвистике: Прозвище - «название, данное человеку помимо его имени и содержащее в себе указание на какую-либо заметную черту характера, наружности, деятельности данного лица» (Цит по: [Вальтер, Мокиенко2007]).

прозвище как дополнительное имя, данное лицу [Lawson 1983: 323]. Такое определение позволяет трактовать эту группу антропонимов более широко.

Различия в определениях прозвищ приводят к разногласиям среди лингвистов по поводу включения уменьшительных, ласкательных и других форм личных имен в понятие прозвища. Обычно эти имена не относят к прозвищам. Так, в формулировке Э. Смита проводится разграничение между уменьшительными формами имени и фамилии и прозвищем: «Прозвище - это не имя, образованное от личного имени или уменьшительное от него, а имя, которое добавляется к личному имени, заменяет его или используется параллельно с ним»¹. Это определение принимается Дж. Скиппером, Д. Морганом и др. [Morgan, O'Neill, Harre 1979, Skipper 1990]. Сторонники приведенной точки зрения не включают в число прозвищ сокращения типа Chick от Charles или уменьшительные имена типа Smitty от Smith.

Другие исследователи считают, что в решении этого вопроса следует исходить не из теоретических посылок, а из практики функционирования некоторых форм имен в качестве прозвищ. Так, Р. Шэнкл включает в словарь прозвищ имена "Lis" (Элизабет Тэйлор), "Charlie" (Чарли Чаплин), "Ike" – Д. Эйзенхауэр и уменьшительные формы фамилий ("Bogie" - Х. Богарт).

Среди американских прозвищ встречается много таких, которые содержат личное имя или фамилию. Если последовательно придерживаться определения Э. Смита, то в словосочетаниях "Ugly Ike", "Speedy Eddie", "Hanoi Jane" лишь первая лексема является прозвищем. Однако эти словосочетания принципиально ничем не отличаются от других, где отделить прозвище от имени сложнее: "Harry of the West", "Mr. Fonda's Baby Jane" Кроме того, нередко личное имя или фамилия и собственно прозвищный антропоним образуют единый звуковой комплекс, где два слова часто рифмуются или создают аллитерацию ("Telescope Teddy", "Cretch the Wretch", "Gaseous Cassius"). Личное имя или фамилия, являющиеся компонентом прозвища, в этих случаях не могут свободно заменяться другими формами, выбранная форма имени жестко скреплена со вторым компонентом, причем в разных прозвищах одного лица могут фигурировать различные формы имени: "Theodore the Meddler", и "Telescope Teddy" (Т. Рузвельт), "Honest Abe" и "Father Abraham" (А. Линкольн), либо фамилия в ее обычном или измененном варианте ("King Roosevelt", "Massa Linkum"). В прозвищах "Old Rosey" (от Rosencranz) или "Little Zig" (от Zeigler) носители языка не могут по своему желанию заменить сокращенную форму фамилии полной. Все это дает основания считать, что личные имена и фамилии могут в некоторых

¹Цит. по: [Skipper 1990: 2].

случаях входить в состав прозвища в качестве его компонента. Такой вывод подтверждается и практической формой записи прозвищ в американских словарях. Отдельно взятые имена и фамилии (“Bogie”, “Smitty”) в настоящей работе в числе прозвищ не рассматриваются кроме тех случаев, где прозвищем служит личное имя, не являющееся именем лица (например, прозвище генерала Льюиса Валласа “Louisa”).

Другая проблема, возникающая в ходе отбора прозвищного материала, состоит в разграничении собственно прозвищ и перифрастических прозвищных именовании. Американские ономастические словари Э. Латэма, К. Сифакиса, Дж. Шэнкла и др. включают многочисленные перифрастические конструкции (“The Great Emancipator” (президент Авраам Линкольн), “The Great Khan of Wall Street” (финансист, предприниматель и банкир Джон Морган), “The Father of the Cosa Nostra” (Сальваторе Маранзано, одна из самых влиятельных фигур итальянской мафии), “America’s Favourite Cowboy” (кинозвезда, герой первых голливудских вестернов Томас Микс). Эти словосочетания имеют ряд существенных отличий от прозвищ, рассматриваемых ранее. Описательный характер, многословность и преимущественно мелиоративная окраска отличают их от кратких презрительных или фамильярных кличек, прозвищ типа “Duck Bill” или “Mex”.

Вместе с тем возникает вопрос о правомерности отнесения указанных перифрастических сочетаний к собственным именам. Для решения этой проблемы обратимся к традиционным определениям перифраза.

Перифраз (парафраз, перифраза) определяется в лингвистике как стилистический прием, заключающийся в непрямом, описательном обозначении предметов и имеющий эмоционально-экспрессивный, оценочный характер¹. Называя перифразой расширенное повторение мысли, Ш. Балли, однако, подчеркивал, что «под этим термином следует понимать свободное и спонтанное рождающееся выражение той же мысли» [Балли 1961: 126] и проводил разграничение между перифразами и языковыми штампами.

Применительно к лицам, общеизвестным в американском социуме, также можно говорить о двух типах косвенной номинации: спонтанных дескрипциях и описательных именовании с жестко фиксированной формой. В отличие от спонтанных описательных именовании лица клишированные сочетания, приводимые в словарях, характеризуются однозначной референтной соотнесенностью и потому могут быть отнесены к собственным именам.

О референтной однозначности как релевантном признаке прозвищ, отличающем их от обычных дескрипций, пишут П. Лесли и Дж. Скиппер,

¹ См. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

замечая, что прозвище, в отличие от описания, гарантирует значимую идентификацию лица [Leslie, Skipper 1990: 275-276].

Свойство прозвищ с той или иной степенью полноты характеризовать именуемое лицо отмечают все исследователи¹. Называя человека, прозвище наряду с именованием предлагает некоторую информацию о нем, кратко описывает какие-либо аспекты его личности, внешности или привычек. Однако другая сторона прозвища, а именно то, что оно является единичным (собственным) именем и обладает его свойствами в полной мере, обычно отходит на второй план и не акцентируется исследователями. Между тем именно признаки собственного имени позволяют отличить прозвища от свободных перифрастических сочетаний.

Как справедливо заметил Ч. Хокетт, собственное имя, в отличие от нарицательного, вначале присваивается определенному индивиду. Акт наречения именем всегда предшествует использованию этого имени, считает также Дж. Алгео. Наречение именем может быть обдуманым или спонтанным, но оно всегда имеет место [Algeo 1973: 75].

Перифрастическое словосочетание, появившееся в средствах массовой информации, со временем начинает восприниматься публикой как второе имя известного лица и безошибочно идентифицируется с ним. Таким образом, прозвища-перифразы (или языковые штампы, по Ш. Балли) следует отнести к числу анализируемых лексических единиц как собственные имена, единицы повторной номинации.

Включение перифразов в группу прозвищных антропонимов существенно расширяет ее границы по сравнению с распространенным мнением о прозвище как о фамильярном, часто насмешливом или оскорбительном именовании лица². Большинство прозвищ-перифразов не укладывается в привычное представление о прозвище, так как имеет мелиоративный характер. Кроме того, некоторые из них лишены той краткой выразительности, которая отличает типичные прозвища, и представляют собой целые описательные фразы: “The Radical Prophet of American Youth”, “The Lad That Became a Lady”.

Существование широкого спектра повторных единичных номинаций, значительно отличающихся по лингвистическим характеристикам, требует уточнения критериев прозвищного имени. Как указывалось ранее, к ним относятся, с одной стороны, признаки собственного имени, отличающие прозвище от нарицательного описания, а с другой стороны, признаки единиц повторной номинации, отличающие прозвища внутри класса

¹См., напр.: “...a nickname may serve as a capsule history of an individual...” [Skipper 1986: 135] или: “A nickname is no less than an attempt of an instant biography” (C. Sifakis. The Dictionary of Historic Nicknames. Introduction. New York, 1984).

²Напр., в словаре русского языка С.И. Ожегова после определения прозвища дан типичный пример употребления слова в сочетании: «обидное прозвище» [ТСРЯ]. Такое понимание прозвища характерно для обыденного сознания.

собственных имен от личного имени.

К признакам прозвищных антропонимов, разделяемым всеми воплощенными собственными именами, относятся следующие:

- 1) однозначная референциальность;
- 2) предшествование акта именованья употреблению имени.

Специфичными для прозвищ являются такт признаки, как:

- 1) характеристика лица;
- 2) повторный, дополнительный характер номинации.

Выработанные критерии позволили осуществить выборку прозвищных единиц из американских словарей. Название «прозвища», однако, представляется не вполне удачным применительно ко всем из них вследствие отмеченного выше стереотипного представления о них как о единицах преимущественно дерогативной номинации и указанных различий в двух основных группах исследуемых антропонимов. Отметим, что составители прозвищных словарей, очевидно, ощущая неоднородность единиц прозвищного фонда, также по-разному называют их. В дефинициях различных словарей встречаем термины *nick-name*, *surname*, *name*, *sobriquet*, причем употребляются они бессистемно, один термин часто обозначает совершенно различные по своим семантическим и функциональным характеристикам антропонимы. В словаре Э. Лэтема, например, термин “*nick-name*” употреблен применительно к словосочетаниям “*The Bobbin Boy*”, и “*The Stuffed Prophet*”; “*sobriquet*” – “*Tom Thumb*”; “*surname*” – “*The Waggon Boy*”, “*The American Socrates*”; “*name*” – “*The Great Commoner*”, “*The Mill Boy of the Slashes*”.

В настоящей работе для общего обозначения исследуемых антропонимов предлагается термин «прозвищные имена», под которым понимаются воплощенные прозвищные референтно однозначные антропонимы, имеющие дополнительный характер по отношению к личному имени и фамилии и характеризующие лицо по какому-либо признаку.

Отбор личных и фамильных имен известных американских референтов и их прозвищных имен осуществлялся различными методами, что объясняется их функциональными различиями: «первичностью» личных имен и «вторичностью» прозаичных антропонимов. Выявление ядра воплощенных референтно однозначных имен американского антропонимикона проводилось комплексным путем, прежде всего методом сплошной выборки из общих (не ономастических) словарей английского языка: словаря У. Морриса, куда наряду с нарицательными словами включены имена известных и значимых для американского общества личностей¹, словаря под ред. Н.Р. Гальперина. Была проведена выборка имен из книги Дж. Дэвидсона и Дж. Бэчелора “*The American Nation*”,

¹В предисловии к словарю отмечается: “The vocabulary recorded here ... is that of the educated adult” [AHD 1955].

представляющей собой популярное пособие по истории, а также выборка имен из книги памятных дат американского народа “The American Book of Days”. На основе перекрестной перепроверки единиц из указанных источников был выделен антропонимический минимум образованного американского коммуниканта, характеризующийся однозначной референтной соотнесенностью с объектами и не требующий речевой поддержки, что правомерно считать показателем наличия языкового значения воплощенного имени. Наибольшую ценность для исследования представила сплошная выборка личных имен из словаря культурных, литературных, библейских и исторических аллюзий Л. Урданга и Ф. Раффнера, в котором по данным статистических исследований приведены ассоциации, вызываемые в сознании американцев определенными словами, в том числе и именами известных исторических или вымышленных лиц. Наличие словарно зафиксированных ассоциаций антропонима означает безусловное восприятие его американцами как воплощенного референтно однозначного имени. Выборка проводилась двумя способами: а) в направлении «имя - вызываемая им ассоциация», б) в направлении «понятие - имя, ассоциируемое с ним». Например, а) Paul Revere¹: «курьер», «предупреждение»; б) «кража», «воровство»: JimmyValentine². Для установления значения воплощенных антропонимов осуществлялась сплошная выборка имен, функционирующих в языке в качестве антономасий по словарям К. Бичинга, К. Мейджер, А.И. Рыбакина и другим переводным, толковым и специальным ономастическим словарям.

Выделение прозвищного фонда американских воплощенных антропонимов проводилось на основе имеющегося корпуса личных и фамильных имен. Из трех американских словарей (словарь имен, фамилий и прозвищ Э. Лэтема, словарь американских прозвищ Дж. Шэнкла, словарь исторических прозвищ К. Сифакиса) в соответствии с вышеперечисленными критериями были отобраны прозвищные имена, принадлежащие известным в американском обществе лицам, то есть единицы повторной номинации, соответствующие референтно однозначным фамильным именам. Следует отметить, что сферы референтно однозначных имен и прозвищных имен перекрываются лишь частично, так как значительная часть первого класса антропонимов представлена именами вымышленных лиц: литературных героев, библейских персонажей, которые, естественно, прозвищ не имеют. Но и среди известных исторических лиц, имена которых составляют предмет

¹ Один из героев Американской революции, предупредивший повстанцев о приближении британских войск.

² Герой рассказа О.Генри, взломщик сейфов.

исследования, не все имеют словарно зафиксированные прозвищные эквиваленты. Поэтому полного параллелизма в составе личных и прозвищных антропонимов достигнуть не удалось. Однако это касается лишь небольшого количества эпонимов. Абсолютное большинство значимых в масштабах американского лингвосоциума исторических личностей характеризуется наличием одного или нескольких прозвищных имен.

В результате анализа выделенных лингвистических единиц были выявлены: а) тематические группы референтно однозначных личных и фамильных имен; б) социальные и профессиональные группы с наивысшей концентрацией прозвищных антропонимов (прозвищных имен).

Среди общественно значимых референтно однозначных имен это следующие группы антропонимов:

1) имена исторических, реально существовавших лиц: общественных и политических деятелей (президентов (Franklin.D. Roosevelt), сенаторов (Joseph McCarthy), деятелей общественных движений (Samuel Gompers), первых поселенцев Америки (Kit Carson), героев Американской революции (Nathan Hale), гражданской войны (Joseph R. Anderson) и других исторических событий; имена знаменитых ученых (Thomas Edison), писателей, поэтов (Fennimore Cooper, Henry Longfellow), музыкантов, композиторов, певцов (Frank Sinatra), актеров (John Barrymore), популярных теле- и радио ведущих (Phil Donahue), спортсменов (Thomas Evers), гангстеров (Al Capone) и т.п.;

2) имена литературных персонажей (герой романа Фитцджеральда «Великий Гэтсби» Jay Gatsby, персонаж романа Мелвилла «Моби Дик» Captain Ahab и т.п.);

3) имена библейских персонажей (пророк Daniel, книжник и священник Ezra, последний из судей Израиля Samson, главный мятежный ангел Lucifer и т.п.);

4) имена мифологических персонажей (Antaeus - борец-великан, побежденный Гераклом, Apollo- бог красоты, солнца и искусства, Valkirie - одна из воинственных богинь в скандинавской мифологии, Venus - богиня любви в древнеримской мифологии и т.п.);

5) имена героев американского фольклора (Paul Bunyan - легендарный гигант-лесоруб, Santa Claus - американский Дед Мороз, David Crockett - легендарный герой, хвостун и задира);

6) имена героев американских фильмов, мультфильмов, радио- и телепрограмм (Captain America - персонаж многих американских мультфильмов, Ozzie & Harriet - персонажи популярной телепрограммы, Lone Ranger – герой фильма “The Lone Ranger Rides again” и пр.).

Следует заметить, что воплощенный антропонимический фонд лексической системы американского варианта едва ли правомерно ограничивать именами американских эпонимов. Существование

американской культуры в рамках общечеловеческой культуры влечет за собой интернационализацию многих антропонимов. Прежде всего, это относится к библейским и мифологическим именам, являющимся составной частью антропонимикона любого языка. Имеющие всемирную известность имена писателей, актеров, политических деятелей различных народов также входят в информационный фонд носителей языка. Ограничение рамок настоящей работы рассмотрением антропонимов, принадлежащих собственно американской культуре, вызвано стремлением обнаружить национально-культурные коннотации в их семантике. Включение библейских и мифологических имен объясняется особым местом этих антропонимов в антропонимиконе американцев и отражением в них некоторых национально-специфических особенностей американского лингвосоциума.

Количественный анализ прозвищных имен исторических лиц в различных тематических группах, соответствующих типам номинаций группы референтно однозначных имен, выявил существенные различия в численности единиц. Наиболее многочисленными оказались следующие группы прозвищных имен:

1) прозвищные имена политических деятелей: президентов (“Old Hickory” - Э. Джексон, “The Apostle of Liberty” - Т. Джефферсон), конгрессменов (“The Cowboy Senator”, “Ohio Gong”);

2) актеры, представители шоу-бизнеса (“Great Profile” – Дж. Бэрримор, “The New Ziegfeld” - М. Тодд);

3) певцы, музыканты (“The Groaner” - Б. Кросби, “The Black Horowitz” – Ф. Уоллер);

4) теле- и радиоведущие (“Uncle Walter”- У. Кронкайт, “The Prince of Darkness” – Дж. Карсон);

5) спортсмены (“Gaseous Cassius” – М. Али, “The Grab” – Дж. Эверс);

6) преступники, гангстеры (“The Good Badman” - СэнБасс, “Three Finger Brown” - Т. Лючезе);

7) бизнесмены (“The Steel King”- Э. Карнеги, “Terrible Ted”- Т. Тернер);

8) писатели, поэты (“The Gold Gray Poet” – У. Уитмен, “Advertiser” - Б. Бартон).

Особенности коннотативного значения антропонимов, обусловленные принадлежностью к той или иной тематической группе, будут рассматриваться в главах III и IV. В целом же перечень приведенных социальных групп свидетельствует, на наш взгляд, о проявлении важнейшей функции публичного прозвища как показателя релевантности эпонима для членов общества. Самые многочисленные группы представлены именами лиц, оказывающих воздействие на каждодневную реальность общественной жизни и затрагивающих личные или общественные интересы членов социума. Актуальность эпонимов для

общественного сознания стимулирует создание прозвищных имен, конкретизирующих те или иные личностные признаки. Отметим, что анализируемые в настоящем исследовании прозвищные единицы включают прозвищные имена и эпонимов, не входящих в указанные группы (художников, ученых и пр.), но их число в антропонимических словарях значительно ниже. Безусловное лидерство и по общему количеству именуемых лиц, и по количеству полионимов (прозвищ одного лица) принадлежит группе имен политических деятелей. Практически все президенты США имеют одно или несколько прозвищных имен, а число прозвищ А. Линкольна, приведенных в словаре К. Сифакиса, достигает двадцати семи. Составитель словаря считает большое количество прозвищ лица свидетельством неоднозначности, противоречивости социальной оценки эпонима членами различных групп общества: “The more controversial a person, the more nicknames he may gain” [Sifakis1984:XXII].

Отобранный лингвистический материал в виде двух основных классов воплощенных имен позволяет осуществить изучение коннотативного значения американского антропонима, возникающее как следствие тесной связи имени с его общеизвестным в масштабах социума носителем.

ВЫВОДЫ

Обзор лингвистических концепций имени собственного выявляет недостаточность семантического подхода для анализа его значения. Традиционная трактовка собственного имени как абстрактной единицы языка, обладающей лишь самыми общими, категориальными признаками, приводит к исключению из антропонимической системы языка важных компонентов. Своеобразным пластом антропонимической лексики являются прозвища, которые представляют собой собственные имена и одновременно обладающие понятийным значением вследствие использования нарицательных имен в качестве антрополексем. Прозвища являются полноправными единицами антропонимикона, системный характер которых подтверждается наличием в языке наряду с фондом личных и фамильных имен регулярного прозвищного фонда, включающего рекуррентные (типовые) единицы прозвищной номинации.

Ограничение изучения значения собственного имени рамками изучения семантики единиц, которые потенциально могут быть использованы для номинации, является следствием семантического подхода к имени и не учитывает его специфики по сравнению с нарицательными словами. Социолингвистический характер значения антропонима, заключающийся в тесной связи имени с именуемым лицом, обуславливает существование в языке собственных имен широко известных в обществе личностей. Однозначное понимание определенных личных и прозвищных имен, соотнесение их с конкретными эпонимами всеми членами социума позволяет считать общеизвестные имена лиц

значимыми языковыми единицами и объясняет правомерность их изучения в рамках антропонимической системы языка,

Основным дифференциальным признаком собственного имени, отражающим его абсолютную специфичность в языке, выступает референциальность. Значение имени состоит в предоставлении общей возможности референции, то есть соотнесения имени с объектом. В соответствии с различными способами осуществления референции собственные имена - антропонимы - подразделяются на два основных класса: невоплощенные и воплощенные. Противопоставление невоплощенных и воплощенных имен имеет место в рамках языковой системы и не дублирует дихотомию «имя в языке / речи». Невоплощенные имена - это языковые единицы, интенционал которых составляют общие категориальные признаки носителей того или иного имени. Значение невоплощенного имени составляют как закрепленные традициями употребления различия по признаку пола, национальности, временной отнесенности, так и разнообразные эстетические оценки имени. Воплощенные имена представляют собой единицы субъязыков отдельных социальных групп или общей языковой системы, связанные в сознании коммуникантов с конкретными эпонимами. Значение воплощенного имени основано на экстралингвистической информации о его носителе.

Лингвистическое значение воплощенного антропонима возникает на основе концепта – ментального представления о носителе имени, языкового сообщества. Изучение воплощенных имен американской антропонимической системы предполагает рассмотрение двух выделенных видов антропонимов: референтно однозначные имена (имена широко известных в американском обществе лиц) и прозвищные имена общеизвестных референтов (различные виды прозвищных именовании). Распределение антропонимов каждого вида по тематическим группам и анализа полученных классификации позволяет констатировать, что наиболее многочисленные группы образованы антропонимами, отражающими реальности общественно-исторического развития (имена и прозвища президентов, героев американской истории, имена известных гангстеров); некоторыми национальными особенностями (имена библейских персонажей); а также повседневными интересами носителей языка (имена популярных актеров, музыкантов, спортсменов). Актуальность той или иной личности для коллективного сознания в определенный исторический период проявляется в создании большого количества прозвищных имен, отражающих различия в социальной оценке эпонима различными группами и слоями общества.

ГЛАВА II ОСОБЕННОСТИ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ СТАТУС КОННОСТАЦИИ В СЕМАНТИКЕ ВОПЛОЩЕННОГО АНТРОПОНИМА

Коннотация трактуется современной отечественной лингвистикой как добавочное значение, дополнительная окрашенность слова [Ахманова, СЛТ]. Во многих определениях отмечается социальный характер коннотации, отражение в ней несущественных, но устойчивых признаков понятий, в которых воплощена оценка предмета или явления языковым коллективом [Апресян 1995].

Поскольку антропоним не выражает понятия, а соотносится непосредственно с объектом, способность антропонимов к образованию коннотаций является одним из старинных дискуссионных вопросов лингвистики. Некоторые исследователи, вслед за Д.С. Миллем, относят антропонимы к неконнотирующей лексике (впрочем, Милль, который и ввел этот термин, употреблял его в другом смысле, отказывая имени собственному в значении вообще и мотивируя это отсутствием связи с понятием). “Mill makes it clear that what he calls 'connotation' is what we would ordinarily call meaning” [Buckner 2006].

Имя собственное не коннотирует и дается вполне определенному объекту», - пишет А.В. Суперанская [Суперанская 1978: 8], в трактовке которой коннотация представляет собой соотнесенность с определенным семантическим полем и детерминирована наличием понятийного значения. Содержащаяся в некоторых именах интеллектуальная информация, позволяющая установить связь имени с логико-предметными рядами и обеспечивающая полноправное существование в языковой системе как языкового знака («Аустерлиц» - место победы, «Ватерлоо» - место поражения), рассматривается А.В. Суперанской как исключение, приближающее такие собственные имена к нарицательным. Таким образом, неконнотируемость в приведенной концепции признается ингерентным признаком собственного имени, противопоставляющим его нарицательному.

Настоящее исследование основано на предпосылке о наличии в структуре значения собственных имен сем коннотативного значения. Эта точка зрения восходит к О. Есперсену и находит все больше сторонников среди отечественных и зарубежных лингвистов (Гриценко 1990, Леонович 1990, Томахин 1986, Фоякова 1990, Шеремет 1984). Так, О.И. Фоякова считает, что число коннотативных сем у собственных имен существенно больше, чем у аппеллятивов. О расширении понятия коннотации в антропонимах пишет Л.Г. Шеремет [Шеремет 1984: 2]. На свойство гиперноминативности собственных имен, под которыми понимается способность к образованию ассоциаций, указывает Л.М. Сапожникова

[1990: 88]. Имена, принадлежащие известным людям, персонажам литературных произведений, мифологическим и библейским героям, получившие название коннотативных собственных имен, вызывают целый ряд ассоциаций, связанных с их референтами и основанных на энциклопедической информации о них. Об исторических и социальных коннотациях собственных имен, ясно ощущаемых носителями языка, упоминает О.А. Леонович [1990: 12]. К коннотативным реалиям, т.е. словам с дополнительными национально-культурными коннотациями, возникшими на основе культурно-исторических ассоциаций, относит собственные имена Г.Д. Томахин [1984: 2-3]. В лингвистических исследованиях последних лет собственные имена-реалии рассматриваются как компоненты фоновых знаний [Соловьева 2004, Ковригина 2012], которые являются неотъемлемой составляющей понимания и употребление которых способствует созданию национального и исторического колорита. Ю.А. Блинова упоминает о наличии устойчивых ассоциаций и представлений в прецедентных онимах немецкого языка - именах сказочных персонажей [Блинова 2007]. О.Н. Ракитина выделяет национально-культурную коннотацию как семантическую категорию, а соответствующие коннотирующие лексические единицы называет репрезентаторами значимых концептов фольклорных текстов [Ракитина 2005]. А.В. Цепкова пишет о национально-культурной маркированности прозвищных антропонимов [Цепкова 2011] и выделяет коннотативный компонент в структуре их значения.

Обзор лингвистической литературы свидетельствует о том, что в современном гуманитарном знании все большее распространение получает точка зрения о наличии коннотации в структуре значения собственного имени. Так, О.А. Бурукина считает коннотацию лингвистической универсалией - универсальным свойством человеческого мышления, которое является следствием ассоциативности и образности мышления [Бурукина 2011]. Соответственно, согласно этому мнению, коннотативность свойственна всем лексическим единицам языка.

Дальнейшее исследование направлено на выявление сущности коннотации применительно к собственному имени и определение ее статуса в содержательной структуре антропонима.

1. Содержание понятия коннотации применительно к антропониму

При выявлении коннотативной специфики антропонима будем исходить из определения В.Н. Телия о коннотативном значении как свойстве «отмечать некоторое свойство реалии, отсылая к ней, но не участвовать в ее обозначении как таковом» [Телия 1981:226]. Следовательно, коннотация представляет собой не имеющую вербального выражения часть лексиче-

ского значения. Такое понимание коннотативного значения, однако, требует уточнения. Для установления практических рамок коннотации обратимся к лингвистическим работам, посвященным анализу природы коннотации и ее семантических типов. Наиболее традиционное понимание коннотации, разделяемое еще А.А. Потебней и Ф.Ф. Фортунатовым, - это коннотация чувственная. В современной лингвистике она получила название эмоционально-оценочной и является общепризнанным типом коннотативного значения. В современной лингвистике выделяется также рационально-оценочная, или объективно-логическая коннотация, связанная с интеллектуальной оценкой объекта, она больше характерна для научных текстов.

Как совокупность характерологических компонентов семантики слова, соотносящихся с чувственной и рациональной квалификацией денотата, рассматривает коннотативное значение В.И. Шаховский. Коннотация в его представлении имеет характер модальности и определяется как «часть лексического значения слова, с помощью которого выражается состояние говорящего, его отношение к предмету, объекту и адресации слова» [Шаховский 1982: 29-30].

При более широком понимании коннотации в число коннотативных компонентов семантики слова включается стилистическое значение.

Е.С. Гриценко характеризует коннотативное значение как компонент плана содержания языковой единицы, отражающий представление о языковой форме слова, что предполагает изучение в числе коннотативных сем и эмоционально-оценочных компонентов значения, и стилистических сем, маркирующих слово относительно других слов языковой системы [Гриценко 1990:63, 69].

К одному из видов коннотативного значения лингвисты относят культурный компонент семантики слова, впервые выделенный Н.Г. Комлевым [Комлев 1966, 1969]. Понятие культурной коннотации, по Н.Г. Комлеву, включает связь языковых элементов с культурной средой (ср. национально-культурный компонент значения слова, о котором упоминает И.А. Стернин [Стернин 1984]. В современных исследованиях культурная коннотация рассматривается как экспонент культуры в языковом знаке [Маслова 2001, Бурукина 2011], компонент значения, непосредственно связанный с исторической памятью народа: «Культурная коннотация – это отпечаток исторической, этнической памяти в системе языка, то есть в её самой динамичной и уникальной системе – лексике. Она может отражаться вербально в виде своеобразных концептов, стереотипов, эталонов, символов, фреймов, мифологем и т. п. знаков национальной и общечеловеческой культуры, освоенной народом – носителем языка» [Бавдинев 2005: 177].

Для современной лингвистики характерно стремление расширить границы коннотации, выражающееся в выходе ее за пределы экспрессив-

но-оценочного значения, в котором она начинала свое существование. Как отмечает В.И. Говердовский, коннотация «захватила уже социально-политические, морально-этические, этнографические и культурологические понятия, ... отражающиеся в языке» [Говердовский 1985: 71]. Отмеченная тенденция находит выражение и в изменении локализации коннотативного значения в семантической структуре слова. Проблема статуса коннотации в структуре значения все чаще решается путем включения ее не только в структуру слова в целом, но и в денотативную ее часть¹. В лингвистических исследованиях прошлого века коннотация, отражающая нерелевантные признаки предмета, обычно четко противопоставлялась денотации, в основе которой лежат его релевантные свойства [см, например: Азнаурова 1973, Cummings, Herum, Lybbert 1971]. Денотация и коннотация рассматривались как совершенно изолированные области, где денотативное значение служило для выражения понятия, а коннотативная сфера описывалась как нечто вторичное, некое эмоционально-оценочное наслаение на денотативное значение. В современных работах выдвигается тезис об отсутствии четкой границы между денотативной и коннотативной сферами лексического значения. Так, В.И. Шаховский допускает существование коннотативных элементов и в денотативной части семантики. Это происходит в тех случаях, когда коннотацией является образное представление, зафиксированное в денотативной сфере и соотносящееся с понятием, которое оно замещает в языке. Направленность изучения коннотативного значения во многом обусловлена позицией исследователя в отнесении коннотации к сфере языка либо речи. Для многих современных лингвистов характерна оценка коннотации как речевого явления. Такая трактовка коннотации отличает позицию В.И. Говердовского, определяющего ее как «сумму эмоционально-оценочных компонентов, сопровождающих значение в реальном акте» [Говердовский 1990; 3]. Языковая коннотация, по мнению ученого, - всего лишь «отголоски звучания, совершающегося в речи», которые на некоторое время сохраняет и улавливает язык» [там же:5].

Аналогичную точку зрения высказывает Т.А. Графова [Графова 1987], рассматривая коннотацию как прагматический компонент семантики слова, возникающий в речи под влиянием различных прагматических факторов.

Суммируя результаты приведенного обзора возможных аспектов проблемы коннотации, выделим следующие вопросы, актуальные для настоящего исследования:

1) можно ли считать коннотацию компонентом языкового значения воплощенного имени или она имеет речевой, ситуативно обусловленный характер;

¹Вопросы включения эмоционально-оценочного и стилистического компонентов значения в структуру денотата или коннотата рассматриваются Е.С. Гриценко в работе «Коннотация и некоторые другие понятия лингвостилистики» [Гриценко 1990].

2) что следует понимать под термином «коннотативное значение воплощенного антропонима»;

3) каков лингвистический статус коннотации в структуре значения антропонима (если коннотативное значение рассматривается как языковое явление).

Мнения лингвистов о языковом или речевом характере коннотативного значения собственных имен существенно рознятся, от утверждения об относительной независимости их от контекста [Ramp 1985] до признания собственных имен своего рода дейктическими словами, реализация смысловых потенциалов которых происходит только в речи [Руденко 1990]. В.И. Руденко отмечает важную роль контекста для семантического наполнения собственных имен, что можно расценивать как прагматическую трактовку их значения. Однако расширительное понимание контекста, в который В.И. Руденко включает исторический и социальный контекст, выдвигая положение о необходимости изучения значения имени в т.н. «широком контексте», сближает позицию лингвиста с мнением исследователей, считающих значение собственного имени языковой категорией.

Однако чаще прагматическая обусловленность значения собственных имен рассматривается как чисто ситуативная или контекстуальная зависимость. Данные И.Л. Колмаковой, содержащие статистический анализ соотносительного использования в тексте более или менее прагматически зависимых собственных имен [Колмакова 1988], говорят о весьма умеренном влиянии контекста на изменение значения имени. Рассматривая механизмы актуализации семантических потенциалов имен, автор подразделяет имена на ингерентные характеризаторы, обладающие устойчивым значением, и адгерентные, отличающиеся контекстуальной зависимостью [Колмакова 1988: 11-14]. Приведенные И.Л. Колмаковой статистические данные о частотности употребления в тексте адгерентных (34%) и ингерентных характеризаторов (66%) позволяют сделать вывод о том, что влияние прагматического значения собственных имен, на которое указывает автор, в современной лингвистике несколько преувеличено под влиянием возросшего интереса к прагматическому значению слова в последние годы; как видим, две трети используемых в коммуникации имен характеризуются устойчивым значением. Аналогично, при изучении функционирования аллюзивных антропонимов в художественном тексте исследователями отмечается, что в 98% случаев они отсылают к одним и тем же фоновым знаниям, актуализируя определенные культурно-исторические ассоциации и образуя однородный вертикальный контекст [Соловьева 2004]. В связи с этим представляется обоснованным мнение ряда отечественных и зарубежных лингвистов о несводимости понятия коннотации к контекстуальной обусловленности (И.В. Азнаурова, И.В. Арнольд) и относительной самостоятельности собственного имени от контекста (Б. Пэмп). Утверждение о большей независимости собственного имени от контекста по сравнению

с нарицательным базируется на взятом за основу тезисе о монореферентности имени, всегда применяющегося по отношению к одному (в рамках определенного социального поля) объекту, вследствие чего контекст не может существенно изменить значение имени [Pamp 1985: 112].

На основании вышеизложенного представляется целесообразным считать коннотативное значение воплощенного антропонима, рассматриваемого в качестве элемента языковой системы, языковой категорией. Не отрицая влияния прагматических факторов на значение собственных имен, настоящее исследование подчеркивает существенность для изучаемых воплощенных антропонимов устойчивых компонентов значения, присущих им как весьма консервативной части лексики, с ярко выраженной кумулятивной функцией. Предполагается, что большая часть коннотаций антропонимов образуется в результате комплексного воздействия различных культурно-исторических и социальных факторов и имеет относительно устойчивый характер, хотя конкретные условия функционирования, безусловно, расширяют и детализируют их коннотативное значение.

Вопрос о содержании коннотативного значения воплощенного антропонима, являясь наиболее важным для осуществления целей исследования, одновременно представляет наибольшую сложность. Наряду с очевидными компонентами коннотативного значения обращают на себя внимание виды значения, не подвергающиеся анализу в составе структуры значения слова, но предположительно относящиеся к коннотативной семантике.

Не вызывает сомнения необходимость включения в языковое коннотативное значение антропонима его аксиологических оттенков значения, отражающих стереотипное оценочное отношение общества к общеизвестному лицу. Такого рода компоненты коннотативного значения рассматриваются в работе под названием «аксиологические коннотации» и свойственны как воплощенным референтно однозначным именам, так и прозвищным именам общеизвестных лиц.

Прозвищные имена как антропонимы, состоящие из нарицательных антрополексем с живой внутренней формой, помимо указанных коннотаций, обладают узуальным стилистическим значением, детерминированным отнесенностью лексемы к тому или иному субъязыку. В этой связи в работе выделяются стилистические коннотации, обусловленные функционально-стилистической маркированностью слов, использующихся для прозвищной номинации.

Выделенными типами коннотативного значения, однако, не исчерпывается богатый коннотативный потенциал воплощенных антропонимов. Для выявления еще одного компонента коннотативного значения воплощенного имени обратимся вновь к определению коннотации, данному В.Н. Телия. Коннотативное значение характеризуется как «добавочные смыслы» слова, отражающие ассоциативно мотивированные признаки, а

коннотативные признаки признаются семантическими коррелятами его ассоциативных признаков [165: 65]. Исходя из данного определения, можно трактовать коннотативное значение воплощенного антропонима как дополнительное значение, возникающее на базе ассоциаций имени. Ассоциации собственного имени подразделяются на два основных типа:

- лингвистические ассоциации, возникающие на основе сходства звуковой формы имени с другими языковыми единицами;
- экстралингвистические ассоциации, основанные на фоновых знаниях о референте, носителе имени.

Соответственно, можно говорить о двух типах коннотаций, обусловленных вышеуказанными ассоциациями.

Рассматривая ассоциации, возникающие при употреблении собственных имен, Э.Б. Магазаник приходит к выводу, что «собственные имена не приносят “от себя” никакой семантической игры, и их лингвистическими признаками является всего лишь соседство, звуковое сходство с нарицательными словами, которое влечет за собой определенные ассоциации» [Магазаник 1978: 24].

Возникновению ассоциаций способствует отмеченное А.П. Клименко стремление человека приписывать значение даже тем звуко сочетаниям и словам, которые ничего не обозначают [Клименко 1983]. Как замечает Д.И. Руденко, «нет оснований полагать, что при использовании собственных имен мы “отключаем” свое сознание» [Руденко 1990: 238]. Поэтому при употреблении собственных имен подключение ассоциативного мышления вызывает в сознании носителя языка образы, связанные с данным звуковым комплексом. Такого рода коннотации, как правило, возникают при употреблении невоплощенного имени; вне связи имени с конкретным объектом и ввиду отсутствия другой опоры смысловая связь устанавливается между звуковым образом имени и звуковыми образами похожих нарицательных слов. При дальнейшем употреблении ассоциации, возникающие в момент первичного восприятия, как правило, угасают, не встречая подтверждения, а их место занимают ассоциации, основанные на свойствах самого объекта.

Наибольшую способность осмысляться вне контекста, на почве ассоциаций данного языка получают имена с прозрачной нарицательной основой. Однако, как указывалось ранее, в случайных именах отсутствует соответствие внешней формы с внутренними или внешними признаками лица, и эта связь затухает. Прозвищные имена, дающиеся, в отличие от личных и фамильных имен, мотивированно, на основе каких-либо характеристик объекта, сохраняют связь с внутренней формой. Большую часть невоплощенных имен отличает коннотативность не вполне определенного, преимущественно эмоционального характера. Она основана на представлении коммуникантов о «красивых» и «некрасивых», «мужественных» или «женственных» и т.п. именах. При этом смутно ощущаемая основа или

смутно ощущаемое рассудочно-логическое значение также может оказать влияние на эстетическое восприятие имени.

В воплощенных именах, являющихся принадлежностью идиолекта отдельного носителя языка или включенных в лексическую систему всего лингвосоциума, на первый план выходит связь антропонима с лицом и коннотации, вызванные фоновыми знаниями об объекте номинации. Это не исключает, впрочем, возникновения коннотаций первого типа, но обычно они являются результатом специального стилистического «обыгрывания» звуковой формы имени.

Экстралингвистический характер ассоциаций, лежащих в основе коннотативного значения второго типа, вызывает необходимость вменения степени «лингвистичности» фоновых знаний и правомерности их включения в структуру коннотативного значения антропонима. Ввиду обширного характера проблемы вопрос о фоновых знаниях рассматривается отдельно, в следующем разделе.

2. Фоновые знания и коннотативное значение антропонимов

Необходимость учета фоновых знаний при анализе функционирования слова в языке не вызывает сомнений у большинства современных лингвистов. Важность знания экстралингвистических реалий в процессе коммуникации и учета их лингвистикой отмечал еще А. Мейе¹.

К изучению языка не только «в себе» и «для себя», но и как часть культуры и общества призывал Р. Якобсон.²

В отечественной лингвистике в последние годы наблюдается усиление интереса к проблеме фоновых знаний. Г.Д. Томахин подчеркивает, что лингвистика должна принимать во внимание культурно-исторические факторы, находящие свое отражение в языке, и считает весьма относительным противопоставление «лингвистический» и «экстра-лингвистический» (Томахин 1986, с. 12). Действительно, в реальном общении языковые и внеязыковые факторы не противопоставлены, а равно являются необходимым условием коммуникации.

Навык владения необходимыми для успешного общения лингвистическими и экстралингвистическими знаниями получил в современном языкознании название коммуникативной компетенции. Фоновые знания, являющиеся одним из компонентов коммуникативной компетенции, представляют собой совокупность исторического, культурного, социального опыта народа, накопленного в результате длительного совместного разви-

¹«Нельзя понять язык, не имея представления об условиях, в которых живет народность, говорящая на этом языке» (А. Мейе. Сравнительный опыт исторического языкознания. М., 1954. С. 8).

²R. Jakobson. Implications of language universals for linguistics. In: Universalsof language. Ed. 2. Cambr.; Mass., 1966. P. 276-277

тия. Под этим термином в лингвистике понимается "обоюдное знание реалий говорящим и слушающим, служащее основой языкового общения" [СЛТ].

В социолингвистической литературе фоновые знания рассматриваются как элемент массовой культуры, знания, обязательные для всех членов социума [Верещагин, Костомаров 1976: 12; Живоглядов 1987: 10]. Л.П. Крысин, анализируя структуру навыков, необходимых для эффективного владения языком, выделяет в ней наряду с другими национально-культурный и энциклопедический уровни [Крысин 1989: 125-127]. Национально-культурный уровень коммуникативной компетенции предполагает знание стандартных, общепринятых в данном социуме национально-обусловленных ассоциаций, возникающих при произнесении слова. Энциклопедическая компетенция связана со знанием реалий, стоящих за словом. В основе энциклопедического и национально-культурного уровней владения языком лежат фоновые знания носителей языка.

Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров отмечают устойчивость фоновых знаний, обязательность ассоциаций у говорящих на одном языке [Верещагин, Костомаров 1976: 214]. Вместе с тем подчеркивается неоднородность фоновых знаний, которые подразделяются на актуальные фоновые знания и фоновые знания культурного наследия. Последние характеризуются нестабильностью и могут не являться достоянием массового сознания.

Впрочем, такое деление не означает, что вся информация, относящаяся к более раннему периоду, является «закрытой» для основной части общества. Неразрывная связь актуальной культуры с историей делает такую границу достаточно условной.

Таким образом, в синхроническом срезе фоновые знания определенного лингвосоциума состоят из ядра, включающего все актуальные и некоторую часть фоновых знаний культурного наследия, и периферийной области, представленной знаниями, утратившими актуальность и известными лишь узкой части общества.

Если вопрос о существенности изучения фоновых знаний практически не встречает возражений, то проблема их «лингвистичности», (а, следовательно, и правомерности отнесения к коннотативному значению), вызывает серьезные дискуссии. К знаниям лингвистического характера относят фоновые знания Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров, Л.Б. Воскресенская, П.И. Донец и др. Авторы монографии «Лингвострановедческая теория слова» считают, что семантика слова не ограничена лексическим понятием и включают лексический фон в содержательную структуру слова [Верещагин, Костомаров 1980: 25]. При этом некоторые семантические доли лексического фона, определяющие связи слова с другими словами, исключаются из собственно семантики слова с оговоркой, что они включены в нее «не статически, а динамически» [Там же: 126]. Противоречивость этой позиции вызвана, с одной стороны, пониманием

релевантности фоновой информации для восприятия имени во всей полноте его национальных и культурно-исторических связей, а с другой стороны, осознанием чрезмерности расширения семантической структуры слова при таком подходе.

Более последовательной представляется позиция А.Н. Крюкова [Крюков 1986], определяющего фоновые знания как величину нелингвистическую, являющуюся принадлежностью невербального, смыслового уровня сознания, а следовательно, не входящую в содержательную структуру слова. Н.А. Крюков исходит из четкого разделения двух уровней сознания: когнитивного и языкового. Фоновые знания формируют смысловой уровень сознания в неязыковой форме, форме многочисленных логических импликаций и пресуппозиций. А поскольку значения слов основаны на языковом уровне сознания, то неправомерно «привязывать» фоновые знания к лексеме. Тем не менее, нельзя отрицать влияния фоновой информации на лексическое значение слова. В результате комплексного действия многообразных экстралингвистических факторов на протяжении длительного исторического развития у нации формируется общенациональный субстрат когнитивного сознания, которое не обязательно выражено в словах. Понимание фоновых знаний как невербального компонента речевого общения не исключает изучения их лингвистикой в необходимых случаях. Информация экстралингвистического характера является лингвистически релевантной, поскольку процесс коммуникации нарушается в случае отсутствия у одного из коммуникантов соответствующих фоновых знаний, а процесс коммуникации, безусловно, является предметом лингвистического изучения.

При функционировании воплощенных антропонимов фоновые знания приобретают особое значение. Зависимость лингвистического значения имен от экстралингвистических свойств эпонимов, социальная и национальная обусловленность значения собственного имени ставит эффективность коммуникации в прямую зависимость от наличия у коммуникантов соответствующей фоновой информации. С другой стороны, использование языковых единиц, опирающихся на фоновые знания, позволяет, как справедливо отмечает А.Н. Крюков, избежать тавтологичности высказывания, повторения банальных истин, общеизвестных данной лингвокультурной общности [Крюков 1986: 26], способствует увеличению емкости и образности высказывания. В этом отношении особенно богаты по своему экстралингвистическому содержанию имена и прозвища известных исторических лиц, функционирование которых основано на актуализации неязыковой информации, связанной с их носителями. Референтно однозначное имя может ассоциироваться у носителей языка с определенной сферой деятельности (например, имя американского изобретателя Т. Эдисона или имя астронавта Н. Армстронга) или историческим периодом (имя известного губернатора голландской колонии в Америке в XVII в. Питера Стай-

везанта или имя первопроходца времен освоения Кентукки и Теннесси Даниэля Буна). Однако в отличие от трактовки Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, рассматривающих слово как "вместилище знаний"¹, в настоящей работе проводится разграничение между фоновыми знаниями, являющимися понятием лингвистическим, и коннотативным значением, входящим в семантическую структуру слова. В этой связи подчеркивается различие между фоновыми ассоциациями, являющимися принадлежностью неязыкового уровня мышления и коннотациями, образованными на основе ассоциативных признаков и составляющих важную часть семантики имени. Фоновые знания составляют необходимый когнитивный субстрат коннотативного значения, общность которого для всех членов лингвосоциума обеспечивает языковой (устойчивый) характер коннотаций воплощенных антропонимов. Когнитивный субстрат, ментальный образ, или концепт являются неотъемлемой частью семантики антропонима. Компоненты коннотативной семантики, основанные на экстралингвистических знаниях о носителе имени, изучаются в работе под названием «фоновые коннотации»² имени.

3. Социокультурный базис коннотаций американского антропонима

В конце прошлого века в лингвистике произошел важный сдвиг: переход от рассмотрения языка в самом себе к лингвистике антропологической, ставящей целью изучение языковых явлений на основе их связи с одной стороны, с психическими основами речемыслительной деятельности человека, а с другой стороны, с национально-культурным развитием социума. Настоящая работа выполнена в русле антропологических лингвистических исследований.

Имена являются языковыми единицами, в которых наиболее ярко отражается своеобразие национальной культуры. Антропонимы как область лексики, самым тесным образом связанная с экстралингвистической действительностью, являются отражением стереотипов национального мышления, национального духа в целом.

Среди условий, необходимых для понимания языка, американский лингвист Г.Л. Ностранд называет знание центрального кода культуры, который предполагает не только знакомство с обычаями народа, но и знание системы его важнейших ценностей, образа мыслей и основных взглядов на человека и общество [Nostrand 1989: 49]. В этом аспекте антропонимы яв-

¹«Слово как отдельная языковая единица вмещает в себе и в себя знания о действительности, свойственные как массовому, так и индивидуальному сознанию» (Верещагин, Костомаров 1980: 192).

² Термин «фоновые коннотации» встречается в работах современных отечественных лингвистов [Муравлева 1987, Филатова 2010], где он используется в значении сведений об эпониме, релевантных для функционирования имен-антономасий.

ляются одним из важных средств ознакомления с духовными ценностями народа, особенностями национального мышления, единицами, концентрирующими национальную картину мира.

Исследование американских антропонимов в широком контексте американской культуры представляет собой весьма сложную задачу, так как описание национального характера, особенностей национального самосознания американцев является самостоятельным обширным объектом анализа. Нашей целью представляется лишь выявление наиболее ярких стереотипов мышления, которые, как предполагается, должны найти отражение в коннотативном значении воплощенных имен вследствие социолингвистического характера их семантики.

Среди наиболее ярких проявлений американского национального самосознания все исследователи единодушно отмечают патриотизм.

Еще в XIX веке французский политический деятель Алексис де Токвиль писал в своей знаменитой книге *“Democracy in America”*, которую называют лучшей книгой об Америке: *“Nothing is more embarrassing than this irritable patriotism of the Americans”*¹. Вскрывая природу американского патриотизма, А.Р. Сесил определяет его как нечто большее, чем любовь к стране, объясняемая общим происхождением и языком, и включает в это понятие политическое и моральное единство, обусловленное общей историей, экономической и духовной жизнью. Патриотические чувства имеют давние корни и связаны со стремлением первых поселенцев Америки создать на американской земле государство, воплощающее идеалы торжества справедливости и демократизма, *“God’s New Jerusalem”*.

Демократические традиции, привычка к демократии на уровне бытового сознания, действительно были созданы и являются важнейшей составляющей американского национального характера. Их зарождение в значительной мере было обусловлено «человеческим материалом» американской нации. «Большинство эмигрантов уже держали в сердце принцип демократии - это были демократические экстремисты из Англии, из Ирландии, их выгнали за сопротивление английской монархии» (там же). Переселение бежавших от преследования за инакомыслие протестантов, членов различных религиозных сект также способствовало возвращению американского «многомыслия».

Как отмечает А. Васинский, в результате демократические привычки отлились в подсознательный тип поведенческих стереотипов, которые сказываются на всем образе жизни американцев и, безусловно, нашли свое отражение в антропонимике нации.

Прагматизм и рационализм мышления американцев, ставший общим местом в описаниях национального характера, реализуется в стремлении к конкретности; «осязаемости» в ознакомлении с любой проблемой или яв-

¹Цит. по: [Payton 1986: 164].

лением. Исследователи отмечают, что американцы предпочитают абстрактным описаниям яркие, образные примеры: “Americans cling to examples in our typical distrust to abstractions” [Nostrand 1989: 49]. Э. Гленн считает объектную ориентированность американской культуры одним из ее характерных признаков: “The thing is the basic reality, independent of context which come and go” [Glenn 1966: 249]. В подобных условиях роль антропонима как яркого, образного и конкретного выразителя определенного свойства существенно возрастает. Наблюдение за функционированием языка в США с помощью обзора американской прессы и других средств массовой информации свидетельствует о том, что роль имени как символа в американском обществе очень велика, “We live by symbols since they are an effective way of communicating ideas”, - считает А.Р. Сесил¹).

Требование создания героев, являющихся воплощением национальных достоинств или индивидуальной мечты - характернейшая черта американской культуры [Viragos 1984: 576]. Герой должен обладать, с одной стороны, характерными необычными свойствами, а с другой стороны, - типизируемостью, узнаваемостью благодаря конкретным признакам.

Источники создания героев многочисленны. Это герои исторических книг, фольклорные герои, типичные образы из произведений современной литературы, спортивные звезды, популярные президенты, кинозвезды, ведущие популярных теле- и радиопередач и т.п.

Венгерский лингвист Э. Вирагос обращает внимание на зависимость выбора героев от конкретно-исторических условий. Далекое не всегда это были люди высоких моральных качеств. Так, после Гражданской войны, в период бурного развития экономических отношений в стране национальными героями были бизнесмены Рокфеллер, Вандербильт, Морган, создавшие состояния весьма сомнительным путем. В эпоху так называемого «сухого закона» ореол народных героев приобрели некоторые гангстеры и торговцы контрабандными спиртными напитками. Данные факты свидетельствуют о том, что выбор героев отражает систему морально-нравственных ценностей общества на определенном этапе.

Большинство национальных героев является воплощением тех или иных аспектов «американской мечты», которая, модифицируясь в зависимости от конкретных условий, тем не менее, сохраняет ряд постоянных признаков (мечта об успехе, благосостоянии, свободе, красоте). В любой период развития страны для среднего американца существовали свои герои, олицетворявшие его представление об американской мечте.

Потребность в постоянной смене героев, вероятно, обусловлена и другой национальной чертой американцев: стремлением к новому, постоянной смене впечатлений. Американцы очень динамичны, мобильны, не любят медлить. «Скорость - стихия Америки», - замечает А. Васинский

¹Цит. по: [Payton 1986: 156]

[Васинский 1991: с. 6].

Перечисленные особенности американского национального типа сформировались в результате действия совокупности факторов общественно-исторического, природного, экономического характера: под влиянием образа жизни американцев в целом. «Именно в образе жизни людей, населяющих данный регион, фокусируются глубинные интенции их общественного сознания, мироощущения, “способа видения” мира, идеалы и нравственные ценности» [Бромлей 1987: 69].

Система национальных ценностей, сложившаяся на базе накопленного американским народом общественно-исторического опыта, оказывает существенное влияние на формирование антропонимического фонда нации.

Наиболее яркими экспликаторами национальной картины мира представляются прозвища. Взятая в целом подсистема прозвищных имен прекрасно иллюстрирует особенности национального сознания, а рассмотрение отдельных временных срезов дает возможность изучения формирования национального характера на протяжении американской истории. В прозвищных именах с очевидностью проявляется двуплановость картины мира как явления одновременно индивидуального и социального¹. С одной стороны, в прозвище отражаются личные качества номинируемого объекта, а с другой стороны, оно выражает мировидение человека, дающего прозвище, и в целом - нации, представителем которой он является. Для американцев характерно обилие прозвищ, которые даются не только популярным личностям, но и городам, штатам, зданиям, организациям и т.п. Существуют прозвища для жителей каждого штата страны (Gold Diggers - калифорнийцы, Beef-heads - жители Техаса). Фамильярное прозвище (не носящее, впрочем, оскорбительного характера) дано даже Иисусу Христу (Jerusalem Slim).

Изучение коннотативного значения личных и прозвищных имен известных исторических лиц с учетом перечисленных особенностей национального характера позволит глубже раскрыть социолингвистическую сущность семантики воплощенных американских антропонимов.

4. Семантическая структура антропонима и статус фонового коннотативного значения

Содержательная структура антропонима сложна и неоднородна у различных антропонимических групп. Принципиальное отличие значения единичных имен - социолингвистическая, а не собственно семантическая природа их значения, - давно отмечалось исследователями. В настоящей работе под содержанием значения антропонима понимается тот минимум

¹См. об этом: [ЯКМ: 50]

дифференциальных отличительных черт, который сопоставляется с определенным звуковым комплексом – именем. В связи с наличием выработанных в знаках и знаковых структурах всеобщих значимостей этот минимум приблизительно одинаков для всех членов данного общества, когда речь идет об именах широко известных в обществе людей.

Подразумевая под семантикой антропонима, вслед за О.И. Фоняковой, любые компоненты содержания языковых единиц [Фонякова 1990: 23], следует отметить, что каждое единичное имя обладает определенным содержанием, абсолютно «пустых» в содержательном плане имен не существует.

Воплощенное имя обладает глубоким содержанием значения при объеме значения, равном единице. Однозначная референтная соотнесенность воплощенного имени предполагает одно-однозначное соответствие определенного имени и известного лица всеми носителями языка. Содержание значения воплощенного имени основано на энциклопедической информации об объекте, являющейся частью фоновых знаний коммуникантов. Имена широко известных референтов обладают богатым содержанием, что определяется актуальным характером фоновой информации об эпониме.

Лексическое значение в лингвистике традиционно подразделяется на денотативное и коннотативное, отражающее соответственно существенные и несущественные признаки денотата. Денотативное значение представляет собой предметно-логическую, понятийную часть значения, выделяемую в отвлечении от реального предмета. Поскольку воплощенные личные собственные имена имеют непосредственную соотнесенность с референтом, следует признать отсутствие в них денотативного значения в этом понимании. С целью отражения специфичности содержательного значения антропонимов компонент содержательной структуры имен, выражающий его сущностные признаки, будем именовать дескриптивным значением¹.

Применительно к антропонимам представляется обоснованным высказываемое лингвистами мнение о нелимитируемости лексического значения; значение всегда богаче суммы конситуаций, в которых оно встречается (И.А. Стернин, Г-Н. Кастаньеда).

В общих чертах структура лексического значения антропонима представляется следующим образом. Любое имя служит, прежде всего, для именования, следовательно, все антропонимы обладают номинативным значением². Номинативная семема входит в структуру значения и невоплощенных, и воплощенных имен. Отражая категориальные признаки лица, невоплощенное имя содержит категориальную семему. Категориальное

¹Ср. термин Стернина «значение-компетенция», используемый в целях решения проблемы включения экстралингвистической информации об объекте в лексическую структуру слова [Стернин 1985].

²См. схему на с. 57.

значение имени предполагает, что носитель имени – мужчина или женщина, русский или англичанин и т.п. Семантическое ядро невоплощенного имени ограничено этими двумя семемами. Коннотации невоплощенного антропонима составляет периферию значения (национальная, социальная, эстетическая окраска имени).

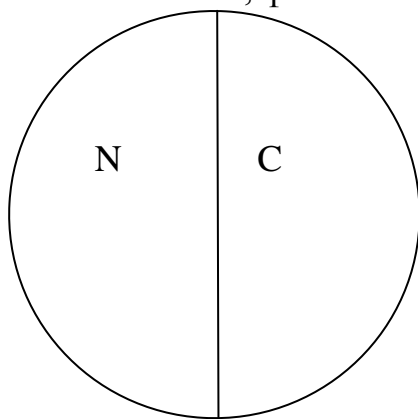
Воплощенное имя, являясь обозначением конкретного лица, характеризуется идентифицирующим значением, благодаря которому происходит идентификация данного лица. Кроме того, значение воплощенного имени отражает сущностные признаки референта, следовательно, в структуру его входит дескриптивное значение. Коннотации воплощенного антропонима отличны от коннотаций невоплощенного имени по типу отношений с содержательным ядром, что является предметом дальнейшего рассмотрения.

Прозвищный антропоним, совмещая в своей семантике черты общего и единичного имени, обладает, помимо того, денотативным значением, содержащимся в нарицательной антрополексеме.

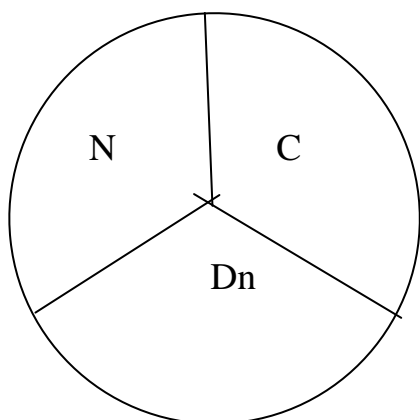
Семантическая структура антропонимов различных классов и групп представлена на следующих схемах:

Невоплощенные антропонимы

1. Личные имена, фамильные имена

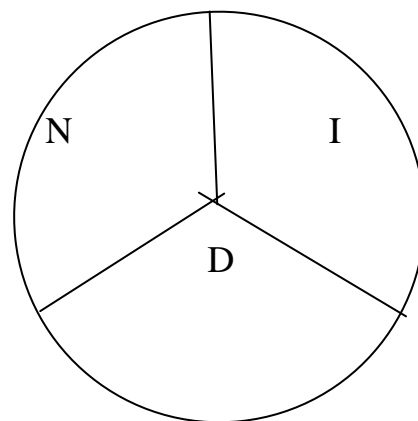

2. Прозвищные имена

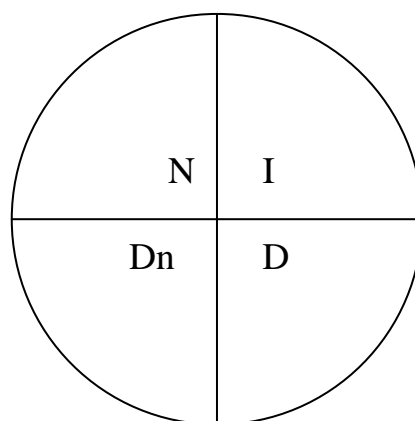

Воплощенные антропонимы

1. Личные и фамильные имена

2. Прозвищные имена

- N - номинативное значение;
- C - категориальное значение;
- I - идентифицирующее значение;
- Dn - денотативное значение;
- D - дескриптивное значение.

В сравнении с именами, принадлежащими иной языковой культуре, собственно американские антропонимы имеют для носителей языка больший объем содержания вследствие широкой известности эпонимов и большого количества фоновой информации о них у американцев. Исследователи отмечают событийность семантики имен лиц; иногда она «способна охватить весь жизненный путь соответствующего индивида» [Томахин 1988: 67, Телия 1986: 71]. Примечательной чертой семантики референтно однозначного имени является также изменение объема содержания со временем¹. Имена, далеко отстоящие по времени от современности, имеют более «отстоявшийся» объем содержания и соответственно, более однозначно воспринимаются носителями языка. Некоторые из исторических имен знакомы американцам лишь по учебникам истории и связаны с определенными эпизодами, прославившими этих лиц (Anna Bailey, Natan Hale). Значение имен других исторических лиц, хорошо известных носителям языка вследствие их важной роли в истории страны, также часто сводится к трем-четырем основным качествам, так как эти антропонимы и связанные с ними события являются знаниями культурного наследия. Их значение не испытывает влияния сегодняшнего дня. Имена, принадлежащие современности, имеют значение более «размытое», которое меняется в зависимости от получения новых фактов об эпониме. Политической насыщенностью и полярностью эмоционально-оценочных коннотаций характеризуются имена политических деятелей современности. Как отмечает А.В. Суперанская, сравнение имен политических деятелей прошлого и наших дней выявляет усиление политической насыщенности значения антропонимов по мере приближения к нашему времени [Суперанская 1977: 13] и включение моральных качеств в содержание имен политических деятелей прошлого.

При всех различиях в объеме содержания референтно однозначного имени основу его составляет энциклопедическая информация. Знания об эпонимах референтно однозначных имен, однако, часто сводятся к минимуму, обеспечивающему коммуникацию и близко к усвоению значения нарицательных слов² (ср.: оратор - человек, произносящий речь; Stephen

¹Т.Н. Кондратьева, рассматривая семантику фольклорного имени собственного, пишет: «... его дальнейшая жизнь в фольклоре перемещает, изменяет, наращивает смысл ИС по мере расширения, углубления и забвения наших знаний о носителе ИС» [Кондратьева 1987: 9].

²Речь в данном случае идет об эпонимах, имена которых не входят в сферу профессиональной деятельности или личных интересов индивида, о лицах, известных всем носителям языка и не имеющих

Foster - американский композитор, писавший негритянские песни). В повседневных актах коммуникации, такого краткого энциклопедического знания бывает достаточно для успешного общения. Значение имен других лиц, подучивших большую известность, включает набор дополнительных признаков, являющихся обязательными для усвоения в процессе социализации (напр.: «Линкольн был известен своей честностью»). Эти признаки, как правило, шаблонны и далеко не всегда отражают реальные свойства лица, а, скорее, его «имидж», созданный средствами массовой информации.

Помимо номинативного значения, относящего лексические единицы к классу имен, структура значения референтно однозначного имени включает референтную соотнесенность, идентификацию имени с конкретным лицом. Происходит совмещение имени с определенным целостным образом, не имеющим вербального выражения. Идентифицирующее значение имени служит отличению данного антропонима от других и представляет своеобразную «ориентацию» во времени и пространстве.

Наряду с идентификацией объекта при наличии соответствующих фоновых знаний и на их основе происходит выделение дескриптивных признаков эпонима, формирующих его дескриптивное значение. Эти признаки выражены вербально, но схематично и часто сводятся к вышеуказанным шаблонам. Это как бы «подкладка» коммуникации, подготовка к ней.

Соотношение лингвистических и энциклопедических знаний в дескриптивном значении имен является дискуссионной темой ономастики. В настоящей работе разделяется мнение Л.М. Сапожниковой о том, что граница между ними не всегда очевидна. [Сапожникова 1990: 88]. Сведения о Г. Лонгфелло как о выдающемся американском поэте составляют энциклопедическую информацию. Но, постоянно сопутствуя этому имени, дескрипция «великий поэт» приближается к формированию понятия: эта информация может считаться лингвистической, хотя однозначного понятийного соотнесения, имеющегося в именах-антономасиях, в данном случае нет.

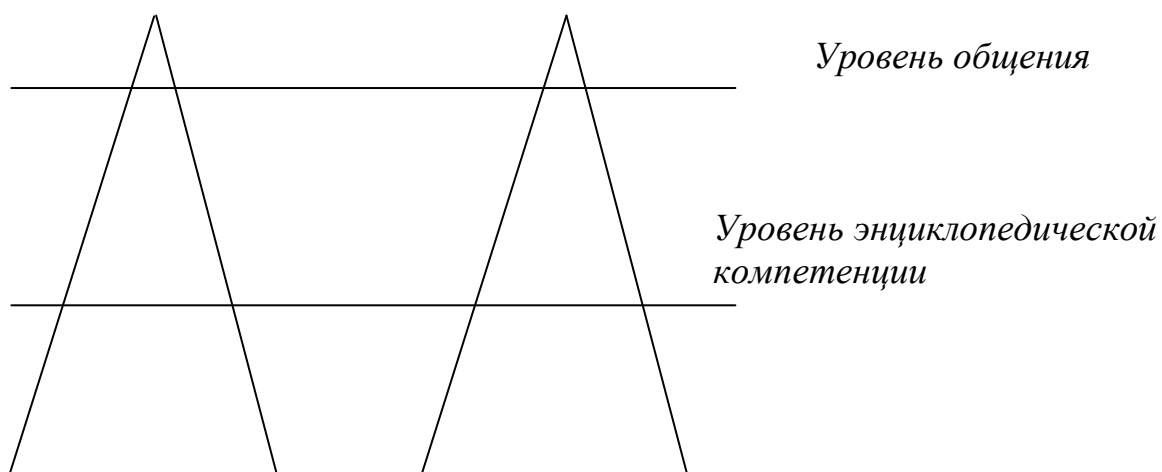
Различие в уровнях энциклопедической компетенции, на основе которой образуется дескриптивное значение референтно однозначного имени, может приводить к отсутствию взаимопонимания между коммуникантами на самом начальном этапе – «смысловые ножницы», или «коммуникативный провал» [Вольф 1986: 98-106, Дридзе 1970: 18]. Причина заключается в различии между размерами фрагмента культуры, усвоенного личностью. Общая информационная платформа, необходимая для успешной коммуникации, обычно обеспечивается средним образованием, когда речь идет о хрестоматийных героях. Менее известные имена больше под-

личных отношений с коммуникантами. Имеется в виду некая усредненная информация о лице.

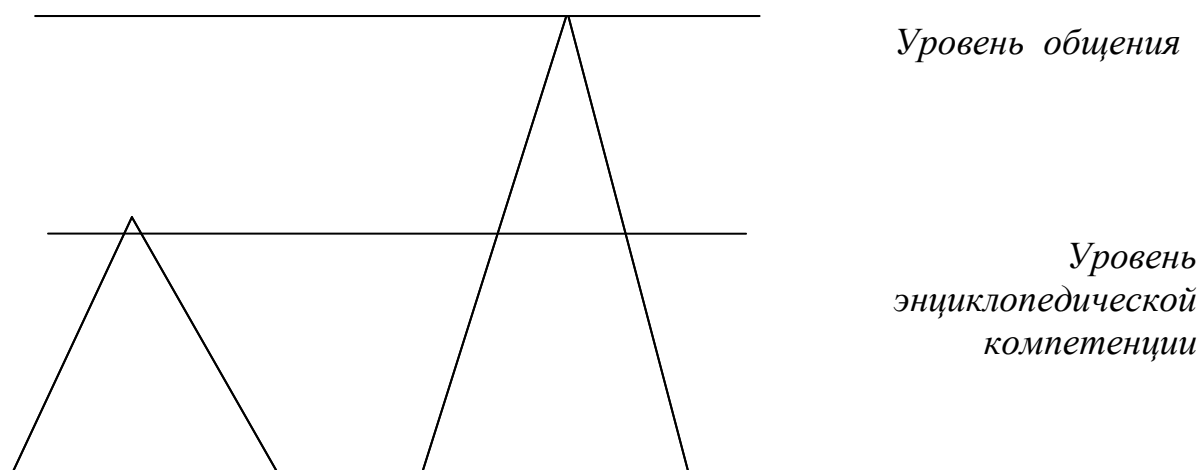
вержены эффекту «смысловых ножниц», особенно при общении людей различного образовательного уровня и различных интересов.

Одним из важнейших признаков референтно однозначного имени является их относительная контекстуальная независимость: в отличие от референциально неоднозначных имен, они не требуют контекстуальной или ситуативной поддержки [Сапожникова 1987: 103]. Это качество можно определить как репрезентативную самодостаточность. Значение референтно однозначного имени определено и варьируется внутри собственных признаков, а не в соответствии с ситуацией. Набор признаков может быть довольно велик, но органичен качествами единственного эпонима. Если под референтно неоднозначными именами могут выступать объекты с противоположными качествами, то объем значения референтно однозначного имени сужается до одного лица, но содержание значения может углубляться по мере увеличения энциклопедической компетенции.

Значение референтно однозначного имени можно представить в виде айсберга, верхушка которого составляет его номинативное значение, средняя часть - идентифицирующее и дескриптивное значение, а нижняя часть - различные коннотации. Если общение происходит примерно на равных уровнях, коммуникация является успешной:

Если же для одного из коммуникантов "айсберг" скрыт больше, чем для другого, мы имеем "коммуникативный провал":

В этом случае для осуществления понимания необходима контекстуальная поддержка (экспликация), но такую коммуникацию нельзя считать естественной, оба участника сознают ее ущербность.

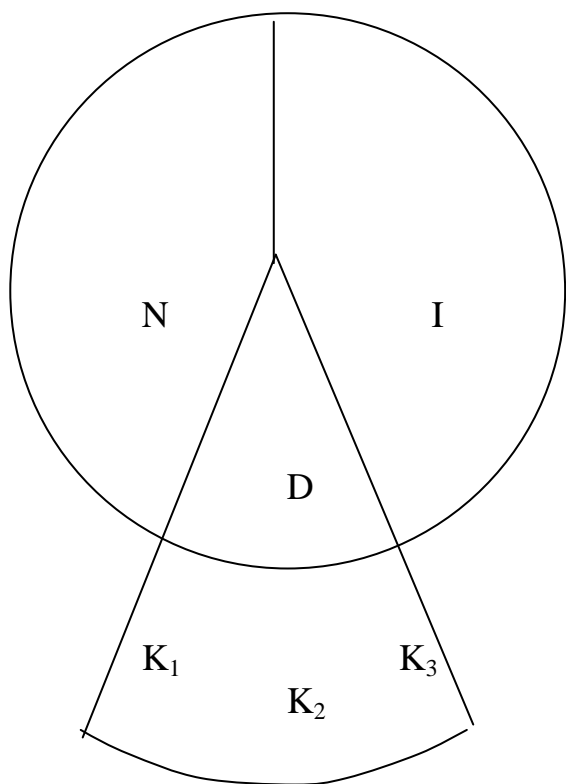
Таким образом, репрезентативная самодостаточность является одним из основных отличительных признаков референтно однозначного имени, определяющих их успешное функционирование.

Наличие этого признака не предполагает, однако, что при идентификации объекта отсутствует экстралингвистический контекст. Напротив, референтно однозначные имена обнаруживают тесную связь с неязыковыми реальностями, и идентификация объекта происходит с опорой на фоновые знания коммуникантов об эпониме. Имеется в виду тождественное референтное соотнесение объекта без опоры на контекст, возможное благодаря постоянной кореференции объекта [Верещагин, Костомаров 1976: 107].

Общая для всех коммуникантов часть семантического значения референтно однозначного имени в немногих лингвистических исследованиях посвященных именам известных исторических лиц [Верещагин, Костомаров 1977, 1978], получила название системного значения, а компоненты значения, представляющие языковую компетенцию отдельных групп или индивидов, определяются как периферийное значение, или ореол. Однако термин «системное значение» представляется не совсем удачным, поскольку речь идет об индивидуальном объекте. Кроме того, описание структуры семантического ядра нуждается в конкретизации.

Для структуризации семантического ядра воплощенного имени воспользуемся принятым в современной семасиологии описанием структуры значения собственного имени как знака (то есть невоплощенного имени, по нашей классификации). Обычно его представляют в виде трех сем: денотат, сигнификат и коннотат [Гак 1977, Стернин 1979, Никитин 2003, Бочкарева 2012]. В настоящей работе компонентный состав значения референтно однозначного имени представляется следующим образом: 1) номинативное значение, 2) идентифицирующее значение, 3) дескриптивное значение, 4) коннотативное значение. Первые три вида значения образуют семантическое ядро антропонима, а коннотативное значение составляет периферийную часть его семантики.

Структура значения референтно однозначного имени схематически может быть представлена следующим образом:

N – номинативная семема, выражающая принадлежность данной лексемы к номинативным элементам языка и к личным собственным именам;

I – индивидуализирующая семема идентификации (соответствие данного звукового комплекса или графемы конкретному лицу);

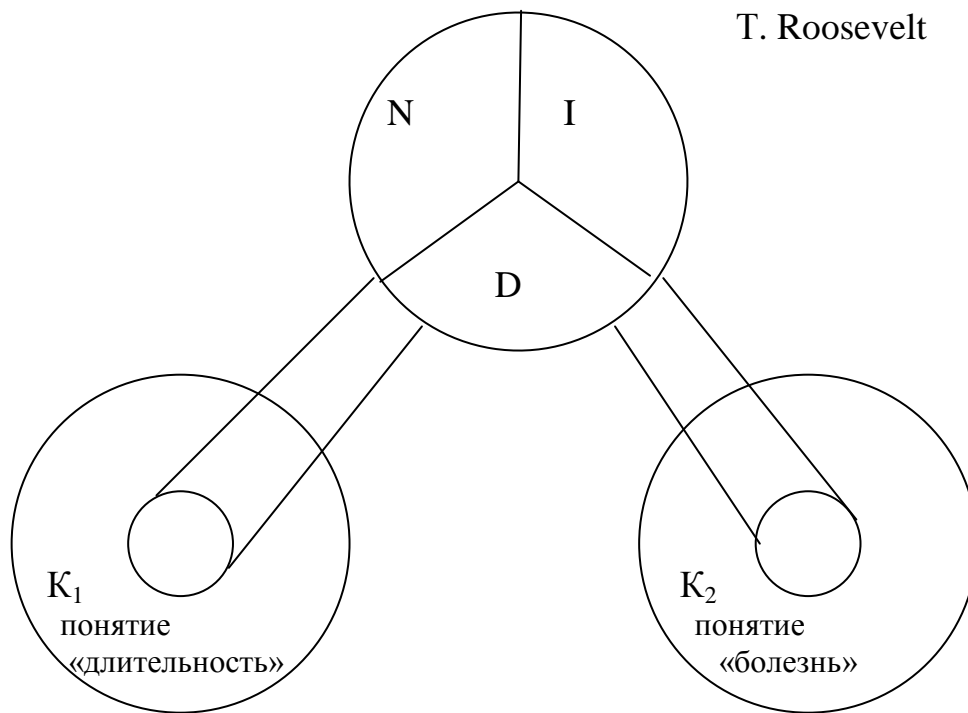
D - дескриптивная семема, выражающая сущностные характеристики лица;

K₁, K₂, K₃ - коннотативные семемы, выражающие различного рода ассоциации, связанные с данной лексемой.

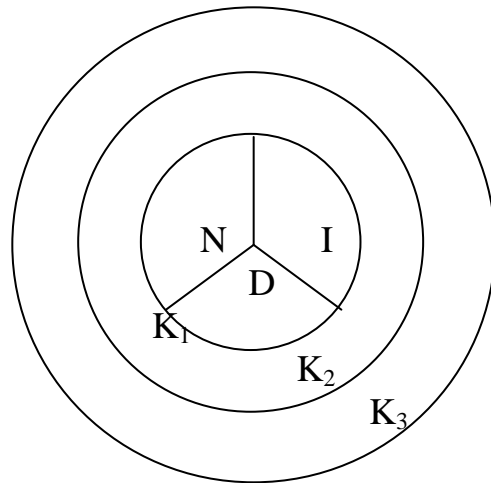
Проиллюстрируем сказанное анализом семантической структуры имени T. Roosevelt. Номинативная семема N относит данную лексему к классу собственных имен; идентифицирующая семема I осуществляет связь лексемы с конкретным лицом; дескриптивная семема D соотносит ее с содержательно образом, складывающимся на основе фоновых знаний о Т. Рузвельте, которые кратко можно перечислить следующими фактами: 1) американец, 2) президент США, 3) период президентской деятельности - середина XX века, 4) избирался на четыре срока, 5) страдал болезнью ног. Этот список может быть продолжен, но приведенные данные отражают энциклопедическую компетенцию каждого американца.

Коннотативное значение имени Roosevelt также базируется на фоновой информации и выражается фоновыми и аксиологическими коннотациями. Как явствует из словаря Л. Урданга и Ф.Г. Раффнера, имя Т. Рузвельта ассоциируется у большинства американцев с понятиями «длительность» и «болезнь»; их и будем считать системными фоновыми коннотациями этого антропонима. Указанные компоненты значения выражены коннотативными семемами K₁ и K₂, сопологающими имя с понятиями. Коннотативные значения, основанные на фоновых знаниях носителей языка, будем в дальнейшем рассматривать под общим названием «фоновые

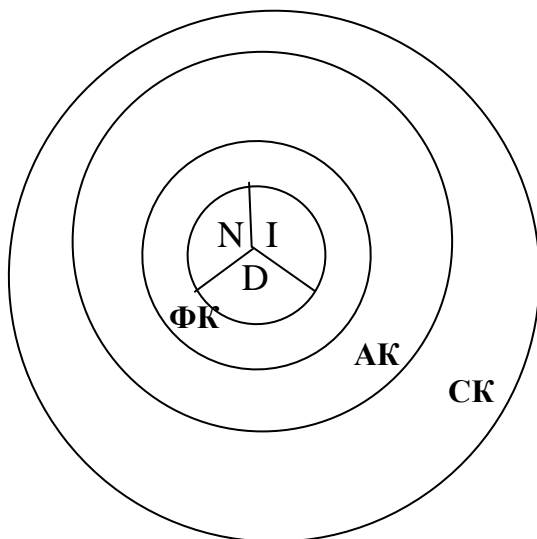
коннотации». Их языковой, системный характер подтверждается выборкой из указанного словаря, содержащей ассоциации имен исторических лиц, литературных персонажей, библейских героев и т.п.

Фоновое коннотативное значение возникает при многократном сопоставлении в языковом сознании общеизвестного имени с каким-либо понятием, отражающим известные в обществе признаки лица, фоновый коннотативный признак представляет собой семантический признак, образованный на основе неязыковых ассоциаций об эпониме, благодаря фоновым коннотациям собственное имя включается в языковом сознании коммуникантов в семантико-ассоциативное поле того или иного понятия. Вместе с тем наличие коннотативного значения не означает, что имя является обозначением понятия, это лишь соположение с понятием, ассоциация с ним. Превращение имени в выразителя понятия, имеющее место в антономасии, одновременно знаменует переход собственного личного имени в нарицательное. Аксиологическое значение референтно однозначного имени выражено коннотемой K_3 , передающей эмоционально-оценочное отношение к эпониму, сложившееся на основе фоновых знаний о нем.

Структура коннотативного значения прозвищного (прозвищного) имени имеет аналогичный характер, но кроме фоновых и аксиологических в нее включены стилистические коннотации, основанные на лингвистическом значении нарицательных антрополексем, использующихся для номинации лица. Соответственно, она приобретает следующий вид:

ФК – фоновые коннотации

АК–аксиологические коннотации

СК – стилистические коннотации

Фоновые коннотации базируются непосредственно на дескриптивном значении имени. Стилистические коннотации маркируют слова в системе субъязыков и основаны на его внешней форме. Аксиологические коннотации основываются как на языковых свойствах лица, так и на лингвистических характеристиках слова.

ВЫВОДЫ

Существенным отличительным признаком референтно однозначных имен является их репрезентативная самодостаточность, заключающаяся в относительной контекстуальной независимости и определенности языкового значения. Вариативность их значения ограничена качествами единственного эпонима и определяется степенью энциклопедической компетенции коммуниканта.

Коннотативное значение воплощенных личных и прозвищных имен общеизвестных референтов не ограничивается прагматическими, ситуативными коннотациями; основу его составляют коннотации, не носящие речевого характера и являющиеся компонентом системного значения. Языковой характер коннотаций референтно однозначных имен обусловлен наличием в их семантической структуре общих для большинства носителей языка значений, возникающих как следствие общности культурно-исторического развития нации.

Понятие коннотативной семантики антропонима отражает его социолингвистическую природу и включает широкий спектр значений, основанных как на лингвистических свойствах имени, так и на его экстралингвистических связях. Соответственно, в структуре коннотативного значения воплощенного антропонима вычленяются стилистические и фоновые коннотации. Общее эмоционально-оценочное восприятие воплощенного имени отражено в аксиологических коннотациях.

Специфика коннотативного значения воплощенных имен заключается в его обусловленности фоновыми знаниями об эпонимах. Представляя собой экстралингвистический когнитивный субстрат коннотативного значения и не входя в семантическую структуру имени, фоновая информация является необходимой предпосылкой фонового и аксиологического компонентов коннотации. Фоновое коннотативное значение - это дополнительное значение, возникающее в результате соположения имени с определенным понятием на основе экстралингвистического знания о лице. Языковое аксиологическое коннотативное значение фиксирует оценочную направленность стереотипного восприятия имени носителями языка в историческом контексте.

Глава III

КОННОТАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВОПЛОЩЕННЫХ ЛИЧНЫХ И ФАМИЛЬНЫХ ИМЕН АМЕРИКАНСКИХ РЕФЕРЕНТОВ

В соответствии с выделенными видами коннотативного значения в настоящей главе рассматриваются два вида коннотаций, присущих личным и фамильным именам известных в американском обществе лиц: фоновые коннотации, основанные на экстралингвистической информации об эпохах, и аксиологические коннотации, объективирующие оценочное отношение к ним со стороны общества.

1. Фоновые коннотации референтно однозначных имен

Изучение фонового коннотативного значения референтно однозначных имен проводилось на основе вышеприведенного определения коннотации как семантического коррелята ассоциаций собственного имени, что позволило считать языковыми, системно зарегистрированными коннотациями американских антропонимов ассоциативные значения, содержащиеся в указанном словаре Л. Урданга и Ф.Г. Раффнера.

В результате распределения исследуемых единиц по тематическим группам были выявлены некоторые закономерности образования коннотативного значения в именах, принадлежащих к различным разрядам.

Рассмотрим примеры некоторых референтно однозначных имен и их коннотаций.

Имена реальных лиц	Коннотации
S. Gompers (первый президент американской федерации труда)	1) труд 2) профсоюзы
T. Pain (пропагандист, гуманист, автор памфлетов)	красноречие
G. Washington (президент США)	1) Америка 2) первый 3) честность

N. Hale (герой революционной войны)	1) смелость 2) патриотизм
F.D.Roosevelt (президент США)	1) болезнь, паралич, 2) длительность
F.Marion (революционный генерал)	хитрость
W. Cody (американский ковбой, меткий стрелок)	1) волосы 2) меткая стрельба 3) Дикий Запад
Al Capone (чикагский гангстер)	гангстеризм
A. Lincoln (президент США)	1) борьба против рабства 2) освобождение 3) честность

Исследование антропонимов этой группы показало, что имена исторических лиц коннотируют самые различные признаки эпонима: физические признаки (красивые волосы), моральные качества (честность, хитрость), сферу деятельности лица или направление деятельности (профсоюзы, борьба с рабством), временную или локальную характеристику индивида (Америка, Дикий Запад). Некоторые имена, коннотирующие определенные моральные качества, опираются на конкретные, широко известные исторические факты (например, хрестоматийный пример самопожертвования американского офицера Натана Хейла, спокойно принявшего смерть во имя родины. Его последние слова “I regret I have but one life to give for my country” вошла во все учебники истории США).

Фоновые коннотации, отражающие свойства эпонима, различаются по степени конкретизации признака. Одни коннотации просто относят имя к определенному тематическому ряду. Так, коннотация имени AlCapone «гангстеризм» отражает основной род деятельности и ставит антропоним в один ассоциативный ряд с именами J. James, W. Bonney, J. Nickok. Другие коннотативные значения носят более конкретный характер, основываясь на признаках, выделяющих лицо среди других лиц тематического ряда. Таковы коннотации президентов Ф. Рузвельта «длительность»,

А. Линкольна «борьба против рабства» и т.п.

Имена литературных персонажей	Коннотации
Babbit (герой романа Синклера Льюиса)	1) средний класс 2) мещанство
Captain Ahab (герой романа Мелвилла)	1) случайная смерть 2) ненависть 3) одержимость 4) месть
T. Soyer (герой романа М. Твена)	хитрость
Ethan Frome (персонаж одноименного произведения амер. автора)	1) обман 2) фермерство 3) тяжелая судьба фермера 4) любовь, трагедия 5) женитьба
Jay Gatsby (персонаж романа Фитцджеральда)	1) равнодушие 2) эпикурейство 3) гостеприимство 4) успех

Насколько можно судить по разнообразию коннотативных признаков, имена литературных героев вызывают в сознании носителей языка многообразные образы, и связаны они чаще не с физическими признаками, а с моральными понятиями. В коннотациях имен литературных персонажей больше абстрактных понятий, чем в коннотациях реальных лиц. Многие коннотации носят событийный характер.

Имена библейских персонажей	Коннотации
Delilah (любовница Самсона, предавшая его)	1) обольщение 2) предательство, обман
Moses (библейский пророк, возглавивший бегство евреев из египетского плена)	законник, освободитель

Methuselah (библейский патриарх, долгожитель, доживший до 969 лет)	долгожитель
Judas (апостол, предавший Христа)	1) предательство 2) взяточничество 3) доносчик 4) рыжие волосы

Антропонимы этой группы являются носителями качеств преимущественно морального характера. Почти все имена используются в качестве антономасии. Денотативное значение антономасий совпадает с коннотациями. Многочисленность библейских имен, обладающих устойчивым коннотативным значением, свидетельствует о хорошем знании американцами библии, которая столетиями была непременным атрибутом каждой американской семьи, особенно в южных штатах страны, так называемом Bible Belt.

Имена мифологических персонажей	Коннотации
Antaeus	1) гигантизм 2) уязвимость
Adonis	1) красота 2) смерть 3) воскресение из мертвых
Apollo	1) красота 2) свет 3) музыка 4) солнце
Cassandra	1) неверие 2) ирония 3) пессимизм 4) пророчество

Коннотации этих имен выявляют хорошее знакомство американцев с мифологией и являются отражением их фоновых знаний. Среди них часто

встречаются коннотативные значения событийного характера: «воскресение из мертвых» (Adonis), превращение (Arachne), «странствования» (Argonaut). Нередки коннотации, основанные на ассоциациях эпонима со сферой его деятельности: «музыка» (Apollo, бог музыки и искусств).

Имена героев американского фольклора, фильмов, радио- и телепрограмм	Коннотации
Paul Bunyan (легендарный лесоруб, совершающий много подвигов)	сила преувеличение, гигантизм
Jack Armstrong (персонаж американских радиопрограмм в 30-40-е годы)	образцовость
Captain America (герой американского фольклора, персонаж мультфильмов, известный как защитник «американского образа жизни»)	патриотизм
Ozzie & Harriet (персонажи популярной американской телепрограммы, изображавшие образцовую американскую семью)	образцовость

Коннотации имен этой группы, как правило, однозначны, то есть выражают одно или несколько одноплановых качеств. Многие имена олицетворяют американский образ жизни, образцового американца, семейную чету, образцовость вообще, что согласуется с типичным для американцев стремлением создавать зримые образцы для подражания¹.

В результате анализа содержания коннотативного значения представленных групп референтно однозначное имя в соответствии с типом информации об эпониме, лежащей в основе значения, были выделены следующие виды фоновых коннотаций:

1. Признаковые, отражающие физические и личностные призна-

¹ См. С. 53 - 55.

- ки; (W. Cody: волосы; F. Allen: шутовство).
2. Предметные, отражающие связь эпонима с предметом его деятельности (J. Chapman: яблоки).
 3. Деятельностные, основанные на ассоциациях о роде деятельности лица (P. Revere: курьер).
 4. Событийные, являющиеся концентрацией фоновых знаний коммуникантов о памятных эпизодах с участием эпонима (J. Lockhart: кража).
 5. Темпоральные, определяющие временную отнесенность эпонима (D. Boone: конец XVIII в., период Американской революции).
 6. Локальные, связывающие имя эпонима с определенной географической точкой (Al Capone: Чикаго).

Признаковые, предметные, деятельностные и событийные коннотации выражены описательными семами, отражающими собственные свойства эпонима. Локальные и темпоральные коннотации вызываются при активизации относительной семы, выражающей пространственно-временную отнесенность лица¹.

2. Фоновое коннотативное значение и переход в узуальную антономасию

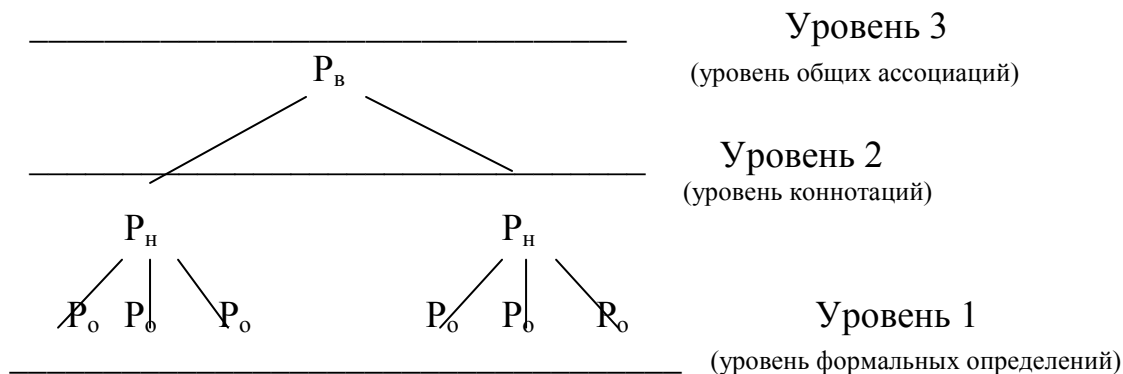
Сущностные характеристики референтно однозначного имени, проявляясь в его коннотациях, дают возможность употребления его в качестве антономасии. Однако в узусе лишь ограниченная группа имен получила статус регулярных антономасий, приводимых словарями².

Постараемся путем сравнения словарно зафиксированных коннотаций референтно однозначных имен-антономасий и их узуального денотативного значения определить, какие коннотативные значения способствуют переходу собственных имен в лексические единицы с полной семантической структурой, т.е. в слова, обозначающие полноценные понятия (Babbitt - самодовольный мещанин, Uncle Remus - услужливый негр).

Для выяснения различий в структуре значения обычного воплощенного имени, широко известного в социуме, и имени-антономасии используем схему ассоциативного формирования понятий, предложенную А. Модем [Модем 1973: 383]. В соответствии со схемой сложные понятия (P_B) можно выразить через более простые (P_H), которые, в свою очередь, выражаются через элементарные понятия (P_0), «настолько понятные, очевидные и однозначные, что они считаются не нуждающимися в определениях» (там же).

¹ Описательные и относительные семы выделяет В.Г. Гак, вслед за А. Греймасом и Б. Потье (См. об этом: [Гак 1977: 15]).

² См. Прил. 2. С 145.

По отношению к понятиям более высокого уровня понятия низшего уровня составляют пучок его ассоциаций. Если понятие среднего уровня (P_H) не выражается через элементарные понятия (P_O), то в понимании PR возможна некоторая произвольность.

Рассмотрим структуру значения референтно однозначного имени с учетом схемы А. Моля, с той оговоркой, что имена, располагающиеся на уровне P_B , представляют собой не понятия, а образ, обозначение сложной совокупности признаков конкретного лица. Отсутствие понятийных соответствий приводит к тому, что семантика референтно однозначных имен неоднозначна, так как система семантических связей каждого отдельного индивидуума достраивается за счет собственных ассоциаций, или имеющейся информации о данном имени. Система ассоциаций, отражающих признаки широко известных лиц, включает наряду с индивидуальными для каждого коммуниканта признаки, присутствующие в восприятии каждого из них. Совокупность знаний и идей социальных групп, членом которых является индивид, составляет культуру данного индивида.

Отдельные коннотации, располагающиеся на уровне P_H , позволяют использовать эти имена как окказиональные антономасии, что становится возможным именно вследствие однозначности ассоциаций всех членов социума.

В случае, если вместо пучка ассоциаций имя начинает напрямую связываться с понятием низшего уровня, это означает, что произошел переход его в антономасию языковую, которая сопровождается утратой того множества коннотаций, которое характеризует собственное имя. При этом переход имени в разряд нарицательных имен, обозначающих понятие, часто находит формальное выражение в написании со строчной буквы.

Разложив имя Rockefeller по вышеуказанной схеме, получим в качестве одной из составляющих имени на уровне 2 понятие «миллионер», которое на уровне 3 выражается через ассоциативные понятия «деньги», «богатство». В результате имя становится синонимом слова «богач».

Rockefeller
|
миллионер
|
деньги, богатство

Переход в разряд нарицательных слов возможен при узуальной закреплённости коннотаций, которая происходит в первую очередь благодаря повторяемости контекстов¹. Процесс сопровождается забвением прочих признаков, в результате чего имя из носителя признака превращается в выразителя его.

Существует мнение, что в основе сопоставления при метафорическом переносе должен лежать существенный признак личности (Василевская 1979, с. 143). Представляется, что признак должен быть не столько существенным, сколько хорошо известным. При этом даже его второстепенность не препятствует быстрой его актуализации при метафорическом переносе (W. Cody - пышная, светлая шевелюра).

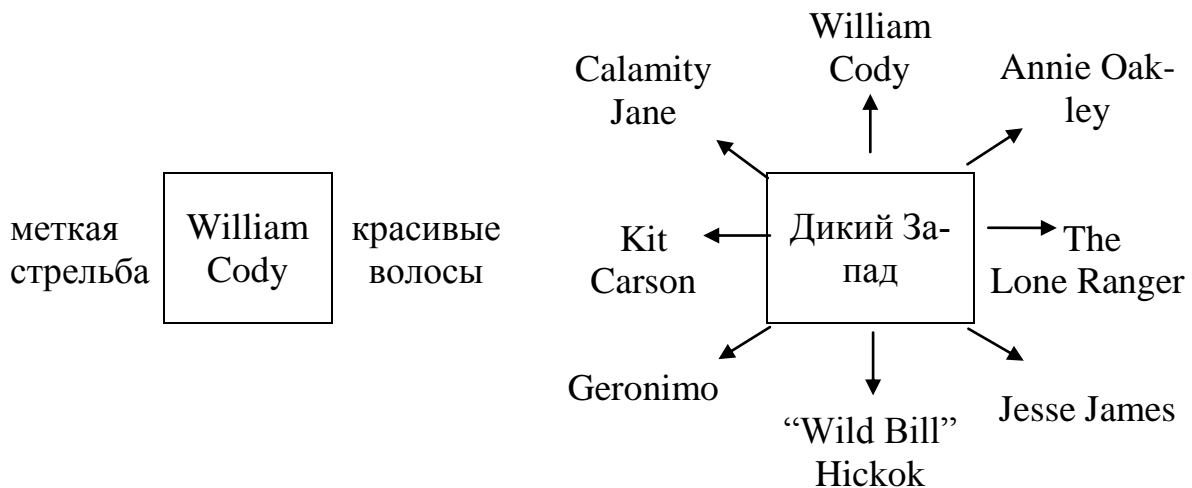
Суммируя сказанное, подчеркнем, что основным условием перехода имени в узуальную антономасию является преобладание какого-либо характерного признака над остальными, отрыв от собственного семантико-ассоциативного поля референтно однозначного имени, образующего целостный образ эпонима.

В зависимости от степени «автоматизма», с которым происходит выделение определенного признака из сущностной характеристики лица, референтно однозначное имя дифференцируются как аллюзивные имена с узуальным референтным употреблением и антономасии. характеризующиеся системным нереферентным функционированием.

Имя известного в обществе лица является носителем значения, формирующего целостный образ - социально обусловленное представление о данном эпониме. Ввиду общеизвестности лица и сведений социокультурного характера о нем, в результате длительной повторяемости его контекстов в средствах массовой информации и литературе имя приобретает ряд устойчивых ассоциаций в массовом сознании, что приводит к соположению его с определенными понятиями, точнее, к включению имени в семантико-ассоциативные поля каких-либо понятий (что неравнозначно выражению понятия именем). Одновременное включение имени в несколько семантико-ассоциативных полей создает его собственное коннотативное значение. Сохранение статуса имени собственного возможно до тех пор, пока в массовом сознании присутствует объединяющее все коннотативные признаки дескриптивное значение-образ, т.е. до тех пор, пока имя, входя в ассоциативные поля различных понятий, остается центром собственного семантико-ассоциативного поля. Это явление можно проследить при ана-

¹ Ср.: «Целенаправленная актуализация в стилистических целях постоянных ассоциаций аллюзии ведет к существенным изменениям в семантической структуре слова» [Арнольд, Шеремет 1985: 9].

лизе прямых (имя - понятие) и обратных (понятие - имя) коннотаций собственных имен. Рассмотрим взаимоотношения коннотаций имени William Cody, знаменитого американского ковбоя конца XIX в., организатора первого в США Wild West Show. Одним из коннотативных значений имени является коннотация «Дикий Запад». С другой стороны, это имя стоит в одном ассоциативном ряду с именами Carson, Annie Oakley, Jesse James и другими именами, образующими семантико-ассоциативное поле «Дикий Запад».

Сохранение в памяти народа целостного образа полковника Коуди по прозвищу “Buffalo Bill”, скаута, разведчика американской армии, сражавшегося с индейцами, участника Гражданской войны, умелого наездника и меткого стрелка, путешествовавшего по США и Европе со своим шоу, препятствует переходу имени в узуальную антономасию, выражающую отдельный общеизвестный признак, хотя окказиональное антономасийное употребление вполне возможно. Таким образом, разделение регулярной антономасии (нарицательного имени) и аллюзивного имени (собственного с коннотативным значением) не носит строгого характера и происходит с учетом большей типичности употребления либо в качестве центра семантико-ассоциативного поля (аллюзивное имя), либо в виде метонимической модели другого понятийного поля, типичным репрезентантом которого оно является (имя-антономасия).

Путь референтно однозначного имени от антропонима с богатым ассоциативным полем до нарицательного слова, обозначающего понятие, может быть довольно значительным и обусловлен экстралингвистическими факторами. Проследим процесс апеллятивации референтно однозначное имя на примере имени Babbitt.

В 20-е годы в американском обществе уже сложился определенный социальный тип - образ, который был запечатлен Синклером Льюисом в его романе “Babbitt”, Имя Babbitt, появившись как имя героя литературного произведения, быстро расширило границы своего значения и стало слу-

жить американцам средством выражения определенного социального типа, черты которого были представлены многими молодыми людьми того времени. Об узнаваемости и типичности этого образа можно судить по выдержке из газеты "Saturday Evening Post" за 1925 г., где был помещен рисунок, изображающий трех одетых по последней моде молодых людей, олицетворяющих новое поколение: "You may regard the new generation as amusing or pathetic; as a bit tragic, or rather splendid. You may consider their manners crude, their ideals vague, their clothes absurd. Their cynical, humorous discussions of social conditions stir your admiration or fill you with helpless rage. But it is useless to deny that these youngsters have a definite bearing on the thought, literature and customs of our day"¹.

Герой одноименного романа Синклера Льюиса, опубликованного в 1922 г., George Follansbee Babbitt - преуспевающий маклер, занимающийся перепродажей недвижимости. Автор с сочувствием описывает попытки героя восстать против монотонности своей деловой, внутренней в домашней жизни, но они оканчиваются неудачей, так как Бэббит не в силах преодолеть давление среды и бедность собственного интеллекта.

Сравнение образа литературного персонажа с приведенным ранее описанием молодых людей, подпадающих под определение "Babbitt" с точки зрения читателя середины 20-х годов, выявляет определенные различия в оценке персонажа. Несмотря на сочувственное отношение Синклера Льюиса к своему герою, имя Babbitt с момента своего внедрения в лексикон получило резко отрицательные коннотации. Это произошло вследствие отсечения от значения имени всей внутренней жизни героя, его мучительных попыток преодолеть собственную убогость духа. В значение имени Babbitt вошли только сущностные характеристики героя, релевантные для общества (семы «бизнесмен», «преуспевание», «бездуховность»). В сочетании с негативным отношением к новому классу со стороны менее зажиточных американцев эти семы определили дерогативное значение имени. Назвать кого-либо "Babbitt", отмечает Encyclopedia Americana, означает заклеить его как тупого мещанина, без чувства юмора, человека, который некритично и самодовольно принимает собственные стандарты, как бы узки они ни были [Арутюнова 1976:].

Приведенный пример является иллюстрацией главного, на наш взгляд, отличия регулярной антономасии от аллюзивного имени: при сохранении опоры на качества эпонима происходит известное абстрагирование от него, утрата дескриптивного значения, формировавшего образ лица, и замена его вновь образованным на основе отдельных коннотаций денотативным значением.

¹ E. Stevenson. Babbitts and Bohemians. New York; London, 1967. P. 142.

3. Национально-культурное значение исторических имен

Рассмотрение фонового значения референтно однозначного имени было бы неполным без учета общего национально-культурного колорита имени, т.е. его национально-культурного значения. Как уже отмечалось культурный компонент значения слова включает совокупность его культурно-исторических связей с реалиями данного этноса. Сложность изучения национально-культурного компонента семантики заключается в том, что он не является обособленным структурным компонентом в значении отдельного слова и не может быть выделен чисто структурными методами [Стернин 1984:144]. Поэтому национально-культурные коннотации не выделяются в настоящей работе в отдельный вид коннотативного значения и рассматриваются под общим названием фонового коннотативного значения.

С точки зрения национальной специфичности референтно однозначные имена представляется целесообразным классифицировать следующим образом:

- 1) полинациональные референтно однозначное имя;
- 2) эквивалентные референтно однозначное имя;
- 3) национально-специфичные референтно однозначное имя.

Полинациональные референтно однозначные имена принадлежат мировой культуре и входят в фонд значимых имен антропонимической системы любого языка. Их коннотативное значение основано на общечеловеческих фоновых знаниях. К полинациональным именам относятся:

а) имена мифологических героев различных национальных мифологий (Pandora, Cassandra, Valkirie, Nereid);

б) имена библейских персонажей (Solomon, Job, Joseph)

в) имена исторических лиц, сведения о которых стали принадлежностью фонового знания различных народов (Napoleon, Volter, Socrates).

Эквивалентные референтно однозначные имена представляют собой имена, содержание коннотаций которых сходно в различных языковых системах, но сами антропонимические единицы специфичны для каждой национальной общности. Например, коннотация «великий поэт» свойственна именам Пушкин, Goethe, Longfellow, и для выражения этого значения коммуниканту каждого лингвосоциума свойственно употребление имени своего национального референтно однозначное имя.

К национально-специфичным референтно однозначным именам относятся антропонимы, обозначающие специфические для конкретного языкового сообщества объекты и отражающие этапы национальной истории и культуры (JimmyValentine, Kit Carson, Geronimo). Коннотативная семантика национально-специфичных имен связана с понятиями «историческая память» и «историческое самосознание» Как известно, историческая память представляет собой специфический культурный потенциал народа,

включающий знание этносом своего прошлого (легенд, традиций, исторических фактов) и является необходимой частью культуры, стабилизирующей этнос. Национальное самосознание определяется историками как самопредставление народа о себе, совокупный “we-image”. Национальная идентичность формируется на основе ценностно значимого знания. «В современном смысле массовое национальное самосознание проявляется, когда все или большинство членов конкретной человеческой общности имеют исторически аутентичное знание о своем народе, приняли отношение к его ценностям...» [Дробижева 2009:23].

Фоновое коннотативное значение референтно однозначного имени опирается на общие для национальной общности фоновые знания, т.е. на историческую память народа. Изменение функций имен исторических лиц в языковой коммуникации в сравнении с функциями имен лиц, составляющих повседневный круг общения, приводит к употреблению исторических референтно однозначных имен как символов определенных событий или целых периодов в жизни нации. Так, имена знаменитых гангстеров, оставаясь в памяти, в культурном фонде американцев, существуют в нем как составная часть понятия «*roaring twenties*», иллюстрация к нему и используются в языке в соответствующих контекстах. Такие имена сродни фольклорным именам, которые имеют общеизвестные и общепринятые коннотации, отражающие сущностные характеристики персонажей¹. Концентрированным выражением гангстеризма для американцев является имя Al Capone, “in his flashy clothes and freehand spending of a fat bankroll for friends and for the poor, his killing, his organisation of liquor into a gigantic business at the top of a great terror ridden pyramid” [Stevenson 1967: 144].

С этим именем связаны топонимы Cicero, Illinois (небольшой провинциальный городок, полностью захваченный гангстером, где им была организована сеть игорных домов), Hawthorne Inn (гостиница, служившая Аль Капоне штабом, откуда он управлял действиями полиции, городских властей и местных бизнесменов). Актуальность этих фоновых знаний для современного американца предопределила коннотативное значение “гангстеризм”, дающееся словарем Л. Урданга и Ф. Г. Раффнера для имени Al Capone.

Однако фоновое значение имен, принадлежащих национальной истории, не исчерпывается ассоциациями с определенными событиями. Как отмечал Л. Ельмслев, «если мы хотим должным образом охарактеризовать семантический узус, принятый в каком-либо языковом коллективе и принадлежащий к описываемому нами языку, это следует делать отнюдь не с помощью физического описания обозначаемых вещей; напротив, это можно выполнить, лишь прибегнув к коллективным оценкам, принятым в данном коллективе, т. е. к социальному мнению» [Ельмслев 1962: 133-134:].

¹ Ср.: «Любое фольклорное имя включает признак предмета, ... обладающий как лингвистическим, так и социально-культурным значением» [Кондратьева 1987: 2].

Имена популярных исторических фигур в известной степени представляют собой воплощение национальной самоидентификации народа, будучи носителями черт, которые осознаются народом как общенациональные. Воплощением американского патриотизма являются имена Natan Hale, Anna Bailey, Paul Revere. Символами предприимчивости выступают имена миллионеров Rockefeller, Carnegie, Morgan. Олицетворением “a self-made man” были в двадцатые годы имена J. Tinker, J. Evers, F. Chance и других американских спортсменов. Осознание имени как проявления “we-image” приводит к появлению романтического ореола даже вокруг имен, которые, казалось бы, не должны содержать положительных коннотаций.

Для иллюстрации выдвигаемого тезиса вновь обратимся к именам гангстеров. Имена В. Siegel, Т. Luchese, S. Maranzano, L. Amberg составляли неперемнную часть фоновых знаний американцев 20-30 годов. Гангстер был экзотической фигурой, редко появляющейся в поле зрения, но часто являющейся предметом разговоров. Как отмечают американские исследователи, у солидных граждан не было причин бояться его, а у бедных чувство страха смешивалось с чувством уважения: “He attracted as well as terrified” [Stevenson 1967: 143]. Указывая на положительную окраску в значении имен гангстеров, Э. Стивенсон высказывает предположение о том, что гангстер как общественное явление представляет собой развившийся без ограничений, устанавливаемых законами, тип делового человека, “the businessman as the businessman wished to be but dared not to be” (там же). Возможно, именно это социально обусловленное восприятие гангстеризма предприимчивой Америкой способствовало созданию романтического ореола, окружающего упомянутые имена.

Самоидентификацией американцев с референтно однозначными именами прошлого можно объяснить романтизированное представление о знаменитых актерах, спортсменах, бизнесменах и других широко известных эпонимах, сообщаемое имени положительные коннотации.

4. Аксиологические коннотации референтно однозначных имен

Антропонимы представляют собой группу лексики, наиболее подверженную эмоционально-оценочному восприятию. Эта закономерность является следствием оценочного отношения к лицам, носителям соответствующих имен. Немотивированность имени, отсутствие в обозначении лица каких-либо лингвистических оснований выражения оценки позволяет говорить о специфике аксиологических коннотаций референтно однозначных имен. Для воплощенных монореферентных имен характерна имплицитная форма оценки, в основании которой лежат признаки эпонима, составляющие его дескриптивное значение и фоновые коннотации.

Эмоционально-оценочное восприятие референтно однозначного имени осуществляется в соответствии с принятой в данном социуме шка-

лой ценностей. Оценка детерминирована социальными, национальными, историческими факторами.

Обусловленность аксиологии широко известного имени экстралингвистическими реалиями приводит к различиям в оценочном статусе современных имен и имен, принадлежащих истории. Имена современных, известных в социуме лиц отличаются богатством и разнородностью оценочных коннотаций, их неустойчивостью, зависимостью от новых событий, частой переменной знака оценки в связи с определенными действиями эпонимов, вызывающими эмоциональную реакцию носителей языка. Как отмечают исследователи, «слова, втянутые в круговорот общественных и политических событий, в наибольшей степени подвержены изменению оценки» [Ретунская 1989: 28]. Референтно однозначные имена, принадлежащие известным эпонимам, относятся именно к таким словам, и их эмоционально-оценочное значение находится в прямой зависимости от различных факторов общественной жизни.

Лексикографическая направленность настоящего исследования не позволяет проследить изменения оценочного знака, обусловленные прагматическими факторами. Однако экстралингвистическая детерминированность оценочности референтно однозначного имени в определенной степени иллюстрируется разнообразием оценки прозвищ известных личностей, которые выступают экспликаторами имплицитной оценки, фиксируя реакцию социальных групп на те или иные качества эпонима или его действия¹.

Эмоционально-оценочные коннотации имен исторических лиц имеют более устойчивый характер. Образованию устойчивых коннотативных значений способствуют следующие факторы:

- 1) широкая известность фактов экстралингвистической реальности, подтверждающих наличие оцениваемого признака;
- 2) употребление исторических имен в однородных контекстах, выявляющих определенное качество эпонима.

Так, например, формированию устойчивой коннотации «честность» референтно однозначное имя G. Washington в сознании современного американца в большой степени способствовала хрестоматийность фразы “Father, I cannot tell a lie”, сказанной юным Джорджем Вашингтоном своему отцу, всеобщая известность рассказа о сломанном вишневом дереве и многократные ссылки на честность президента в рассказах о нем.

Отдаленность эпонима во времени и принадлежность его имени к фоновым знаниям культурного наследия, отсутствие связи имени с событиями сегодняшнего дня обычно ведет к ограничению употребления имени определенными контекстами и сведению значения к ограниченному набору

¹ Экспликация оценки референтно однозначных имен прозвищами рассматривается в III главе (см. С. 91 - 95).

ру признаков.

Таким образом, об относительно устойчивом аксиологическом значении можно говорить только по отношению к именам исторических лиц прошлого. Этот вывод подтверждается отсутствием в словаре аллюзий Урданга имен современных общеизвестных лиц.

Изменение общественного отношения к определенным событиям прошлого, переориентация ценностей влечет за собой смену знака оценки даже устойчивых аксиологических коннотаций.

Тем не менее на основе анализа коннотативного значения исторических антропонимов вычлняются референтно однозначные имена с устойчивым мелиоративным и пейоративным значением. Оценочность носит имплицитный характер и основана на дескриптивных признаках эпонима, которые расцениваются в обществе как положительные или отрицательные. Это прежде всего внешние признаки, моральные качества, черты личности.

В качестве примеров референтно однозначных антропонимов с мелиоративной имплицитной оценкой, использующихся в американском социуме, приведем следующие референтно однозначное имя:

Имя	коннотативный признак
Adonis	красота
Socrates	мудрость
Paul Bunyan	сила
G. Washington	честность
J. Chapman	щедрость
B. Webster	красноречие
A. Carnegie	филантропия

Референтно однозначное имя с пейоративной имплицитной оценкой иллюстрируются следующими примерами:

имя	коннотативный признак
BenedictArnold	предательство
Gorgon	уродство
Delilah	предательство, обман
Babbitt	мещанство
Hessian	продажность
McCarthy	фанатизм
Caligula	безжалостность

Однако коннотации антропонимов, зафиксированные в словаре, не всегда раскрывают эмоционально-оценочное значение имени. Фоновые

коннотации часто лишь фиксируют какую-либо сторону деятельности лица, а эмоционально-оценочное значение имени можно выявить лишь с учетом определенных страноведческих знаний. Так, коннотация «разбойник» имени Jesse James не дает представления о положительном эмоционально-оценочном значении имени гангстера для большинства американцев, как отмечает энциклопедия Р. Хендриксона, является для них чем-то вроде Робина Гуда; его романтический образ сложился под влиянием многочисленных популярных баллад, кинофильмов, рассказов и по меньшей мере одной пьесы.

Следует отметить социальный характер оценки референтно однозначного имени, который определяет аксиологическое значение даже отдаленных по времени имен лиц исторических и литературных персонажей. Актуальность расовой проблемы в США обусловила полярность оценочного значения имени “Uncle Tom” для белых и негров: в восприятии белых американцев это несет коннотацию «борьба против рабства» и имеет положительную эмоциональную окраску (см. словарь Л. Урданга и О.Г. Раффнера), а в негритянском сленге “Uncle Thomas”, “Uncle Tom” - имя-антономасия, обозначающее негра, который подражает белым и предает их интересы и традиции (см. словарь К. Мейджер). Очевидно, что такому антономасийному употреблению способствовала предваряющая резко пейоративная оценка антропонима.

Наиболее сильным эмоционально-оценочным значением обладают имена, коннотирующие качественные признаки эпонима (напр., Elmer Gantry, персонаж одноименного произведения, олицетворяющий лицемерие и коррупцию в американской религии и др.). Такие антропонимы являются базой для создания узуальных антономасий¹. Можно предположить, что именно высокий аксиологический потенциал референтно однозначного имени способствует их переходу в разряд антономасий, удовлетворяя постоянно существующую в языке потребность обновления образных номинаций лица.

4.1. Аксиологическое значение референтно однозначного имени и переход в типовое имя

Общая мелиоративная окраска референтно однозначного имени, перенесенная с положительного отношения к его носителю, определяет широко распространенную в США традицию использовать имя известного эпонима в качестве личного первого или среднего имени.

Так, в XIX веке большой популярностью в стране пользовались личные имена, образованные от фамилий известных государственных деятелей, президентов, генералов: Lincoln, Jackson, Jefferson (по фамилиям американских президентов); Lee, Sheridan (по фамилиям генералов времен

¹ См. Приложение 2 С 145.

гражданской войны между Севером и Югом); Franklin, Hamilton (по фамилиям американских государственных деятелей).

Мелиоративность имен, перешедших в антропимический фонд языка, обусловлена национально и социально. Так, при общей популярности имени Washington в XIX в., это имя встречалось среди чернокожих американцев значительно чаще, чем у белых. Треть носителей имени Howard, по свидетельству А. Данклинга [Dunkling 1983], также небелого происхождения. Более высокая частотность указанных имен среди негритянского населения объясняется особой популярностью президента Дж. Вашингтона и генерала О. Хауэрда у темнокожих американцев и, соответственно, мелиоративной окраской их имен. Имя Джорджа Вашингтона было тесно связано в сознании американцев с Гражданской войной и освобождением негров, генерал Хауэрд также был известен своими симпатиями к негритянскому населению и деятельностью в Бюро вольноотпущенных по переходу негров к системе свободного труда. В двадцать первом веке Washington в значительной степени утратило свою популярность как личное имя, но остается чрезвычайно распространенной фамилией среди афроамериканцев. По данным Бюро переписи населения США (U.S. Census) 2000 года фамилия Washington является "TheblackestsurnameinAmerica", 90% носителей этой фамилии являются чернокожими. (ClaireSuddath). Таким образом, можно предположить, что фамилия Washington в настоящее время ассоциируется с небелым происхождением и имеет национальную коннотацию "чернокожий".

Среди последователей религиозных лидеров используются имена Calvin, Luther, Wesley (Dunkling 1983с. 63). В 30-е годы XX века необыкновенно популярно было имя Elmer, по фамилии двух братьев, Эбенезера и Джонатана Элмеров - офицеров, членов Конгресса, авторов памфлетов [Mencken 1943: 771].

Под влиянием положительно-оценочного значения имен знаменитостей подвергаются мелиорации и давно существующие в антропимиконе языка невоплощенные (типовые) личные имена. Так, положительные коннотации приобрело имя Neil, когда космонавт Нэйл Армстронг впервые ступил на Луну. Мелиорация имени способствовала значительному росту его популярности как типового личного имени (Katz 1977, с. 67). Мелиоративное коннотативное значение имен героев популярных фильмов, возникающее как результат положительного отношения зрителей к эпонимам, способствовало популярности имени Benjamin (герой известного фильма "TheGraduate") и Tracy (героиня фильма "HighSociety") [Dunkling 1983: 132].

Интересный пример различия в эмоционально-оценочном значении имени Abraham в британских и американских фразеологизмах, приводит Т.В. Лиховидова:

"В британизмах имя Abraham является прозвищем несчастных оби-

тателей сумасшедшего дома Бедлам, что придает фразеологическим единицам "tosham Abraham" негативную коннотацию В американизмах имя Abraham ассоциируется с именем президента Линкольна и такие фразеологические единицы, как Father Abraham, Honest Abe (прозвища Линкольна) имеют явную позитивную коннотацию" [Лиховидова1971: 24]. Противоположная направленность аксиологического значения типового имени в различных вариантах английского языка обусловлена различиями в эмоционально-оценочных коннотациях воплощенного библейского имени Abraham (в английском варианте) и воплощенного имени американского президента (в американском варианте).

Приведенные факты свидетельствуют о влиянии совокупного эмоционально-оценочного восприятия обществом качеств носителя воплощенного имени на аксиологическую направленность существующего в языке невоплощенного имени, а также выявляют существенность аксиологических коннотаций как фактора его перехода в категорию невоплощенных, пополняя тем самым антропонимический фонд типовых имен.

ВЫВОДЫ

В результате рассмотрения коннотативного значения пяти тематических групп референтно однозначных имен американского лингвосоциума в зависимости от типа фоновой информации, лежащей в основе их ассоциаций, были выделены следующие виды фоновых коннотаций: признаковые, предметные, деятельностные, событийные, локальные и темпоральные. Анализ показал отсутствие прямой зависимости вида коннотативного значения от тематической отнесенности антропонима: референтно однозначные имена различных групп содержат коннотации всех видов. Тем не менее отмечаются некоторые тенденции преимущественного использования имен ряда тематических групп, обусловленные фоновыми коннотациями: использование имен библейских персонажей как символов моральных качеств, имен фольклорных героев - как носителей позитивных национальных черт, имен исторических лиц - как актуализаторов знаний коммуникантов об определенных исторических событиях.

Формирование устойчивого фонового коннотативного значения в семантической структуре референтно однозначного имени ведет к переходу его в разряд нарицательных имен-антономасий, денотативное значение которых образуется на основе общеизвестных фоновых коннотаций, с одновременным абстрагированием от прочих признаков лица, составлявших его целостный образ. Сохранение собственного семантико-ассоциативного поля отличает аллюзивные имена с фоновым коннотативным значением от узуальных антономасий.

Интегрированность референтно однозначного имени в национальную культуру проявляется в их национально-культурном значении. В аме-

риканском антропонимиконе выделяются полинациональные, эквивалентные и национально-специфичные референтно однозначные имена. Фоновые коннотации американских референтно однозначных имен содержат черты типизированного представления народа о национальном характере, что позволяет рассматривать коннотативное значение исторических имен как результат совокупного проявления исторической памяти народа и его национальной самоидентификации.

Аксиологическое коннотативное значение референтно однозначных имен имеет имплицитный характер, основано на фоновых коннотациях и опосредовано информацией экстралингвистического характера о носителях имен. Формированию устойчивых аксиологических коннотаций способствует широкая известность фоновой информации и употребление имен в однородных контекстах, выявляющих оценочную направленность значения. Большой устойчивостью оценки характеризуются референтно однозначные имена, коннотирующие социально немаркированные признаки эпонима. Имена современных эпонимов отличаются значительным разнообразием оценок, в то время как многие имена исторических лиц прошлого имеют устойчивое аксиологическое значение.

Аксиологические коннотации референтно однозначных имен, закрепленные в общественном сознании, наряду с фоновым значением выступают факторами перехода воплощенных собственных имен в разряд системных антономасий, осуществляя потребность языка в создании новых средств эмоционально-оценочных номинаций.

Узуально закрепленная мелиоративная оценка воплощенного имени способствует мелиорации соответствующего типового имени, а также образованию новых невоплощенных имен, расширяя тем самым антропимический фонд языка. Использование известных эпонимов в качестве типовых имен детерминировано социальными и этническими факторами, отражая оценочное отношение определенных слоев и групп населения к историческому лицу.

Глава IV

КОННОТАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВОПЛОЩЕННЫХ ПРОЗВИЩНЫХ ИМЕН АМЕРИКАНСКИХ РЕФЕРЕНТОВ

Прозвища в течение длительного времени практически игнорировались исследователями, интерес к ним поддерживался лишь в плане сбора ономастического материала. В начале века произошел взрыв интереса к этим единицам вторичной номинации, и в настоящее время ономастические исследования проводятся по следующим направлениям: структурные особенности и мотивация прозвищ [Ермолович 2005, Маюрова 2001, Манченко 2008], изучение прозвищ в лексикографическом аспекте [Леонтович 2002], в диахронии [Рыбакин 2006], в социолингвистическом аспекте [Шостка 2009, Шпар 2012], функционирование прозвищ в художественном тексте [Робустова 2009]. Вместе с тем индивидуальные прозвища как именованные конкретные лица пока не получили достаточного рассмотрения, и изучаются единичными исследованиями [Цепкова 2011].

Пока отсутствует общепринятая классификация прозвищ. Так, в русском толковом словаре прозвищ Х. Вальтера и В. М. Мокиенко [БСРП 2007] параллельно употребляются термины «прозвище» и «кличка» и содержатся такие тематические группы прозвищ, как прозвища знаменитостей, школьных учителей и учеников, профессиональные клички, коллективные прозвища, интернет-ники. Очевидно, что впоследствии число этих групп будет расширено. Среди немногих работ, посвященных теоретическому описанию прозвищ, особый интерес представляет исследование Д. И. Ермоловича, предложившего свою концепцию смысловой структуры имени и структурную классификацию прозвищ [Ермолович 2001].

Однако исследование семантики прозвищ находится в самом начале, пока нет единого подхода к их значению, отсутствует даже общепринятое определение. Исследователи прозвищ отмечают “разнородность и разнокачественность материала, зыбкость границ между нарицательной лексикой и именами собственными, нерешенность теоретических проблем квалификации прозвищ” [ВО 2005: 52]. Одно из наиболее часто используемых существующих определений классифицирует прозвище как дополнительное неофициальное имя, данное ему окружающими людьми в соответствии с характерной чертой (Подольская, 1988), среди более поздних определений приведем характеристику прозвища как дополнительное имя, обладающее узнаваемостью со стороны членов общества [Гладкова 2003]. В качестве категориальных признаков прозвища

называются их неофициальность, корпоративность, факультативность и вторичность. Большую сложность вызывают критерии отделения прозвищ, которые считаются собственными именами, от апеллятивов, единиц вторичной номинации. Так, Х. Вальтер и В.М. Мокиенко трактуют прозвища очень широко. Например, они выделяют группу коллективных прозвищ, куда входит выражение Т. Винокур «ушаковские мальчишки» и его прототип - пушкинское крылатое выражение «архивны юноши» [Вальтер, Мокиенко 2007]. В настоящем исследовании одним из признаков прозвища как имени собственного является капитализация, соответственно подобные выражения в числе прозвищ не рассматриваются.

Значение прозвищного имени выходит за рамки лингвистического значения его антрополексем. Коммуникативно релевантно само употребление прозвища. Как отмечают П. Лесли и Дж. Скиппер, прозвище самим его использованием устанавливает определенную социальную атмосферу, безотносительно к значению слов, составляющих его (Leslie, Skipper 1990, с. 276).

Прозвищные наименования широко практикуются в определенных социальных группах, являясь символом причастности к той или иной группе. Давая определение, характеристику каждому члену группы, прозвищные имена, подчиняют его нормам этой группы. Нравственные ценности профессионального или социального сообщества утверждаются посредством фокусировки внимания на определенных физических, интеллектуальных, расовых признаках, акцентирования каких-либо отклонений от нормы. "Nicknames highlight deviations from normality and, as a corollary, indicate the accepted aspects of that society" [Morgan 1979: 69].

Изучение прозвищных систем различных национальных культур приводит лингвистов к выводу о тесной зависимости количественного и качественного состава прозвищ от социальных и культурно-исторических изменений. Например, уменьшение общего количества прозвищ в современном испанском обществе и сокращение словотворчества в создании новых прозвищ связывается Д. Гилмором с модернизацией общества и распадом общинных связей в Испании, повышением роли социальных устремлений в современном обществе [Holland 1990: 263].

Детерминированность американских прозвищных имен социальными изменениями также заключается в резком падении числа прозвищ после Второй мировой войны. Этот процесс объясняется изменением социальной ориентации общества и переходом его в иной тип.

Расцвет прозвищ в США приходится на 20-30-е годы, которые характеризуются Дж. Скиппером как «эра народных героев». Этот период отмечен большим количеством прозвищных имен знаменитостей, кумиров публики. На примере прозвищ спортсменов-бейсболистов Дж. Скиппер прослеживает изменения в системе прозвищ. В 20-е годы игроки в бейсбол, популярнейший вид спорта в США, были любимцами всей страны.

Бейсболисты, часто люди низкого социального происхождения, среди которых было много иммигрантов в первом поколении, являлись в глазах публики представителями народа и живым примером успеха, воплощением «американской мечты». Они являли собой пример того, как благодаря собственным усилиям можно добиться признания, славы, финансового успеха.

Резкое сокращение числа прозвищ бейсболистов в конце Второй мировой войны Дж. Скиппер связывает с разрушением мифа о народном герое, происходившим по мере заполнения мира спорта привилегиями¹.

Параллельно шло общее разрушение веры американцев в американскую мечту, частью которой были спортивные герои.

Сокращение количества прозвищ в последние десятилетия отражает и социальные сдвиги более общего характера. По мнению Дж. Скиппера, этот процесс обусловлен переходом американского общества от модели *Gemeinschaft*, т.е. общества с сельской ориентацией, к модели *Gesellschaft*, общества урбанистического типа [262: 137, 263: 4].

Как следует из сравнения исследований Д. Гилмора и Дж. Скиппера, прозвищные системы различных языков подвержены аналогичным процессам развития, обусловленным общими тенденциями развития общества. Оба исследователя считают прозвища более характерными для сельской общины или общества сельского типа, отличающегося чувством солидарности его членов, и основывающегося на традициях и личностных взаимоотношениях. Для урбанистического общества с его мобильностью, индивидуализмом и безличностью, считают авторы, прозвища нехарактерны. Этот вывод представляется спорным, хотя тенденция к уменьшению количества прозвищ, отмеченная вышеуказанными авторами, аргументирована большим числом примеров и, вероятно, действительно имеет место. Однако сообщество является понятием не только территориальным, как справедливо замечает Т. Холланд [Holland 1990: 268], сообщество - это общая сфера деятельности индивидов. Наличие и в обществе урбанистического типа групп с общими интересами и деятельностью предполагает сохранение прозвищных наименований в этих социальных группах. Вероятно, для широких обобщений подобного рода пока недостаточно фактических данных. Нет данных о прозвищах в студенческой, подростковой среде, в различных профессиональных и социальных группах. В американской лингвистике пока осуществляется сбор материалов лишь в некоторых из них

¹Прозвища спортсменов служили выражением отождествления широкой публики со своими кумирами. По мере увеличения разрыва в социальном положении между широкими массами и «звездами» спорта эта идентификация выглядела все более фальшивой. Сообщения в печати о забастовках и бойкотах игроков, требующих еще большего увеличения своих и без того немалых доходов также способствовали разрушению мифического образа народного героя.

С введением в 1974 г. контрактной системы и заключением миллионов контрактов бейсбольными «звездами» образ бейсбольного игрока в народном представлении «из народного героя сменился на ловкого антрепренера» (См. об этом: [Skipper 1990]).

(прозвища шахтеров, бейсболистов, джазовых музыкантов, преступников). Поэтому в настоящее время трудно судить о справедливости гипотезы Дж. Скиппера. Однако приведенные факты хорошо иллюстрируют прочную связь прозвищ с культурно-историческими особенностями развития общества, изменениями в социальной сфере, характеризуют их как лексические единицы, значение которых обусловлено экстралингвистическими факторами.

Публичные прозвища рассматриваются в настоящей работе как воплощенные единичные имена, служащие средством косвенной номинации. Они образованы из компонентов с прозрачной внутренней формой, каждый из которых может функционировать в языке как общее имя. Значение прозвища, однако, не сводится к сумме значений его компонентов, а обусловлено, в первую очередь, признаками эпони́ма. Прозвища являются своего рода «детонаторами», пробуждающими всю имеющуюся у носителя языка информацию об объекте номинации. Возникающие ассоциации зависят от личного информационного фонда реципиента. Прозвища более узко, чем личные и фамильные имена известных лиц, нацеливают на активизацию определенной фоновой информации.

В настоящей главе рассматриваются коннотации прозвищных имен, обусловленные двумя факторами; 1) фоновой информацией о носителе имени; 2) лингвистическими свойствами лексем, используемых для номинации.

Изучение коннотативного значения осуществляется на основе предлагаемой классификации групп прозвищных антропонимов, рассматриваемых под общим названием «прозвищные имена».

1. Семантическая классификация прозвищных имен и типология коннотаций

1.1. Классификация прозвищных имен

Среди работ, в которых затрагиваются параметры классификации прозвищ, отметим следующие. Е.С. Манченко, исследовавшая английские прозвища, предлагает классифицировать прозвища по структурному признаку на структурно одноплановые и структурно-многоплановые, а по мотивационному признаку на мотивированные и относительно немотивированные [Манченко 2008]. Классификация Д.И. Ермоловича составлена по следующим основаниям: по составу, степени ситуативности, характеру коммуникативной сферы, степени характеристики референта. [Ермолович 2001]. Классификация прозвищ по составу предполагает их деление на антропонимические, смешанного типа и несобственные. Прозвища могут характеризовать внешний вид человека в целом, указывать на отдельные детали его внешнего облика, привычки и особенности поведения, этническое или расовое происхождение, давать социальную оценку

умственных способностей.

В данном исследовании предлагается семантическая классификация прозвищ. Обзор американского прозвищного антропонимикона выявил, что они распадаются на два весьма различных класса. Наряду с именами, которые традиционно считаются прозвищами (единицы вторичной номинации, имеющие разговорную стилистическую окраску, часто насмешливые), в американском варианте английского языка имеются также прозвища совершенно другого характера - возвышенные лаудативы, часто состоящие из нескольких лексем, содержащие аллюзии на определенные события в жизни того или иного известного лица. Поэтому все собственные имена, использующиеся на постоянной основе в качестве единиц вторичной номинации, то есть использующиеся как дополнительное имя, заменяющее личное имя или использующееся параллельно с ним и обладающие дополнительными характеристиками лица, предлагается называть "прозвищными именами", которые подразделяются на "собственно прозвища" и "прозвищные перифразы".

Прозвищные имена			
собственно прозвища		прозвищные перифразы	
прямые дескриптивные	метафорические	прямые дескриптивные	метафорические
Lucky Terrible Ted Fats		Genius on a Low Budget The Good Gray Poet The Salesman Deluxe	
	нарицательные		нарицательные
	The Crab Duck Bill Bull Moose		The Steel Butterfly The Prince of Peace
	антономасийные		антономасийные
			The Black Horowitz The Lysenko of the New World

Приведенная классификация разграничивает две резко различающиеся

по своей структурным, функциональным, стилистическим и аксиологическим параметрам группы прозвищных имен. В подгруппах деление проводится по способу выраженности признака: в дескриптивных единицах он прямо называется, а в метафорических выражен с помощью переноса по сходству.

Подвидом метафорических прозвищ являются прозвища-антономасии, в которых основанием именованя лица является сходство с другим лицом, являющимся «прототипическим» именем какого-либо класса. Каузальный метонимический перенос, при котором имя лица становится выразителем характерного признака лица, его выдающейся роли в определенной сфере деятельности, делает возможным употребление этого имени в метафорическом значении. Так, в прозвище The Black Horowitz имя Владимира Горовица употреблено в значении «великий пианист». Прозвищные перифразы-антономасии являются наиболее экспрессивными именами благодаря своей краткости, «свернутости», имплицитности коннотации и семантической двуплановости.

1.2. Типологическая классификация коннотаций прозвищных имен

Специфика коннотативного значения прозвищных имен определяется своеобразием исследуемых единиц, сочетающих признаки собственного и нарицательного имени.

Как языковые единицы, состоящие из нарицательных антрополоксем, они несут в себе все признаки стилистических различий, характеризующие нарицательные имена.

Вместе с тем прозвищная номинация основана на внеязыковых фактах - особенностях личности или эпизодах, характеризующих ее. Признаки, лежащие в основе прозвищ, не всегда находят вербальное выражение, в ряде случаев актуализация значения происходит только с опорой на фоновые знания коммуниканта.

Являясь характеристиками лица, данными ему окружающими, прозвищные антропонимы несут высокий оценочный заряд. Оценочное значение прозвища является главным в его семантике, фоновые и стилистические коннотации часто служат средством для достижения цели определенной оценки лица.

В результате анализа американских прозвищных антропонимов в структуре их коннотативного значения выделены следующие коннотации.

коннотации прозвищных имен		
фоновые	стилистические	аксиологические

признаковые	коллоквиальные субколлоквиальные	эмоционально- оценочные
событийные	возвышенные	рационально оце- ночные

Фоновые коннотации базируются на социокультурных сведениях, являющихся достоянием нации (в публичных прозвищах) или информации, известной узкому кругу определенной социальной группы (в прозвищных именах отдельных групп).

Стилистические коннотации основаны на использовании языковых единиц, принадлежащих различным субъязыкам и придающих прозвищному антропониму специфическую окраску, использовании стилистических приемов, типичных для определенных функциональных стилей и т.п.

Аксиологические коннотации выражают отношение коммуникантов к объекту номинации.

Коннотативное значение прозвищных имен проявляется в комплексе взаимодействия коннотаций различных типов, что превращает их в яркие и образные средства номинации.

2. Фоновые коннотации. Мотивированность приобретенного имени и соотношение экспликации и импликации в его семантике

Семантика прозвищных антропонимов обусловлена их мотивированностью - признаком, присущим прозвищам как единицам повторной номинации. Мотивированность, скрытая или явная¹, определяет функционирование прозвища в качестве характеризующего имени.

Если в нарицательном слове мотивация только облегчает его понимание, то в прозвищном антропониме она составляет семантическое ядро. Прозвища с явной мотивацией “Red”, “Lefty”, “Specs” становятся типичными номинативными единицами для обозначения людей с определенными физическими признаками в силу общепонятности. Употребление прозвищ со скрытой мотивацией (“Firecracker”, “Dugout Doug”), также основано на осознании коммуникантами причин номинации, что наполняет антропоним богатым информативным содержанием и определяет его эмоционально-оценочное значение.

¹Заметим, что немотивированные прозвища также используются внутри социальных групп (напр., детские прозвища “E”, “Tiby”, прозвища, происхождение которых коммуниканты не помнят в силу их случайного характера (“ShooShoo”, “Tootie” и пр.). Эти антропонимы в полной мере обладают социолингвистическим значением и выполняют функцию идентификации. Характеризующего же значения, важнейшего компонента значения мотивированных прозвищ, они не имеют.

Дополнительность, вторичность прозвищного антропонима по отношению к личному воплощенному имени определяет более дробный характер его значения. Отношения между именем лица и его прозвищем представляют собой отношения гиперонима и гипонима. Выделение прозвищем какого-либо аспекта номинируемого лица (внешность, черты личности, эпизода из жизни) и фиксация конкретной различительной черты внутри этого аспекта приводит к экспликации того или иного признака, имплицитно содержащегося в собственном личном имени. Значение личного и фамильного воплощенного имени, таким образом, является архисемой по отношению к значениям возможных прозвищных имен лица. Значения прозвищ эксплицируют коннотативное значение личного имени, образуя дифференциальные семы, отражающие различные признаки лица в полионимическом ряду его прозвищ.

Так, эксплицированные в прозвищных именах А. Линкольна признаки, отражающие его собственные качества или мнение о нем окружающих¹, составляют довольно разнообразный ряд, с избытком перекрывающий общеизвестные коннотации этого имени “Father Abraham”, “Old Honest Abe”, “The Great Emancipator”, “Buffoon”, “Caesar”. Потенциальные семы имени Lincoln, составляющие его коннотативное значение², становятся дифференциальными семами, образующими денотативное значение прозвищ “The Great Emancipator” и “Old Honest Abe”. Импликация переходит в экспликацию, коннотативное значение - в денотативное.

Степень экспликативности прозвищных антропонимов различна. Сравнение по этому признаку двух выделенных групп позволяет констатировать, что экспликативность является ингерентным признаком прозвищных перифразов и весьма неодинакова у собственно прозвищ.

Представляется, что экспликативность значения прозвищных перифразов обусловлена их функциями в коммуникации. Созданные в большинстве случаев средствами массовой информации, эти антропонимы являются концентрированным выражением стереотипов восприятия известного лица в обществе. Они призваны выполнять кумулятивную функцию, позволяя избежать банального пересказа общеизвестных фактов и активизируя фоновые знания носителей языка с помощью краткого и метафоричного напоминания об определенном качестве именуемого объекта. Денотативные значения прозвищных: парафразов полно и в явной форме (эксплицитно) передают содержание значения личного имени: “The Russian Connection” (А. Хаммер), “The Father of Rock’n’Roll” (А. Купер). Широкая известность эпонимов и отдельных фактов их биографии или качеств, реле-

¹ В данном случае эта дифференциация несущественна, так как значением собственного имени общеизвестной личности в значительной степени являются черты, которыми она наделяется в глазах общества.

² В словаре Л. Урданга и Ф.Г. Раффнера выделяются следующие коннотации этого имени: 1) борьба против рабства; 2) освобождение; 3) честность.

вантных для общества, послуживших основой именованья, делает понятной мотивировку прозвищных парафразов.

В группе собственно прозвищ степень экспликативности очень различна в зависимости от мотивировочного признака антропонима. Высока степень экспликативности в прозвищах, данных по физическим характеристикам лица. Явная мотивация отличает прозвища “Pepper”, “Rusty”, “Reddy”, эксплицирующие характерный признак «рыжие волосы», “Little One”, “Short Stuff” – «маленький рост», “Long John”, “Lanky”, “Matchy” – «высокий рост», «худоба», “Fatso”, “Balloon” – «полнота» и т.п. Следует отметить, что физические признаки, выделяющие человека и отличающие его от других, являются наиболее привлекательными видами мотивации для прозвищной номинации: “Gold Tooth Frenchy”, “Handsome Hugh”.

Можно также с уверенностью прогнозировать, что любой физический недостаток эпонима обязательно найдет отражение в его прозвище: “Three Finger Brown”, “Airplane Ears”, “Peg Leg Peter”, “Cock-Eye”.

Тем не менее, можно отметить случаи употребления подобных прозвищ со скрытой мотивацией. К ним относятся иронические прозвища. Как отмечает А. Данклинг, назвать человека маленького роста “Lofty” или лысого человека “Curly” – это давний обычай [Dunkling 1983: 146].

Содержание прозвищ, данных лицу по черте характера, поведению, манерам, может быть как эксплицитным, так и имплицитным. Явную мотивацию содержат антрополексемы “Grumpy” (сварливый), “Windy” (несерьезный, болтливый), “Cabby” (словоохотливый, разговорчивый), позволяющие судить о характере эпонимов даже без соответствующей фоновой информации. Другие прозвища менее информативны, но все же позволяют догадаться о мотивировке: “Beebor” – спортсменка, любившая джаз, “Wimpy” – бейсболистка, любившая «гамбургеры», так же, как одноименный персонаж мультфильма. В этих случаях дифференциальная сема, определяющая значение прозвища, не обязательно является доминирующей семой нарицательного слова, но все же входит в семный состав и потому позволяет определить значение прозвища. Фоновые знания коммуникантов расширяют, обобщают или наоборот, конкретизируют зафиксированный прозвищем признак. Обозначение качества может быть достаточно общим (“Liar”, “Wild Bill”), но абстрактность знака снимается конкретными фоновыми знаниями. В некоторых случаях коммуниканты, обладающие соответствующей информацией, не воспринимают прозвище во всей его полноте, фоновые знания сужают значение. Так, за прозвищем Т. Рузвельта “sphinx” стоит вполне конкретный намек на его нежелание сообщить, будет ли он баллотироваться на второй срок, а не характеристика его молчаливости вообще.

Другие прозвища, характеризующие особенности личности, поведения, характера человека, напротив, передают обширную информацию очень сжато. Если употребляющие их коммуниканты осведомлены о фак-

тах, лежащих в основе номинации, прозвища становятся для них более объемными по содержанию. Так, в прозвище “Old Tiger”, выражающем бесстрашие, упорство и свирепость генерала Дж. Андерсона, для носителей языка в свое время воплощались конкретные поступки, подтверждающие это именование и наполняющие его конкретными событийными коннотациями. Но и современные носители языка, возможно, не знакомые с подробностями биографии генерала, могут судить об особенностях его характера. Само прозвище является носителем информации этого рода, так как в семный состав слова входят семы «свирепость», «храбрость».

Некоторые прозвища неправильно ориентируют коммуниканта вследствие ироничности употребления (как вышеупомянутые прозвища с мотивацией внешними признаками): “Pretty” - прозвище гангстера, отличавшегося на редкость непривлекательной внешностью, “Joe Halta” (хромой) - прозвище телохранителя Аль Капоне, который никогда не смеялся.

Семантика ряда антрополексем допускает двусмысленность толкования, следствием чего является несовпадение коннотаций людей, владеющих фоновой информацией и коммуникантов, определяющих значение прозвища лишь по лингвистическому значению лексемы (прозвище “George Parrot” коннотирует характерную черту внешности эпонима, большой нос, а не болтливость, что было бы также возможно). Прозвище “Bugsy” указывает на двойственность личности знаменитого гангстера В. Сигела, который мог быть то учтивым джентльменом, то безжалостным убийцей. Если в слове “bug” и содержится коннотация «двуличие, двойственность», то эти коннотативные семы не всегда выделяются, и потому мотивация в этом случае носит скрытый характер.

В отдельных случаях прозвище приобретает особую коннотативность в узком кругу, не совпадая с коннотациями антропонима у широкой публики. Прозвища “The Mexican Spitfire” и “Firecracker” намекают на вспыльчивость голливудской актрисы Лупе Велес. Но среди голливудских джентльменов прозвище “Firecracker” имело иную коннотацию: актриса имела обыкновение быстро исчезать из квартиры любовника. Трудно сказать, была ли эта коннотация привнесена позже или именно указанное свойство послужило основанием для прозвища, приобретшего впоследствии другое «объяснение» для публики.

Имплицативность отличает и третью группу прозвищ, мотивированных каким-либо эпизодом, событием из жизни лица. Лингвистическая сущность прозвища часто совершенно не соответствует содержащимся в нем коннотациям. Значение антрополексем либо не вызывает особых коннотаций, либо коннотирует иные, чем у посвященных в предысторию номинации признаки. Прозвище американской бейсболистки Джун Эмерсон “Venus” несет для непосвященного такие коннотации, как «красота», «грация», «любовь», будучи связанным с именем древнеримской богини любви Венеры или Венеры Милосской, являющейся олицетворением жен-

ской красоты. У использующих это прозвище оно вызывает совершенно другие ассоциации, которые становятся ясны лишь после выяснения обстоятельств, при которых оно было получено. Прозвище связано со знаменитым ударом без участия рук: на одном из матчей мяч неожиданно полетел в направлении Джун и она, растерявшись, не сумела отбить его руками. Мяч ударился о ее голову и, отскочив, полетел в нужном направлении¹. Полученное после этого случая прозвище, совершенно очевидно, было мотивировано не семами «красота», «любовь», а семой «без рук», которая и становится доминирующей коннотативной семой прозвища, определяющей его насмешливый характер. Потенциальные коннотативные семы имени богини при этом погашаются.

Вышесказанное позволяет классифицировать прозвищные имена как экспликативы, аллюзии и имплекторы.

Рассмотрение трех групп прозвищ, различающихся по мотивирующему признаку номинации, как видим, показывает, что прямой зависимости имплективности от характера информации, заложенной в прозвище, нет. Удалось отметить лишь тенденцию к экспликативности прозвищ, описывающих физические признаки. То же относится к этническим (“Irish”, “Hensky”) и топонимическим (“Boston”, “JerseyJoe”) прозвищам. Все другие мотивировочные признаки могут находить эксплицитное выражение или содержаться в имплицитной форме.

3. Прозвищные имена-антономасии

Антономасии представляют собой очень распространенный вид прозвищных перифразов, использующихся для номинации известных в масштабе социума лиц и характеризующий их путем сравнения с другими, столь же известными эпонимами².

При использовании воплощенного собственного имени для прозвищной номинации оно претерпевает следующие семантические изменения. Имя, получившее широкую известность в социуме, становится для коммуникантов носителем определенных качеств именуемого. В дальнейшем происходит абсолютизация одного признака, сопровождающаяся забвением прочих признаков лица (метонимический перенос качества лица на его имя). Этот процесс создает базу для возможного метафорического переноса имени на любое другое лицо. Имя, воспринимающееся в языке как синоним определенного понятия, квалифицируется как языковая антономасия, т.е. нарицательное имя.

¹ Обстоятельства получения прозвища описываются в: [Leslie 1990:274].

² В отечественной ономастике подобные русские прозвища рассматриваются в отдельных работах под названием прозвищ-социалей [Федорова, Черных 1979], мотивация которых обусловлена сходством эпонима с общеизвестным лицом по основному или второстепенному признаку: «Репин» (прозвище колхозного художника), «Громова» (сравнение с героиней романа А.А.Фадеева «Молодая гвардия» Ульяной Громовой, основание прозвища - черные косы).

В этом качестве оно легко может стать обозначением какого-либо признака любого лица в прозвищном именовании, превращаясь, таким образом, вновь в собственное имя, но уже собственное прозвищное имя другого лица. Эти семантические преобразования можно представить в виде следующей схемы:

Обозначение конкретного лица (личное собственное имя)	Абсолютизация признака (метонимия)	Метафорический перенос на другое лицо (антонимасия), нарицательное имя	Обозначение другого конкретного лица (прозвищное имя)
---	------------------------------------	--	---

Признак, по которому происходит сравнение (уподобление), имплицитен; черта же, отличающая именуемое лицо от прототипа, имеет эксплицитное выражение.

Метафорические прозвища подтверждают справедливость теории метафоры Дж. Лакоффа, в которой он доказывает их огромную роль в человеческом опыте и утверждает, что «рациональное мышление в значительной мере опирается на метафорические модели. Любой адекватный подход к рациональности требует использования воображения, а воображение неотделимо от метафорического рассуждения» [Lakoff, Johnson, 1980: ch 27]. Дж. Лакофф рассматривает когнитивные модели пяти типов: образно-схематические, пропозициональные, метафорические, метонимические и символические.

Можно выделить следующие признаки, дифференцирующие прототип и мишень метафорического переноса, признаки, которые акцентируются как отличительные черты носителя приобретенного имени:

1) национальный признак, принадлежность к американской нации “The American Socrates” - Б. Франклин, “The American Renoir” - У. Пирс, “The American Maupassant” - О. Генри, “The American Balzac” – У. Фолкнер; подвидом этой группы можно считать выделение этнического признака (“The Black Horowitz” - Уоллер);

2) географический признак (“Washington of the West” – У.Г. Гаррисон, “The Robin Hood of Texas” – С. Басс, “The Lysenko of the New World” – Л. Бурбанк);

3) темпоральный признак (“The New Ziegfeld” - М. Тодд, “A Twentieth Century Moses” - Ч. Чаплин), “The Second Washington” – Г.Клей);

4) деятельностный признак (“The Henry Ford of Aviation” - У.Т. Пайлер, “The Sammy Glick of the Cold War” - Г. Киссинджер, “The Babe Ruth of Hockey” - Х. Моренц, канадский хоккеист, которого называли лучшим игроком первой половины XX века, “The Napoleon of Slavery” - Дж. Кэлхаун).

Определитель, уточняющий национальную, темпоральную, геогра-

фическую принадлежность именуемого или сферу его деятельности и одновременно отличающий таким образом его от первичного носителя имени, указывает на то, что имя используется в характеризующей функции. Признак, по которому эпоним сравнивается прототипом, и составляет коннотативное значение прозвища. Импликация признака опирается на хорошее знание характерных качеств лица, имя которого послужило номинацией для другого лица.

Как отмечалось ранее, прозвища-антономасии представляют собой метафорический перенос имени на основе общности признака эпонима и прототипа. Ему предшествует метонимическое переосмысление имени, которое становится носителем признака, характерного для прототипа.

Наблюдаются два вида метафорического переноса:

1) абсолютизация общего признака прототипа (“The American Socrates”). В современном мире Сократ давно является антономасией и уподобление происходит на основе выделения общей семы «философ»; “The Negro Paul Bunyan: Пол Баньян – имя популярного героя североамериканского фольклора, великана-дровосека. Метафорический перенос осуществляется на основе выделения общей семы «силач»;

2) абсолютизация частного, характерного признака прототипа (“The American Titian” - Тициан – «колорист»), “The American Balzac (У.Фолкнер); “The American Renoir” (У. Пирс), “The American Scott” (Ф. Купер), (“Napoleon of the Stump” (J.Polk). В этих случаях основой метафорического переноса являются не общие семы (художник, писатель), а частные (Тициан – художник-колорист, Наполеон – полководец, известный своим ораторским искусством, Бальзак – писатель, известный своей плодовитостью).

В первом случае метафорического переноса протоним (имя первоначального носителя) используется как лучший выразитель свойства, приписываемого эпониму, высший авторитет в определенной области. Значение прозвища представлено семой «знаменитость в данной сфере», имеющей скорее оценочное значение и выражающей признание коммуникантами высокого статуса личности в данной области (“The American Socrates”, “The American Montaigne” (Р.Эмерсон), “The Babe Ruth of Hockey” (Билли Берч).

Последнее прозвище интересно еще и тем, что вместо имени знаменитого бейсболиста Джорджа Г. Рута употреблено его прозвище (“Babe”). Это явление достаточно распространено в американской практике именования знаменитостей: прозвище так крепко “прикрепляется” к эпониму, что полностью вытесняет личное имя. При этом постепенно происходит процесс десемантизации прозвища: его дескриптивные свойства ослабевают, теряя свою функцию вторичной номинации, и прозвище практически функционирует как личное имя. В прозвище The Babe Ruth of Hockey имя Бейба Рута употреблено в значении «спортивная звезда», и употребление прозвища прототипа никак не влияет на метафорический перенос.

Вторая разновидность метафорического переноса предполагает абсолютизацию дифференциального признака прототипа, отличающего его от других лиц, принадлежащих к той же сфере деятельности. Метафорическое переосмысление на основе такой метонимии часто используется в прозвищах художников, поэтов, писателей для характеристики особенностей их творческой манеры. Так, прозвище Джека Лондона “The American Kipling” активизирует фоновые знания о том, что писатель в своем творчестве основывался на личном опыте и материалом для его исследований служили реальные люди¹. Заметим, что подобные коннотации требуют более детальных фоновых знаний, чем коннотации, образующиеся при метафорическом переносе первого типа.

Различия в коннотативном значении аналогичных на первый взгляд прозвищ двух американских преступников свидетельствует об обусловленности их значения фоновой информацией. В прозвище грабителя С. Басса “The Robin Hood of Texas” коннотирует социально-опосредованное значению «добрый разбойник», закрепившееся за Робинотом Гудом. Значение прозвища “The American Jack Sheppard” принадлежавшего одному из самых знаменитых преступников Америки Дж. Махони, содержит фоновую ассоциацию «знаменитый преступник, постоянно сбегаящий». Как и его британский прототип, он постоянно сбегал из тюрьмы, поездов и т.п. Знание коммуникантами подобных частных сведений позволяет воспринять значение прозвища во всей его полноте.

Преобладающее большинство прозвищ-антономасий принадлежит к группе прозвищных перифразов. Среди собственно прозвищ число антономасий ограничивается единичными примерами (“Caesar” – прозвище А. Линкольна и некоторые другие).

4. Стилистические коннотации прозвищных имен

Стилистическая окрашенность двух выделенных групп прозвищных имен резко различна. Для собственно прозвищ характерна лексика коллоквиального (“Gabby” - *разг.* «словоохотливый», «разговорчивый», “Corky” - *разг.* «живой», «веселый», “Grumpy” - *разг.* «сердитый», «сварливый») и субколлоквиального стиля (“Slats” - *слэнг.* «ребра», “Snookie” - от “snook” - *слэнг.* «нос», “DudBascomb” – “dud” – (*black slang.* «неудачник»).

Стилистическая сниженность антрополексем придает грубовато-фамильярный характер даже мелиоративным прозвищам (“Lulu” - *амер. слэнг.* «что-либо первоклассное, замечательное», “Ebony” - (*ирон.*) *амер.слэн.* «негр»).

¹ См.: Shankle 1955. Здесь и далее информация о мотивированности прозвища приводится по данным используемых словарей.

Дерогативные прозвища приобретают еще более сильное аксиологическое значение: “Spoons Butler”, (“spoons” *амер. слэнг.* «деньги»). В сочетании с фоновым коннотативным значением (прозвище было дано генералу Батлеру на основании обвинения его в краже столового серебра) стилистические коннотации становятся очень сильным фактором пейоративной оценки. Языковая игра, обыгрывание двойного смысла слова “spoons” также способствует увеличению дерогативного оценочного потенциала прозвища.

Прозвищные перифразы характеризуются использованием нейтральной или «высокой» лексики. “The Plant Wizard”, “The Lone Eagle” (“lone” *поэт, ритор.* «одинокий»).

Особенно часто такие именованья встречаются в прозвищных перифразах, характеризующих эпонимов прошлого. Среди прозвищных номинаций времен Американской революции много титулов, отражающих высокие идеалы свободы и независимости, утверждаемые в Новом Свете (“The Apostle of Liberty”, “The Great Pacificator”, “The Colossus of the Revolution”). Однако и перифразы, данные современным личностям, используют черты «высокого стиля»¹: использование в антрополексемах отвлеченных существительных: “The Pride of Havana” (прозвище спортсмена); “The Russian Connection” (А. Хаммер), слов с поэтической окраской: “The Voice of Doom”, книжных слов: “The Radical Prophet of American Youth” (Б. Дилан), “Salesman Deluxe” (А. Хаммер).

Торжественный, возвышенный характер имеют прозвищные перифразы с использованием слов “father”, “mother”, определяющие лицо как основателя какого-либо направления, отрасли: “The Father of Space Travel” (Г. Оберт), “The Father of Rock Culture” (Дж. Дин), “The Mother of the Red Cross” (К. Бартон).

5. Аксиологические коннотации прозвищных имен

Аксиологическое (оценочное) значение понимается в работе как коннотативный компонент семантики слова, отражающий отношение членов лингвосоциума к понятию или признаку, составляющему основу номинации [Вольф 1985: 73, Пазыч 1986: 13]. Оценочность заложена в самой природе прозвищных антропонимов, так как «почти любой признак лица предполагает оценку» [Вольф, там же: 29]. Поэтому прозвища рассматриваются как специфический вид оценочных антропонимов², единиц повторной номинации, в семантике которых содержится оценочная сема положительной или отрицательной оценки, значение большинства их складывается на основе собственных признаков объектов, но через призму отношения

¹ См. признаки принадлежности лексики к торжественно-возвышенному стилю, выделяемые И.В. Арнольд [Арнольд 1973: 61-68].

² См. о значении оценочных антропонимов, единиц вторичной номинации: [Исмаилов 1979].

к ним референтов. Оценочный и дескриптивный аспекты значения тесно связаны, совмещены в языковой единице. Исследователи оценочного значения отмечают сложное взаимодействие субъективных и объективных свойств в оценочных структурах, трудность дифференциации собственных свойств объекта и признаков, которые им приписывает субъект оценки.

Оценочность дескриптивных прозвищ также неоднородна, она обусловлена следующими факторами:

- 1) выбор признака, называющего объект;
- 2) выбор языковых средств для именованя признака.

Оценочные коннотации прозвищных антропонимов, основанные на экстралингвистических факторах, возникают вследствие привлечения номинаций внимания к определенному недостатку или достоинству лица, событию, оцениваемому обществом как положительное или отрицательное: “Cock-eye” (дефект внешности), “Arthur the Gentleman” - (изысканность в одежде и манерах), “The Wagon Boy” (демократизм происхождения), “Car-Knife” (урезание ассигнований).

5.1. Национальная и социальная детерминированность аксиологических коннотаций

Обусловленность оценочного значения прозвищного антропонима национальными и социальными факторами вытекает из общенациональных особенностей общества¹ и его негомогенного характера².

Общенациональные установки выражаются в выборе для номинации лица специфической национально обусловленной лексики, наличии стандартных, общепринятых коннотаций слова, составляющих национально-культурный уровень владения языком [Кубрякова 1986: 127].

Изучение лингвокультурного содержания значения прозвищ американских президентов [Гладкова 2003] свидетельствует о способности прозвищ воплощать ценностные представления общества. Так, отдельные публичные прозвища американских президентов рассматриваются как периферийные проявления ядерного концепта «президент», а стереотипное представление американцев о президенте выражается концептами Self-made man, Buddy, Undeserved Leader, King.

Социальная, профессиональная, культурная дифференциация общества ведет к различиям в оценке, обусловленным морально-этическими установками и специфическими критериями оценки в различных группах.

Для современного прозвища характерно усиление социально-оценочного компонента, то есть прозвищное именование не столько отражает реальные свойства человека, сколько дает ему социальную оценку, которая носит чаще всего насмешливый характер.

¹См. С. 52 – 55.

²Ср.: «Оценка, заключенная в слове, как единице языка, является социальной, ибо отражает оценочное отношение языкового коллектива или его части к объекту “оценки”» [Ретунская 1989: 22-31].

По определению исследователей, социальная оценка представляет собой устойчивое, сопровождающее лексическое значение слова, представление о денотате [Ретунская 1989]. Она основана на ассоциациях, общих для членов языкового коллектива, и выражена соответствующими коннотациями.

Публичные прозвища, в отличие от личных, индивидуальных, являются выражением отношения, сложившегося в обществе, к известным личностям и пронизаны социальной оценкой. Отражение в номинации коммуникативно релевантных качеств эпонимов составляет интегральный признак прозвищных перифразов. Социальная оценка сопровождает их денотативное значение, образуя социально-опосредованные коннотации: “The Defender of the Union” (сенатор Д. Уэбстер), “The Trustbuster” (Т. Рузвельт), “God-gave-me-my-money-Rockefeller” (Рокфеллер).

Разнонаправленная оценочность собственно прозвищ также имеет в основе интересы и воззрения различных социальных групп. Наиболее очевидно это проявляется в прозвищах политиков. Знаменитый генерал времен гражданской войны Улисс Грант был носителем многочисленных почетных прозвищных перифрастических именовании, многие из которых «расшифровывали» его инициалы (U.S. Grant): “The Hero of Fort Donelson”, “The Hero of Appomatox”, “The Great Hammerer”, “Unconditional Surrender Grant”, “Union Safeguard”. Но сторонники Союза, воевавшие с армией Гранта, называли его “Butcher Grant”. Став президентом, Грант снискал себе как мелиоративное прозвище “Unquestionably Skilled”, так и пренебрежительное “Useless Grant” (юношеское прозвище, оживленное недоброжелателями). Прозвище “The American Caesar” содержало социальную оценку, выражающую опасения тех, кто боялся, что Грант будет баллотироваться в третий раз и продолжит то, что они считали тиранией.

Наглядно демонстрируют социальный характер оценки прозвища А. Линкольна, отражающие его заслуги перед обществом (“The Great Emancipator”), демократическое происхождение (“The Rail Splitter”), легендарную честность и порядочность (“Honest Abe”). Но наряду с этими положительно окрашенными или хвалебными прозвищами встречаем именовании, данные политическими противниками, не приемлющими методы управления Линкольна (“The Tyrant”, “Caesar”, “Despot”, “Usurper”), приписывающие ему многочисленные пороки (“Liar”, “Thief”, “The Buffoon”, “The Braggart”, “Ignoramus” и оскорбительные прозвища “The Baboon”, “Old Scoundrel”).

Социальные коннотации находят яркое выражение в этнических прозвищах, т.е. прозвищах, мотивированных национальным или расовым признаком. Социальная окрашенность таких прозвищ вполне понятна, так как национальность всегда остро воспринималась и была предметом деления на «своих» и «чужих». Прозвища, основанные на этническом признаке, характеризуют человека как «чужака», даже если форма прозвища не носит

пренебрежительного или оскорбительного характера (“Irish”). Большинство же прозвищ имеет резко пейоративное значение¹. В качестве антропонимов в них часто используются презрительные именованья лиц по национальности: “Mickie” (ирландцы), “Jeriy” (немцы), “Kike” (евреи), “Kraut” (немцы), “Mex” (мексиканцы).

Показателем социальной оценки выступают многие топонимы в топонимических прозвищах типа “Harvard Eddie”, “Princeton Charlie”, указывающие на название колледжа, в которой учился носитель прозвища. Дж. Скиппер приводит ряд таких прозвищ, принадлежавших бейсболистам (Skipper 1990, с. 4). Все они фиксируют названия частных престижных университетов и колледжей восточных штатов страны. Полученные в то время, когда игроки в бейсбол с университетским образованием были нетипичным явлением, указанные прозвища характеризовали их носителей с точки зрения их социального статуса.

Прозвища спортсменов с указанием их родного города часто служат указанием на провинциальность носителя²: “Wahoo Sam”, “Choo Choo”, “Vinegar”.

Отмеченное Дж. Скиппером большое количество топонимических прозвищ спортсменов, связанных с Югом, отражает, по мнению ученого, явление так называемого южного регионализма, присущего Южным Штатам. Характерная для Юга солидарность его жителей, развившаяся по некоторым этническим, экономическим и историческим причинам, находит отражение в прозвищах. Многие игроки с Юга имеют прозвище “Dixie”, которое, безусловно, имеет для коммуникантов определенные социальные коннотации.

Большое количество прозвищ, связанных с конкретным штатом - Техасом, также отражает особое чувство патриотизма жителей Техаса, который всегда был обособленным и независимым штатом: “Texans have always considered themselves different, a collective self concept of being bigger and better” [Skipper 1990:9]. Примерами могут служить прозвища “Texas Jack”, “Tex”, “Big Tex”. Рекуррентность подобных прозвищ отражает осознание коммуникантами происхождения эпонима как его важного дифференциального признака и коннотирует общие для техасцев характерные черты.

5.2. Эмоциональное и рациональное в аксиологических коннотациях

Под аксиологическими коннотациями обычно понимают эмоционально-оценочное значение слова, так как эмоция и оценка в языке тесно связаны. Но понятия эмоционального и оценочного значения не тождественны.

¹ Ср.: «Оценка лиц по национальности носит преимущественно презрительный или пренебрежительный характер. Из 209 единиц с пометой “иронически” в БАРС зарегистрирована лишь одна ...» [Ретунская, 1989: 31].

² Косвенным подтверждением этого можно считать свидетельство американских исследователей о том, что маленькие города чаще служат основой для прозвища, чем большие [Скиппер 1990: 10].

венны. В лингвистике существует ряд работ, посвященных проблеме разграничения оценки и эмоции [Вольф: 1985, Кузьмин 1980, Кулигина 1985]. Выделяются оценка эмоциональная и рациональная, различающиеся по наличию / отсутствию экспрессивности [Кулигина 1985: 7]. Другие лингвисты разграничивают три типа оценки: 1) интеллектуально-логическая, входящая в денотативный компонент значения, 2) эмоциональная, содержащаяся а коннотативном аспекте значения, 3) эмоционально-интеллектуальная, охватывающая оба аспекта значения [Хидекель 1983: 15].

В прозвищной номинации ценностно-оценочное отношение окружающих к именуемому лицу чаще находит выражение в эмоционально окрашенных лексических единицах. На сильную эмоциональную нагрузку прозвищ указывает И.Р. Гальперин [Гальперин 1958]. Об использовании прозвищ в прессе в качестве широко распространенного экспрессивного приема пишет О.А. Леонович [Леонович 2002]. Как метко замечает Э.Ф. Телень, прозвище часто служит для того, чтобы «скомпрометировать или, наоборот, поддержать человека, не прибегая к логическим выводам».¹ Выборка по американским прозвищным словарям показала значительное преобладание (86%) эмоционально-оценочных прозвищных антропонимов над единицами с рациональной оценкой. В группе собственно прозвищ рациональная оценка практически не встречается.

Даже единицы, относимые исследователями к группе лексики с интеллектуально-логической оценкой (*liar*), становясь прозвищем лица, приобретает сильную эмоциональную окраску: “*Liar*”. К рационально-оценочным антропонимам можно отнести лишь некоторые прозвищные перифразы, антрополексемы которых не имеют узуального (нарицательного) значения оценочности (*father, mother*): “*The Father of American Pragmatism*”, “*The Mother of the Red Cross*”.

Рассмотрение эмоционально-оценочного значения проводится в традиционном противопоставлении мелиоративных и пейоративных коннотаций и градации по степени оценки на слабую, среднюю и сильную. Хотя лингвисты отмечают размытость оценочной шкалы и конвенциональность такого деления, различия в степени оценочности прозвищных антропонимов очевидны.

Целью последующего анализа является выявление определяющих факторов оценочности исследуемых единиц. Предстоит определить, какие средства, используемые в эмоционально-оценочных прозвищных антропонимах, способствуют наиболее экспрессивному выражению отношения именуемых к референту.

К лингвистическим средствам выражения оценочности относятся

¹[Телень 1970: 24].

следующие¹:

1) использование собственно оценочной лексики и эмоционально-оценочных слов, оценочных и эмоционально-оценочных суффиксов и префиксов;

2) употребление дескриптивно-оценочных прилагательных и существительных;

3) использование стилистически маркированных единиц.

С учетом влияния рассмотренных ранее фоновых коннотаций на оценочный потенциал единиц прозвищной номинации применительно к прозвищным антропонимам выдвигается еще один фактор оценочности:

4) апелляция к фоновым знаниям референта, рассматриваемая как частный случай социолингвистической обусловленности оценки.

5.3. Аксиологическое значение собственно прозвищ

Мелиоративы

Путем использования оценочных прилагательных создается мелиоративная оценка в прозвищах “The Superb”, “The Magnificent”, “Lulu”. В последнем антропониме положительные коннотации частично погашаются стилистической сниженностью лексемы (“Lulu” - амер. слэнг. «что-либо первоклассное, замечательное»).

Ряд прозвищ носит ласкательный характер вследствие употребления уменьшительных суффиксов –y, -ie, -sy (“Sonny”, “Blackie”). В прозвищах употребление этих суффиксов имеет значение не уменьшительности, а служит для выражения эмоционально-оценочного отношения (ласкательность)².

Положительная оценка прозвищ “Handsome Hugh”, “Beau Brummel” возникает под влиянием дескриптивных прилагательных с ингерентными положительными коннотациями (handsome, beau), указывающими на признаки объектов. Слова, обозначающие признаки, традиционно расцениваемые общественным мнением как положительные, также способствуют созданию мелиоративной оценки.

Широко применяемые в прозвищах прилагательные “little” и “old” также оказывают влияние на значение прозвища. Прилагательное “little” может служить как для выражения оценки, определяя маленький рост эпониима (“Little Phil”, “Little Mac”) и иметь эмоциональное значение ласкательности, которое усиливается при сочетании с числительным “one”, не имеющим предметного значения (“The Little One”). В.И Шаховский указывает на расширение значения слова “little”, которое «значит не только “маленький”, но и “любимый”, “милый” или “жалкий”, “презренный”»

¹О средствах выражения оценки см.: Шаховский 1969, 1987; Вольф 1979, 2002; М., Ретунская 1988, 1989; Кулигина 1985; Хидекель, Кошель 1981, 1983; Ягубова 1992; Телия 1986, 2003 и др.

²См. об этом: [Шаховский 1969: 14].

[Шаховский 1969: 15]. Еще большему переосмыслению подверглось слово “old”. Хотя, по мнению некоторых лингвистов, оно нейтрально в оценочном отношении и развивает положительные или отрицательные коннотации лишь в контексте [Гюббенет 1981: 104] употребление его в прозвищах всегда придает им выражение ласкательной фамильярности. В большом количестве прозвищ с “old” сема «старый» не реализуется ни в одном из них, слово употребляется не в значении качественного прилагательного, а как стилистический модификатор оценки, формируя положительно-фамильярное значение при употреблении с фамилиями (“Old Bory”, “Old Put”) и несколько снижая степень оценки в сочетаниях с дескриптивно-оценочными прилагательными лаудативного значения (“Old Reliable”).

Таким же детерминатором оценки является существительное “uncle”, создающее дружелюбно-фамильярное значение: “Uncle Waiter”.

В большом числе прозвищ мелиоративность является результатом актуализации потенциальных положительно-оценочных сем дескриптивных существительных и прилагательных, описывающих качества эпонима. Само предметное значение лексем безоценочно, но мотивация, определившая именование, выявляет потенциальные положительные коннотации слов, прозвище “Duke”, полученное Эллингтоном за безукоризненную манеру одеваться, “Prince John”, данное У. Артуру за приятную внешность и манеры. В словах duke, prince активизируются коннотативные семы «с приятной внешностью», «красиво одетый», «воспитанный».

Прозвища многих государственных деятелей, политиков, генералов отражают оцениваемые обществом как положительные черты характера: бесстрашие (“Old Tiger”), твердость и сила характера (“Old Hickory”), проныцательность (“Sharp Knife”), упорство (“Stonewall Jackson”, “Rock of Chickamanga”). Благодаря фоновым значениям коммуниканты извлекают из узуально безоценочных лексем соответствующие коннотации, превращающие прозвища в экспрессивные положительно окрашенные единицы.

Прозвища известных в стране военачальников прошлого часто давались в честь памятных побед, одержанных войсками под их командованием. Так, скрытая мелиоративность, не имеющая эксплицитного выражения, но понятная каждому американцу, характеризует прозвища “Old Tip” (полученное за победу в Типпеканоэ генералом В. Гаррисоном), “Old Chapultepec”, данное генералу У. Скотту за победу в Чапултепеке в 1847 г., завершившей Мексиканскую войну.

Наиболее экспрессивным приемом, усиливающим положительный эмоционально-оценочный заряд прозвища, является метафора. Метафорические прозвища как характеризуют свойства лица, так и указывают на связанные с ним определенные события, эпизоды. Яркая метафоричность отличает прозвища спортсменов, указывающие на их профессиональные качества: “Mail Carrier”, “Birdog”, “Louisiana Lightning”, “Jackrabbit” коннотирует сему “быстрота”, “The Reading Riffle”, “Texas Tornado” «сильный

и быстрый удар». Сравнение прозвищ прямо указывающих на характерный признак с метафоричными выявляет гораздо более высокую степень оценочности последних: “Speedy Eddie” и “Flash”. Двойная метафоричность имеет место в прозвище “Iron Horse”, полученное игроком за скорость бега. Первоначально эта метафора служила для обозначения первых паровозов и опиралась на коннотемы «мощь», «сила», и только во вторую очередь «скорость». В прозвище бейсболиста коннотема «скорость» доминирует, чему способствуют фоновые знания коммуникантов (это прозвище Г. Гериг получил после поставленного им рекорда в скорости).

Фоновые знания могут «гасить» некоторые семы отрицательной оценки, содержащиеся в послужившей для именованной лексеме, если они (знания) носят положительный характер. Так, в прозвище “Ajax”¹ профессора латыни А. Авена, в течение 44 лет преподававшего в Клинтонском колледже, штат Миссисипи, доминирующими семантиками, определяющими мелиоративный характер оценки, являются коннотемы «доблесть» и «мастерство». Мотивация прозвища учитывает и маленький рост эпонима, усиливающий сходство с греческим воином. Не случаен и сам выбор имени (Древняя Греция, античность - профессиональная сфера эпонима). Отрицательные качества Аякса - высокомерие и самонадеянность - отходят на второй план, прозвище имеет в целом положительную направленность с легким оттенком насмешливости.

Рассмотренные антропонимы демонстрируют большую степень зависимости мелиоративной эмоциональной оценки от различного рода экстралингвистических факторов. Высокая степень мелиоративности чаще достигается не чисто языковыми средствами, а с опорой на культурный тезаурус коммуникантов.

Не слишком типичный, но яркий пример, подтверждающий социолингвистическую обусловленность оценочности прозвищ, являет собой прозвище “You Crazy Bastard”². Его лексический состав представлен субколлоквиальными единицами с пейоративным значением.

Тем не менее, по свидетельству носителя прозвища, оно служит для выражения нежности и является ласкательным, представляя собой пример стилистической энантиосемии.

Дерогативы

Отрицательно-оценочные прозвища варьируют по степени оценки от мягко-насмешливых (“Baby Flo”) до резко оскорбительных (“Monkeybitch”), характеризуя как отдельные черты эпонима, так и личность в целом. Преобладание среди прозвищ дерогаторных наименований лица дает исследователям основание рассматривать прозвищную номина-

¹ Аякс - древнегреческий воин, отличавшийся доблестью, высокомерием и самонадеянностью.

² Это прозвище Дж. Скиппера, которое один из его друзей употреблял в прямом обращении. См. об этом: [Skipper 1990: 11].

цию как номинацию преимущественно негативной оценки субъекта.

Действительно, среди прозвищ известных лиц очень многочисленны единицы номинации, описывающие физический недостаток или отрицательную черту поведения или характера. При этом дерогаторность создается двумя способами:

1) простой констатацией факта физического недостатка или критически воспринимаемой особенности поведения, черты характера “One-Armed Phil”, “Big Nose Parrot”, “Peg Leg Peter”;

2) выбором антрополоксем, содержащих оценочное пейоративное значение (“Ugly Ike”).

Следует отметить, что наиболее резкие пейоративные коннотации возникают у прозвищ, в основе которых лежит физический недостаток. Причины этого явления не имеют лингвистической основы и связаны с психологическими особенностями личности, всегда остро воспринимающей привлечение общественного внимания к недостаткам внешности. Так, известно, что знаменитый гангстер Аль Капоне очень болезненно относился к употреблению своего прозвища в прессе и в 1922 г. даже обращался к издателю газеты “Evening American” с протестом по поводу именованя его по прозвищу. Томас Лючезе, один из главных мафиози Америки, известный как “Three Finger Brown” запретил обращаться к себе по прозвищу, достигнув высокого положения в клане.

Прозвища, мотивированные характерными особенностями внешности, выделяющими человека, не являясь серьезными недостатками, также могут коннотировать сему отрицательной оценки. Высокий или маленький рост, худоба, полнота, рыжие волосы - эти признаки известного отклонения от нормы чаще всего служат объектом насмешек.

Но дерогативный потенциал этих прозвищ существенно ниже отрицательной коннотативности прозвищ первой группы. Они носят фамильно-насмешливый характер (“Pepper”, “Rusty”, “Lanky”). Во многих случаях дерогаторность смягчена уменьшительным суффиксом -у (“Reddy”, “Blackie”), эти прозвища занимают промежуточное положение между мелиоративами и дерогативами¹.

Весьма умеренная пейоративность отличает прозвища, представленные лексемами, обозначающими отрицательные качества эпонима: “Gabby» (болтливость), “Airhead” (легкомыслие), “Skoop” (медлительность), “Grumpy” (ворчливость). Простая констатация личного недостатка здесь не имеет такой высокой степени оценочности, как в прозвищах, называющих физические недостатки. Причина, очевидно, заключается в том, что критерии оценки личностных признаков не столь однозначны, как внешних, и характеризуются определенной амбивалентностью. Лексемы,

¹ Ср.: «Хвала и брань - две стороны одной медали ... Чем фамильярнее речь, тем чаще и существеннее сливаются тона, тем слабее становится грань между хвалой и бранью, они начинают смещаться» (Бахтин М.М. Творчество Ф. Рабле и культура средневековья. М.: Наука, 1965. С. 402).

используемые в этих прозвищах, могут содержать оценочные коннотации со знаком минус, но не имеют резко выраженного дерогативного значения.

Метафора широко используется в прозвищной номинации как средство создания оценочности. Однако метафоричность прозвища скорее обуславливает наличие в нем эмоционального значения. Что касается степени выраженности оценки, то она определяется в первую очередь степенью дерогативности значения признака, лежащего в основе метафорического переноса. Так, прозвище “Ohio Gong”, обусловленное зычным голосом сенатора Аллена, является выразительным антропонимом, но степень отрицательной оценки ограничивается насмешкой, поскольку общий признак “громкий” не содержит ярко выраженной пейоративной оценочности. Аналогичный насмешливый характер имеют прозвища “The Fountain”, полученное сенатором Г. Ашurstом за многословие, “Skoony” (итал. «улитка») - прозвище американского спортсмена К. Мурильо, известного своей медлительностью. Признаки, обусловившие метафорический перенос, не вызывают сильной эмоциональной реакции именуемых, а потому не носят резко пейоративного коннотативного значения в языковом коллективе. С другой стороны, такие признаки, как лицемерие и готовность к неожиданному удару, обусловившие прозвище директора канала CBS Д.Т. Обри “The Smiling Cobra”, характеризуют эпонима не с лучшей стороны в общественном плане, что детерминирует сильную отрицательную оценочность прозвища.

Заметим, однако, что указанные факторы оценочности характеризуют лишь наиболее типичные формы номинации. Вместе с тем, отмечены случаи прозвищных именовании лица, воспринимающихся как резко дерогативные, несмотря на то, что в их основе лежит в целом положительный признак. Например, в основе прозвища жены президента Рейгана Нэнси “The First Mannequin” лежат такие качества, как элегантность и хороший вкус, а язвительно-аллегорическое прозвище радиоведущего Джона Энтони “Mr. Agony” всего лишь содержит аллюзию на многолетнюю работу в программе. Негативное эмоционально-оценочное значение этих номинаций носит социальный характер, поскольку определяется отрицательным отношением к эпонимам со стороны именующих, и резко пейоративное оценочное значение этих прозвищ создается за счет отрицательных коннотативных сем, содержащихся в лексемах “mannequin” и “agony”, то есть на социолингвистических основаниях, а не просто на основании фоновой информации об эпонимах, которая может интерпретироваться как негативная.

Самой высокой степенью экспрессивности обладают прозвища, дерогативное коннотативное значение которых включено в денотативную семантику антрополексем. Выражая отношение определенных социальных групп к эпониму, они используют языковые единицы с сильным оценочным компонентом. Оцениваются интеллектуальные (“Tom Fool Jackson”),

морально-этические (“Tyrant”), профессиональные качества лица (“Beast Butter”). В некоторых случаях денотативное значение отходит на второй план, и дерогаторная оценка личности представлена эмоционально-оценочными единицами (“Monkeybitch”, “Gretch the Wretch”).

Резко дерогативные коннотации отличают этнические прозвища с использованием стилистически окрашенных единиц. Заметим, что прозвище “Superkraut” было дано Киссинджеру как пародия на мелиоративное прозвище “Superhenry”. Такие антонимичные пары нередки в американской прозвищной номинации. Почти каждое «героическое» прозвище является основой для насмешливых вариаций на его тему. Так, известный под именем “Stonewall Jackson” генерал американской гражданской войны подучил среди своих недоброжелателей дерогативное прозвище “Mudwall Jackson”. Прозвище “Cassius the Brashest” появилось в ответ на самопрозвище “the Greatest” боксера Мохаммеда Али. Существование антонимичного мелиоративного варианта усиливает пейоративность прозвища.

Отрицательно-оценочный характер многих американских прозвищ становится очевиден лишь при наличии фоновых сведений, мотивирующих номинацию (“Cap-Knife”, “Sunset Cox”, “King Roosevelt I”). Ядовито-насмешливый характер носят многие прозвища политиков, генералов, президентов, где в основе номинации лежат какие-либо неблагоприятные поступки эпонимов. Так, прозвище “Dougout Doug”, лексемный состав которого предполагает шутливые коннотации, на самом деле резко дерогаторно, так как коннотирует трусость генерала Дугласа Макартура, укрывавшегося в туннеле, в то время, как его солдаты гибли на Батаане.

Лишь при наличии фоновых знаний объективируется насмешливый характер прозвищ американских сенаторов, в основе номинации которых лежит произнесенная однажды фраза. Без соответствующей фоновой информации они представляются странными или комичными словосочетаниями, тогда как для владеющего этой информацией прозвище наполняется оценочным смыслом. Так, например, сема «ура-патриотизм», определяющая пейоративное коннотативное значение прозвища “Love-Bird Allen” выявляется только при ознакомлении с обстоятельствами получения его: сенатор Аллен имел обыкновение часто повторять в своих речах: “I love my country, I love my people”, что и послужило причиной этого насмешливого прозвища.

5.4. Аксиологическое значение прозвищных перифразов

Мелиоративы

Мелиоративное коннотативное значение, характеризующее подавляющее большинство прозвищных перифразов, обусловлено функционально. В отличие от собственно прозвищ этот вид прозвищной номинации не используется в личном общении, а употребляется в основном средствами массовой информации для косвенной характеристики лица. Основ-

ной функцией этих единиц является выражение ценностно-оценочного отношения коммуникантов к общеизвестным в американском социуме лицам.

Положительная эмоциональная оценка создается разнообразными средствами. Широко используется так называемая высокая лексика: “The Colossus of Independence”, “The Radical Prophet of American Youth”, “Apostle of Liberty”, придающая перифразам торжественный, возвышенный характер. Мелиоративные оценочные олова, качественные прилагательные с положительными коннотациями также являются эксплицитным выражением оценки.

В зависимости от способа выражения стереотипного представления о лице, каким является прозвищный перифраз (прямого или метафорического), выделяются две группы перифрастических мелиоративных прозвищ: описательные и метафорические. Первые подразделяются на дескриптивно-оценочные и чисто эмоционально-оценочные, метафорические прозвищные перифразы могут быть представлены лексемами и собственными именами нарицательными и антономасийными.

Дескриптивно-оценочные мелиоративные перифразы фиксируют заслуги эпонима перед обществом, обычно указывая на сферу профессиональной или общественной деятельности. Индикаторами мелиоративной оценки выступают положительно-оценочные прилагательные *great*, *famous*, *foremost* или числительное “*first*”, подчеркивающее приоритетное место эпонима в данной сфере: “The Great Emancipator” (А. Линкольн), “America’s Greatest Showman” (М. Тодд), “America’s Foremost Architect” (С. Уайт), “America’s Foremost Historian” (Ф. Тернер), “America’s First Negro Big Leader” (Дж. Робинсон), “America’s First World War Hero” (К. Келли).

Сильный положительный эмоционально-оценочный заряд несет определитель “*American*”, “*America's*”, акцентирующий социальную релевантность качеств эпонима, признание их в масштабе общеамериканского социума.

Эмоционально-оценочные мелиоративные прозвищные перифразы (“*The Grace Little Darling*”, “*America’s Sweetheart*”, “*America’s Favourite Cowboy*”) оценочные единицы, выражающие отношение общества к известным личностям. Мелиоративное значение является компонентом денотативной структуры оценочных слов *darling*, *sweetheart*, *favourite*, определяет экспрессивную положительную оценку этих номинаций.

Метафорические прозвищные перифразы, представленные нарицательными антрополоксемами, используют перенос по сходству с существительными, коннотативное значение которых включает положительно-оценочные семы. Это слова *the prince*, *the king*, *the queen*, *the khan*, компонентом денотативной структуры которых является сема «власть, высокое положение», сопровождающаяся мелиоративной коннотативной семой. Перифрастические прозвища данной подгруппы носят хвалебный харак-

тер, подчеркивая высокое положение эпонима в какой-либо области, и обычно характеризует профессиональную деятельность: “The King of the Quip-Quip (ведущий Ф. Аллен), “The Film Queen” (киноактриса К. Хепберн), “The Great Khan of Wall Street” (банкир Морган), “The Prince of Show men” (владелец цирка П. Барнам).

Метафорические прозвищные перифразы-антономасии (“The Edison of Crime Detection”, “American Hogart”, “American Renoir”, “American Shakespeare”, “American Scott”, “The Second Washington”) являются выражением мелиоративной оценки, основанной на фоновых знаниях носителей языка. Мелиоративный характер перифразов обусловлен единством эмоционально-оценочных параметров используемого имени. Социально-апробированная оценка, единая у большинства носителей языка, позволяет однозначно определить знак оценки, несмотря на отсутствие индикаторов мелиоративности. Метафорический перенос имени с одного лица на другое осуществляется на основе общности признака, лежащего в основе прозвищной номинации. Метафорическому переносу предшествует метонимическое переосмысление имени первоначального носителя, которое начинает рассматриваться как символ определенного качества, признака. Антономасийные прозвищные перифразы наиболее распространены как единицы вторичной номинации людей творческих профессий и направлены на оценку характерных особенностей творчества.

Дерогативы

Эта группа далеко не столь многочисленна, как мелиоративные перифразы, что объясняется преимущественной функцией положительной оценки, свойственной перифрастическим наименованиям.

Пейоративное значение прозвищных перифразов складывается под сильным противодействующим влиянием используемых в них лексических единиц «высокого стиля» (“The Illustrious Infidel”, “The Stuffed Prophet”, “The Great Nullifier”). Поэтому наряду с отрицательной оценочностью им присуща некоторая торжественность, отсутствие уничижительного оттенка, отличающего многие дерогативные собственно прозвища.

Наиболее сильно пейорация выражена в перифразах-пародиях на мелиоративные прозвища: “The Queen of Rock’n’Rouge” (пародирующее прозвище “The King of Rock’n’Roll” и коннотирующее манеру держаться на сцене и сценический имидж Э. Купера), “Cassius the Brashest” (пародия на самопрозвище М. Али).

Мягкая ирония прозвищных перифразов “The Sage of Concord” (Р. Эмерсон), “The Sage of Princeton” (Т. Рузвельт), “The Sage of Monticello” (Т. Джефферсон), обычно даваемых удалившимся на покой государственным деятелям, ставит их в промежуточное положение между мелиоратив-

ными и отрицательно-оценочными единицами¹.

В целом пейорация прозвищных перифразов не достигает степени интенсивности оценки, наблюдаемой в собственно прозвищах.

ВЫВОДЫ

Специфика коннотативного значения прозвищных имен обусловлена двойственностью их лингвистической природы, заключающейся в сочетании в семантике признаков единичного (собственного) и общего (нарицательного) имени. Обозначение прозвищным именем единичного эпонима определяет его фоновые коннотации, вызванные ассоциациями экстралингвистического характера, а использование для номинации нарицательных лексем приводит к образованию стилистических коннотаций, маркирующих их лингвистический статус в системе языковых единиц. Общеоценочное восприятие прозвищного имени формирует его аксиологические коннотации. В соответствии с выработанной типологической классификацией фоновые коннотации подразделяются на признаковые и событийные, аксиологические коннотации представлены эмоционально- и рационально-оценочными, а стилистические выражены коллоквиальными, субколлоквиальными и возвышенными коннотациями.

Мотивация прозвищных имен одним из многочисленных признаков эпонима характеризует их как гипонимы личного и фамильного имени, являющегося гиперонимом по отношению к ним. Прозвищные имена выступают экспликаторами отдельных видов коннотативного значения, имплицитно содержащихся в референтно однозначных именах: в целом полионимический ряд прозвищных имен отражает стереотипное восприятие обществом соответствующего эпонима. Степень экспликативности прозвищных антропонимов различна; в зависимости от способа выражения фонового признака прозвищные имена подразделяются на экспликаторы, аллюзии и импликаторы.

Стилистические и фоновые коннотации не имеют самостоятельного значения и используются в прозвищной номинации как средство достижения оценки. Аксиологическое коннотативное значение, формирующееся на основе совокупного действия лингвистических и экстралингвистических средств, составляет ингерентно присущий прозвищному антропониму признак, определяющий его функционирование в языке как характеризующей номинативной единицы. Аксиологические коннотации прозвищные имена носят национально и социально обусловленный, преимущественно эмоциональный характер. С точки зрения эмоциональной оценки прозвищные имена подразделяются на дерогативы и мелиоративы, отражая дифференцированное отношение к именуемым объектам различных слоев и групп общества.

¹ Слово "sage" имеет узуальную ироническую окраску.

В результате лингвистического анализа прозвищных имен выделены две основные группы (собственно прозвища и прозвищные перифразы), резко различающиеся по различным параметрам коннотативного значения. Собственно прозвища представлены единицами преимущественно коллоквиального субъязыка и дерогативной эмоциональной оценки; прозвищные перифразы характеризуются использованием нейтральной или «высокой» лексики и мелиоративной аксиологической окрашенностью.

В группе прозвищных перифразов выделяется подгруппа прозвищных имен-антономасий, коннотативное значение которых определяется исключительно фоновыми знаниями коммуникантов об именуемом лице и о лице, чье имя используется для номинации. Дифференциация эпонимов происходит по эксплицитно выраженному национальному, географическому, темпоральному или деятельностному признаку, а общий признак, лежащий в основе именованья, имплицитно выражается культурным тезаурусом коммуникантов.

Реализация аксиологического потенциала большинства прозвищных имен общеизвестных лиц посредством актуализации фоновой информации интенсифицирует оценку, дополняя, расширяя или конкретизируя значение, выраженное антрополексемой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В проведенном исследовании рассмотрены особенности коннотативного значения личных и прозвищных имен общеизвестных эпонимов, имеющих однозначную референтную соотнесенность в рамках общеамериканского социума. Целесообразность исследования обусловлена сочетанием в данной теме двух актуальных для современного языкознания проблем: семантика собственного имени и сущность коннотации как компонента содержательной структуры слова. Настоящая работа предлагает референциальный подход к изучению значения собственного имени, не являющийся традиционным для современной ономастики, и раскрывает новые аспекты коннотативного значения, отражающие своеобразие лингвистической природы антропонимов как абсолютно специфических единиц лексической системы.

Имена и прозвища известных американских референтов представляют новый предмет лингвистического изучения (за исключением имен, использующихся в качестве антономасий). Семантической природы прозвищного имени в отечественной лингвистической литературе начала разрабатываться только в последнее время, а в работах зарубежных авторов прозвища называют «белым пятном ономастики», отмечая крайне слабую изученность темы. Предпринятый опыт исследования американских личных и прозвищных имен в культурно-историческом контексте отражает социолингвистическую сущность семантики собственного имени, требующую изучения всех лингвистических и экстралингвистических связей для получения представления о его совокупном коннотативном значении.

В ходе исследования были решены следующие задачи:

- определен критерий собственного имени, позволяющий осуществить первичную дихотомизацию антропонимов и выделить предмет исследования;
- обоснована правомерность включения воплощенных референтно однозначных имен в антропонимическую систему языка;
- произведена систематизация единиц двух основных классов воплощенных антропонимов и составлены тематические и семантические классификации;
- рассмотрена содержательная структура воплощенного американского антропонима и определен статус и специфика его коннотативного значения;
- разработана типологическая классификация коннотаций воплощенного антропонима;
- рассмотрены виды коннотативного значения и их взаимоотношение в каждом из двух исследуемых классов антропонимов; проанализировано влияние коннотаций на изменение статуса воплощенного имени и переход его в другие антропонимические разряды;

- выделены основные виды фоновых коннотаций референтно однозначных имен и семантические типы прозвищных имен в соответствии со степенью экспликативности фоновой информации; исследованы группы личных и прозвищных антропонимов с различной оценочной направленностью и определены факторы, обуславливающие их аксиологический потенциал.

В преобладающем большинстве существующих работ по ономастике собственное имя рассматривается как потенциальная единица номинации, вне связи с конкретным объектом, значение имени как абстрактного знака обычно считается его языковым значением и противопоставляется значению, возникающему при употреблении имени в речи для обозначения конкретного лица. Языковое значение при этом сводится к минимальному набору категориальных признаков, что позволяет исследователям высказывать утверждение об асемантической имени в языке и наполнении его значением в речи.

Подобный подход к значению собственного имени, получивший название семантического, не учитывает его специфики как языкового знака и приводит к исключению из системы языка целых классов имен. В настоящей работе в качестве основного дифференциального признака собственного имени вместо семантического принимается признак референциальности, а под значением собственного имени понимается способность осуществлять референцию. В соответствии с типом референции осуществляется первичная дихотомизация антропонимов, подразделяющихся на невоплощенные и воплощенные имена.

Противопоставление воплощенных и невоплощенных имен представляет собой дихотомию языковой системы и не равнозначно противопоставлению имени в языке и речи. Рассмотрение невоплощенных и воплощенных антропонимов возможно как на уровне языковой системы, так и в речевом употреблении. В настоящей работе исследование проводилось только в системном (языковом) плане, без учета особенностей функционирования в речи. Включение воплощенного имени как семантического типа в лексическую систему предполагает дифференциацию единиц в зависимости от масштабов, в которых определенное имя является воплощенным. Лишь центральная часть воплощенных имен американского антропонимикона, имеющая однозначную референтную соотнесенность для большинства американцев, входит в узус, тогда как другие имена являются составной частью социолектов и идиолектов отдельных индивидов. Значение воплощенных имен, одинаковое для основной массы носителей языка, считается его языковым значением.

Воплощенные антропонимы, референтно однозначные в масштабах узуса, представляют собой имена, осваиваемые личностью в процессе социологизации, приобщения к культурным ценностям и освоения так называемых фоновых знаний, обязательных для успешной коммуникации в

данном лингвокультурном социуме. Определенность языкового значения, возникающая как следствие общности культурного тезауруса носителей языка и обеспечивающая внеконтекстную актуализацию семантических компонентов, классифицируется как репрезентативная самодостаточность, выдвигаемая в качестве интегрального признака воплощенного антропонима. Присутствие в содержательной структуре воплощенного антропонима компонентов, не имеющих формального выражения, но достаточно устойчивых, о чем свидетельствует отражение их в словарных пометах, позволяет сделать вывод о наличии языкового коннотативного значения.

Исследуемые в работе американские антропонимы подразделяются на два основных класса: референтно однозначные личные и фамильные имена, и прозвищные имена. Прозвищные имена представляют собой дополнительные, добавочные имена известных исторических лиц, используемые наряду с личными и фамильными именами или вместо них. Однозначная идентификация лица, осуществляемая воплощенными прозвищными именами, в отличие от личных и фамильных имен является значимой, эксплицитно выраженной, сообщая дополнительные, характеризующие эпоним признаки. Прозвищные имена распадаются на две существенно различающиеся по многим параметрам коннотативного значения группы: собственно прозвища и прозвищные перифразы.

Выделенные общественно значимые воплощенные антропонимы, являющиеся составной частью узуса, образуют следующие тематические группы: имена исторических лиц, литературных персонажей, библейских героев, мифологических персонажей, героев американского фольклора, персонажей радио- и телепрограмм. Прозвищные имена известных американских референтов подразделяются на несколько существенно различающихся по численности групп. Наиболее многочисленными являются следующие социальные и профессиональные группы: прозвищные имена политических деятелей, писателей, актеров, представителей шоу-бизнеса, музыкантов, теле- и радиоведущих, спортсменов, бизнесменов, преступников.

Специфика коннотативного значения воплощенного антропонима вытекает из особой природы его семантики, учитывающей экстралингвистические свойства эпонима, носителя имени. Употребление в прозвищных именах нарицательных слов со всем многообразием их лингвистических связей приводит к возникновению коннотативного значения иного рода. Соответственно, в структуре коннотативного значения воплощенного антропонима выделяются фоновые и стилистические коннотации. Общее оценочное восприятие имени, основанное как на лингвистических, так и экстралингвистических связях, выражается его аксиологическими коннотациями.

Фоновое коннотативное значение представлено предметными, признаковыми, деятельностными, событийными, локальными и темпоральными

ми коннотациями. Стилистическое значение выражено коллоквиальными, субколлоквиальными и возвышенными коннотациями. В аксиологическом значении преобладает эмоциональная оценка, что вообще типично для антропоцентрической лексики.

Исследование коннотативного значения личных и фамильных имен показало опосредованность аксиологических коннотаций фоновым значением. Имплицитная форма оценки не препятствует формированию устойчивого аксиологического значения при условии предваряющей длительной повторяемости однородных в оценочном плане контекстов или широкой известности в обществе, фоновой информации об эпониме, выявляющих направленность оценки. Наибольшей устойчивостью аксиологического значения характеризуются имена, коннотирующие социально-немаркированные признаки эпонима. Устойчивое фоновое значение в сочетании с аксиологическим значением является фактором перехода воплощенного антропонима в разряд языковых антономасий - нарицательных имен, денотативное значение которых образовано на основе коннотативного значения соответствующих собственных имен. Закрепленная в общественном сознании мелиоративная оценка способствует переходу воплощенного имени в класс невоплощенных имен языка, причем употребительность типового имени в определенной этнической или социальной группе является показателем положительного отношения к эпониму.

Прозвищные имена выступают в качестве гипонимов референтно однозначных имен, эксплицируя отдельные признаки именуемого лица. Различия в степени экспликативности фоновой информации отражены в подразделении их на экспликаторы, аллюзии и импликаторы.

Характерной чертой коннотативного значения прозвищных имен является подчиненность стилистических и фоновых коннотаций аксиологическому значению, что объясняется особой функцией прозвищного имени в общении - выражением оценочного отношения к лицу посредством характеризующей номинации». Две выделенные группы прозвищных имен - собственно прозвища и прозвищные перифразы - резко отличаются по аксиологической направленности, что определяет использование противоположных стилистических средств и актуализацию фоновых признаков различного оценочного характера. В собственно прозвищах преобладают дерогативы и чаще используется коллоквиальная и субколлоквиальная лексика, прозвищные перифразы включают преимущественно мелиоративы и тяготеют к возвышенной, торжественной лексике.

Анализ воплощенных американских антропонимов двух рассмотренных классов выявил обусловленность его коннотативного значения экстралингвистическими факторами, что подтверждает предположение о целесообразности изучения собственного имени в контексте общественно-исторического развития.

Дальнейшее исследование воплощенных имен возможно в русле

прагматики, психосемантики, логической семантики, лингвистики текста, социолингвистики. Интересным представляется исследование, связанное с идеей пространственной организации интеллекта, высказываемой современными психологами-когнитологами [Величковский 1986, Холодная 2002, Khrennikov 2007], в плане изучения роли антропонимов в формировании личностного ментального пространства. Перспективной темой исследования является также диахронический анализ референтно-однозначных имен с учетом изменения социальных стереотипов их восприятия.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Акинина Н.М. Социальная оценка как компонент значения слова //Известия Гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена, №76-1, 2008.
2. Аксенов С.С. Семантический аспект теории имени собственного. Кривой Рог, 1990. Деп. В ИНИОН РАН. № 42189.
3. Американизмы, отражающие особенности природно-географической среды (фауна) // Иностранные языки в школе. 1981. № 5. С. 82-85.
4. Американцы // Народы мира / Историко-этнографический справочник / Гл. ред. Ю.В. Бромлей. М., 1988. С. 54-56.
5. Андреева Л.Н. Лингвистическая природа и стилистические функции «значащих» имен (антономасии): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1965.
6. Апресян Ю. Д. Коннотация как часть прагматики слова // Апресян Ю. Д. Избранные труды. Том II. Интегральное описание и системная лексикография. М., 1995.
7. Аристов А.Ю. Интерпретация лингвокультурного фона в произведениях англоязычных авторов. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Тольятти, 2008.
8. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка: Стилистика декодирования. Л.: Просвещение, 1973.
9. Арнольд И.В., Шеремет Л.Г. Типы сем и структура лексического значения личных имен // Лексическое значение в системе языка и в тексте. Волгоград, 1985.
10. Артемова А.Ф., Леонович О.А. Прозвища в английском языке // Иностранные языки в школе. 1981. № 6. С. 78-80.
11. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. –М., Наука, 1976.
12. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.
13. Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. XVI. С. 3-42.
14. Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста : антология. М., 1997.
15. Бавдинев Р.Р. Культурная коннотация и паремические единицы. // Вестник КазНУ, филологическая серия , №8, 2005, С. 177-180.
16. Базарская Н.И. Вторичная номинация в системе языковых знаков: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 1988.
17. Балли Ш. Французская стилистика. М.: Иностр. Литература, 1961.
18. Белецкий А.А. Лексикология и теория языкознания (Ономастика). Киев, 1972.
19. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
20. Блинова Ю. А. Прецедентные имена собственные в немецком газетном дискурсе. – Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Самара, 2007
21. Болотов В.И. Актуализация антропонимов в речи: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1971.
22. Болотов В.И. К вопросу о значении имен собственных // Восточнославянская ономастика. М.: Наука, 1973. С. 333-346.
23. Болотов В.И. Множественное число имени собственного и апеллятива // Имя нарицательное и собственное. М.: Наука, 1978. С. 93-106.
24. Болотов В.И. Эмоциональность текста в аспектах языковой и неязыковой вариативности / Основы эмотивной стилистики текста. Ташкент: ФАН, 1981.
25. Бондалетов В.Д. Русская ономастика: Учебное пособие для пед. ин-тов. М.: Просвещение, 1983.

26. Бондалетов В.Д. Социальная лингвистика: Учебное пособие. М.: Просвещение, 1987.
27. Боровикова Н В Особенности референции имени собственного-антропонима во французском языке. - АКД, Санкт-Петербург, 2012
28. Бочкарева И. В. Когнитивные аспекты семантики производных от имен собственных в современном английском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2012.
29. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Знание, 1983.
30. Бромлей Ю.В. Этносоциальные процессы в современном мире: теория, история, современность. М.: Наука, 1987.
31. Буркова Т.А. Функционально-стилистическое варьирование антропонимов в немецком языке. Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – Уфа, 2010.
32. Бурукина О.А. Коннотация как культурная универсалия. // Философия. Язык. Культура. Вып. 2. – С-Пб: Алетейя, 2011. - 325с.
33. Васильева Н. В. Собственное имя в мире текста. – М.: Акад. гуманитар. исслед., 2005. – 224 с.
34. Васинский А. Прощание с иллюзией // Известия. 1991. 5 июля. № 158.
35. Вежбицкая А. Дескрипция и цитация // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. М., 1982. С. 237-262.
36. Величковский Б.М., Блинникова И.К., Лапин. Представление реального и воображаемого пространства// Вопросы психологии, 1986, № 3, с.103 -112.
37. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. М.: Русский язык, 1980.
38. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Русское слово в сознании иностранца // Социально-лингвистические исследования / Под ред. Л.П. Крысина и Д.Н. Шмелева. М., 1976. С. 86-96.
39. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Семантизация культурного компонента языковых единиц в учебных лингвострановедческих словарях // Проблемы учебной лексикографии и обучение лексике: М., 1978.
40. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Состав семейства учебных лингвострановедческих словарей: ономастический словарь // Актуальные проблемы учебной лексикографии. М., 1977.
41. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1976. Изд. 2-е перераб. и доп.
42. Вольф Е.М. О соотношении квалификативной и дескриптивной структур в семантике слова и высказывания // Изв. АН СССР. Сер. Лит. И яз. 1981. Т. 40. № 4. С. 391-397.
43. Вольф Е.М. Оценочное значение и соотношение признаков «хорошо/плохо» // Вопросы языкознания. 1986. № 5.
44. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 2002.
45. Вольф. Е.М. Варьирование в оценочных структурах // Семантическое и формальное варьирование. М., 1979. С. 273-294.
46. Вопросы ономастики № 2, 2005 (ВО). 52-69.
47. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. - 2001. - № 1. - С. 64 - 72.
48. Воркачев С.Г.. Методологические основания лингвоконцептологии. // Теоретическая и прикладная лингвистика. Под ред. В.Б. Кашкина. Вып 3, 2000.

49. Воронцова Ю. Б. Коллективные прозвища в русских говорах. – Автореф. дисс. ... канд. филол. наук.– Екатеринбург, 2002.
50. Воякина Е. Ю. Ономастическая метафора в экономическом дискурсе. – Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Москва, 2011.
51. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. – М.: Международные отношения, 1977.
52. Галиуллина Г. Р. Татарская антропонимия в лингвокультурологическом аспекте. АКД. – Казань, 2009.
53. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1958.
54. Гасимова С. И. Историко-лингвистический анализ татарских прозвищ – Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Казань, 2006.
55. Гачев Г. Национальные образы мира. М.: Прогресс, 1988.
56. Гинзбург Р.С. Экстралингвистическое значение слова в языке, речи и тексте // Актуальные проблемы лексикологии. Новосибирск, 1974.
57. Гладкова А.Н. Лингвокультурологический анализ прозвищных номинаций президентов США. - Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2003.
58. Говердовский В.И. Диалектика коннотации и денотации. Взаимодействие эмоционального и рационального в лексике // Вопросы языкознания. 1985. № 2. С. 71-79.
59. Говердовский В.И. Теоретические и практические аспекты коннотации (морфологический подход): Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук, М., 1990.
60. Гогильчин С.И. Сравнительный анализ концептосфер этнокультур США и Японии в контексте японской экономической экспансии. // Восточноукраинский лингвистический сборник. Вып.13, 2009. С. 276-286.
61. Горбаневский М.В. К проблеме семантики имени собственного // Лингвистическая семантика и логика. Сб. науч. трудов. М.: Изд-во УДН, 1983. С. 68-81.
62. Горбаневский М.В. Ономастика в художественной литературе. М., 1988.
63. Графова Т.А. Роль эмотивной коннотации в семантике слова: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1987.
64. Гриценко Е.С. Коннотация и некоторые другие понятия лингвостилистики // Общая стилистика: теоретические и прикладные аспекты. Калинин, 1990. С. 26-71.
65. Гриценко Е.С. Мелиоративная лексика в английской разговорной речи: Дисс. ... канд. филол. наук. Минск, 1986.
66. Гудков Д.Б. Прецедентные имена и проблемы прецедентности. - М.: Изд-во МГУ, 1999. - 152 с.
67. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 397 с.
68. Гюббенет И.В. К проблеме понимания литературно-художественного текста: (на английском материале). М.: Изд-во МГУ, 1981.
69. Денисова Т. Т. Прозвища как вид антропонимов и их функционирование в современной речевой коммуникации (на материале прозвищ Шумячского и Ершичского районов Смоленской области). – Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Смоленск, 2007.
70. Долинин К.А. Стилистика французского языка: Учебное пособие для студентов фак-тов и пед. ин-тов иностр. языков. Л.: Просвещение, 1978.
71. Дридзе А.Д. Антропонимия в англоязычной Вест-индии: (по материалам Ямайки и Тринидада) // Личные имена в прошлом, настоящем и будущем / Сб. под. ред. В.А. Никонова. М., 1970. С. 283-290.
72. Евграфов О.В. Синтагматические свойства антропонимов, обладающих лексическим фоном. Орел, 1989. Деп. В ИНИОН РАН. № 39223.
73. Ельмслев Л. Можно ли считать, что значения слов образуют структуру? // Новое в лингвистике. Вып. 2. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1962. С. 177-186.

74. Епурь В.Б. Дефиниции имен собственных в англоязычной лексикографии: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Минск, 1988.
75. Ермолович Д.И. Имена собственные: теория и практика межъязыковой передачи. М.: Р.Валент, 2005. – 416 с.
76. Есперсен О. Философия грамматики. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1958.
77. Живоглядов А.А. Семантико-стилистический потенциал английской ономастики: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1987.
78. Зайцева И.П. Стилистические функции имен собственных в поэтическом контексте: (на материале современной поэзии): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1988
79. Залевская А.А. Семантика слова и контекст в психолингвистическом аспекте // Значение и его варьирование в тексте / Сб. науч. трудов. Волгоград, 1987. С. 81-91.
80. Захарова М. А. Семантика и функционирование аллюзивных имен собственных (на материале англоязычных художественных и публицистических текстов). – Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Самара, 2004.
81. Ивин А.А. Аксиология. / Научное издание. М.: Высшая школа, 2006.–390 с.
82. Исмаилов Д. Семантика оценочных антропонимов в современном французском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Киев, 1979.
83. Караваева Т.Л. особенности языка афро-американцев: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Одесса, 1987.
84. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. - Волгоград - Архангельск: Перемена, 1996.
85. Карпухина Н.К. Имена лица с коннотативными компонентами значения в современном английском языке // Системное описание лексики германских языков. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. Вып. 2. С. 54-59.
86. Ковригина И.А. Реалии-американизмы конца XIX в. и проблема их межъязыковой передачи (на материале русских переводов романа Теодора Драйзера «Титан») // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». № 1 / 2012, с. 80-85.
87. Колмакова Н.Л. Семантические и коммуникативно-функциональные особенности собственных имен в современном английском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Киев, 1988.
88. Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова. М.: Изд-во Московского ун-та, 1969.
89. Комлев Н.Г. О культурном компоненте лексического значения слова // Вестник МГУ. М., 1966. № 5. Серия филол. наук. С. 43-50.
90. Кондратьева Т.Н. Семантические свойства собственного имени в фольклоре. Казань, 1987. Деп. В ИНИОН РАН. № 28835.
91. Коровина И.В. Соотношение понятий «знак», «референт», «денотат» и «концепт» как основных элементов референции // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского, 2010, № 4 (1), с. 332– 336.
92. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. - М.: Гнозис, 2002. - 284 с.
93. Кронгауз М.А. «Воплощенное» и «невоплощенное» имя собственное: некоторые аспекты референции // Экспериментальные методы в психолингвистике. М., 1987. С. 118-135.
94. Крысин Л.П. Социolingвистические аспекты изучения современного русского языка. М.: Наука, 1989.
95. Крюков А.Н. Фоновые знания и языковая коммуникация // Этнопсихолингвистика. М.: Наука, 1988. С. 19-34.
96. Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности, М.: Наука, 1986.

97. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
98. Кулигина Т.А. Категория оценки и средства ее выражения в современном немецком языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1985.
99. Лакофф Д. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. Вып. XXIII. С. 12-51.
100. Лакофф Дж. Когнитивное моделирование (Из книги “Женщины, огонь и опасные предметы”/ Язык и интеллект. Сб./Пер. с англ. и нем./Сост. и Я 74 вступ. ст. В.В. Петрова. — М.: Издательская группа “Прогресс”, 1996. — 416 с.
101. Лахно А.В. Имя собственное как объект сопоставительного исследования. Системообразующие свойства имени литературного персонажа в художественном тексте и его перевод. – Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М, 2006.
102. Левицкий В.В. К вопросу о структуре лексического значения // Значение и его варьирование в тексте / Сб. науч. трудов. Волгоград, 1987. С. 36-46.
103. Левицкий В.В., Стернин И.А. Экспериментальные методы в семасиологии. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989.
104. Леонович О.А. В мире английских имен. - М.: ООО "Издательство Астрель", 2002. - 160 с.
105. Леонович О.А. Очерки английской ономастики: Учебное пособие. Пятигорск, 1990.
106. Леонтович О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного бытия. / М.: Гнозис, 2005. -352 с.
107. Лиховидова Т.В. Фразеологические единицы с именами собственными в английском языке // Иностранные языки в школе. 1971. № 6. С. 22-26.
108. Магазаник Э.Б. Поэтика имен собственных в русской классической литературе. Имя и подтекст: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Самарканд, 1967.
109. Магазаник Э.В. Ономапоэтика, или «говорящие имена» в литературе. Ташкент: ФАН, 1978.
110. Макеева. Язык, онтология и реализм. // Москва: Издательский дом Высшая школа экономики, 2011.
111. Мамаева А.Г. Лингвистическая природа и стилистические функции аллюзии: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1977.
112. Маркелова Т.В. Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – М.: 1996.
113. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. - М., 2001.
114. Матвеев, А.К. Ономастика и ономатология: терминологический этюд // Вопросы ономастики. - № 2, 2005. С.5 -10.- Екатеринбург: Изд. Уральского ун-та, 2005.
115. Маюрова Ж.Д. Сложные прозвища у бурят: структура и семантика: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2001.
116. Михайлов В.Н. Вопросы изучения ономастической лексики в цикле филологических дисциплин // Русский язык в школе. 1982. № 5. С. 81-83.
117. Михайловская В.Н. Некоторые средства выражения эмоциональности в современном английском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1966.
118. Михайловская Н.Г. Об употреблении собственных иноязычных имен в современной русской поэзии // Имя нарицательное и собственное. М., 1978. С. 180-188.
119. Молчанова А.Н. О соотношении внешних и внутренних факторов, влияющих на процесс вторичной образной номинации: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1981.

120. Моль А. Социодинамика культуры. М.: Прогресс, 1973.
121. Муравлева Н.В. Апеллятивация имен собственных и фоновые коннотации // Коннотативные аспекты семантики в немецкой лексике и фразеологии. Калинин, 1987. С. 75-78.
122. Наумова Т.М. Аллюзивные антропонимы в британской концептосфере. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Н.Новгород, 2011.
123. Нахимова Е.А. Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования. - Екатеринбург, 2011.
124. Ненашева Т.А. Семантические особенности американских оценочных антропонимов // Проблемы лексической семантики и номинации: Межвуз. сб. науч. тр. - Н. Новгород: НГПИИЯ, 1993. - С. 29-37.
125. Ненашева Т.А. Коллоквиальные характеристики американских прозвищ // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи: Материалы и тезисы межвуз. науч. конференции. Нижний Новгород: НГПИИЯ, 1994.
126. Ненашева Т.А. Особенности коннотации в семантике антропонима // Материалы международной научной конференции «Владимир Даль и современная филология». - Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2001. - Т. 1. С.188-192.
127. Ненашева Т.А. Аллюзия как средство расширения смысла // Сборник статей по материалам межвузовской научно-методической конференции «Язык в системе мультикультурного общества». - Нижний Новгород: НФ ГУ ВШЭ 2003, С.116-121.
128. Никитин М.В. Лексическое значение слова. М.: Высшая школа, 1983.
129. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. М.: Высшая школа, 1988.
130. Никифоров А.Л. Знание и реальность // Институт философии Российской Академии Наук. Заседание 15, 22 марта 2012 г.
131. Никонов В.А. Имя и общество. М., 1974.
132. Никонов В.А. Личное имя - социальный знак // Советская этнография. 1967. № 5. С. 160.
133. Новикова Э. Ю. Лингвопрагматические средства создания современного политического образа России в прессе Германии. - Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003.
134. Павлова Н.М. Эмоциональное значение в лексикографическом отражении (на материале английского языка): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1971.
135. Пазыч Н.В. Средства языковой номинации отрицательной оценки в современном английском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Киев, 1986.
136. Патнэм У. Значение и референция // Новое в зарубежной лингвистике. 1982. Вып. XIII. С. 377-391.
137. Перкас С.В. О взаимосвязи между собственными и нарицательными именами в английском языке // Иностранные языки в школе. 1975. №2. С.77-81.
138. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. - М.: АСТ: Восток-Запад, 2010. - 314 с.
139. Пименова М. В. Предисловие. / Введение в когнитивную лингвистику. Под ред. М. В.Пименовой. Вып.4. - Кемерово, 2004. -208 с.
140. Попова З.Д., Стернин И.А. Лексическая система языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984.
141. Потемня А.А. Символ и миф в народной культуре: Собр. тр. / Посл. и коммент. А.Л.Топоркова. - М.: Лабиринт, 2000. - 479 с.

142. Рассел Б. Описание // Новое в зарубежной лингвистике. М. 1982. Вып. XIII. С. 41-51.
143. Ревзина О.Г. О понятии коннотации//Языковая система и ее развитие во времени и пространстве. – М.: Изд-во МГУ, 2001, с. 436-446.
144. Ретунская М.С. Взаимосвязь стилистического и аксиологического параметров слова // Вестник Харьковского ун-та. Харьков, 1988. С. 82-86.
145. Ретунская М.С. Оценочный потенциал словосочетаний «прилагательное + существительное» // Семантико-синтаксическая структура словосочетания и предложения. Горький, 1988. С. 98-104.
146. Ретунская М.С. Тематические группы социально-маркированной лексики в английском языке// Язык и общество / Межвузовский науч. сб. Саратов, 1989. С. 22-32.
147. Ризель Э.Г. Стилистическое значение и коннотация // Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореца, 1980. Вып. 158.
148. Руденко Д.И. Имя в парадигмах философии языка. Харьков: Основа, 1990.
149. Руденко Д.И. Собственные имена в контексте современных теорий референции // Вопросы языкознания. 1988. № 3. С. 55-68.
150. Сапожникова Л.М. Культурный компонент лексического значения собственных имен и их адъективных дериватов // Лексика и культура. Тверь, 1990. С. 86-91.
151. Сапожникова Л.М. Семантика референциально однозначных СИ и их адъективных дериватов // Коннотативные аспекты семантики в немецкой лексике и фразеологии. Калинин, 1987. С. 103-113.
152. Сивцова А.А. Имена собственные в лирике Н. И. Рыленкова.): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Калининград, 2008.
153. Скребнев Ю.М. Введение в коллоквиалистику. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1985.
154. Скребнев Ю.М. Очерк теории стилистики: Учебное пособие для студентов и аспирантов филологических специальностей. Горький: ГГПИИЯ, 1975.
155. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе.-М.: Academia, 2000.- 128 с.
156. Соколова О.И. Личное имя собственное как прецедентный феномен //Международный научно-практический (электронный) журнал «INTER-CULTUR@L-NET», вып.5, 2006.
157. Соловьева М.А. Роль аллюзивного антропонима в создании вертикального антропонима в создании вертикального контекста: на материале романов А.Мердок и их русских переводов. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. - Екатеринбург, 2004.
158. Спиридовский В. Антропонимы американских президентов и их функционирование в политическом дискурсе //Language, CommunicationandSocialEnvironment.Язык, коммуникация и социальная среда. Выпуск 4. - Воронеж: ВГУ, 2006.
159. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985.
160. Стернин И.А. К проблеме системной связи в структуре языка. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1973.
161. Стернин И.А. Национально-культурные компоненты в структуре значения слова // Лингвострановедческий аспект в преподавании русского языка как иностранного / Под ред. А.И. Попова. Воронеж, 1984. С. 140-145.
162. Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова // Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1979.
163. Стросон П.Ф. О референции // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. XIII. С. 55-86.

164. Суперанская А.В. Апеллятив - онома // Имя нарицательное и собственное. М., 1978. С. 5-33.
165. Суперанская А.В. Имя и эпоха // Историческая ономастика. М., 1977. С. 7-27.
166. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973.
167. Суперанская А.В. Теоретические проблемы ономастики: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Л., 1974.
168. Суперанская А.В. Языковые и внеязыковые ассоциации собственных имен // Антропонимика. М.: Наука, 1970. С. 7-16.
169. Телень Э.Ф. Социальная мимикрия буржуазных массовых газет Великобритании. М.: Изд-во МГУ, 1970.
170. Телия В.Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация. Виды наименований. М., 1977. С. 129-221.
171. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.
172. Телия В.Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. М.: Наука, 1981.
173. Телия В.Н. Экспрессивность // Русский язык. Энциклопедия / Под ред. Ю.Н. Караулова. – М.: 2003.
174. Теория и методика ономастических исследований / Отв. ред. А.П. Неподкупный. М.: Наука, 1986.
175. Томахин Г.Д. Америка через американизмы. М.; Высшая школа, 1982.
176. Томахин Г.Д. Лексика с культурным компонентом значения // Иностранные языки в школе. 1980. № 6. С. 47-50.
177. Томахин Г.Д. Реалии в культуре и языке // Иностранные языки в школе. 1981. № 1. С. 64-69.
178. Томахин Г.Д. Реалии-американизмы. - М.: Высшая школа, 1988.
179. Томахин Г.Д. Теоретические основы лингвострановедения (на материале лексических американизмов английского языка): Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 1984.
180. Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка. М.: Наука, 1968.
181. Федорова М.В., Черных Н.П. Прозвища-социали // Материалы по русско-славянскому языкознанию. – Воронеж, 1979, с 133-145.
182. Филатова И.Н. Имена собственные англоязычных политических лидеров как средство оценки. // Вестник ВГУ, серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2010, № 2, с. 80-83.
183. Фонякова О.И. Имя собственное в художественном тексте: Учебное пособие. Л., 1990.
184. Фреге Г. Функция и понятие. / Логика и логическая семантика. М., 2000.
185. Фрумкина Р.М. Культурологическая семантика в ракурсе эпистемологии // Известия АН. Сер. литературы и языка. -1999. – Т. 58. - № 1. - С. 3 – 10.
186. Хидекель С.С., Кошель Г.Г. Оценочный компонент лексического значения слова // Иностранные языки в школе. 1981. № 4. С. 7-10.
187. Хидекель С.С., Кошель Г.Г. Природа и характер языковых оценок // Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1983. С. 11-16.
188. Холодная М.А. Психология интеллекта: Парадоксы исследования. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Питер, 2002.
189. Христенко И.С. К истории термина аллюзия // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. - 1992. - № 4. - С. 38 – 44.
190. Хэар Р.М. Дескрипция и оценка // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. XVI. С. 183-195.

191. Цепкова А.В. Национально-культурная специфика английских и американских прозвищ. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук, Новосибирск, 2011.
192. Шаховский В.И. К типологии коннотаций // Аспекты лексического значения. Воронеж, 1982.
193. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987.
194. Шаховский В.И. Некоторые способы выражения эмотивно-субъективной оценки в сфере имен существительных современного английского языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1969.
195. Шаховский В.И. Отражение эмоций в семантике слова // Изв. АН СССР. 1987. Т. 46. Сер. лит-ры и языка. № 3. С. 237-240.
196. Шварцкопф В.С. О социальных и эстетических оценках личных имен // Ономастика и норма. М.: Наука, 1976. С. 47-59.
197. Шеремет Л.Г. Значение и стилистический потенциал английских имен собственных (именования людей): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1984.
198. Шостка Е. С. Прозвища Тамбовской области: языковой и социокультурный аспект. – Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2009.
199. Шпар Т. В. Прозвищные антропонимические номинации в социолингвистическом аспекте (на материале немецкого языка). – Дисс. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2012.
200. Шумагер Е.И. Слова-этнореалии в составе лексики современного немецкого языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Калинин, 1986.
201. Щербак А. С. Когнитивные основы региональной ономастики. – Автореф. дисс. ... д-ра. филол. наук.– Тамбов, 2008.
202. Этнические процессы в современном мире / Отв. ред. Ю.В. Бромлей. М., 1987.
203. (ЯКМ) Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / Отв. ред. В.А. Серебренников. М.: Наука, 1988.
204. Ягубова, М.А. Лексико-семантическое поле «оценка» в русской разговорной речи. Саратов, 1992.
205. Algeo J. and Algeo A. Bible Belt Onomastics Revisited // Names. 1983. Vol. 31. № 2. P. 103-116.
206. Algeo J. Is a Theory of Names Possible? // Names. - 1985. - Vol. 33. - Я 3» - P. 136-144.
207. Algeo J. On Defining the Proper Name. Gainesville: Univ. of Florida Press, 1973.
208. Ashsley L.R. What's in a name? Baltimore, 1969.
209. Austin D.F. Plantinga's Theory of Proper Names // Notre Dame Journal of Formal Loigic, Vol 24, № 16 1983, p 115.
210. Buckner E.D.. The Logic Museum. Connotation – <http://www.logicmuseum.com/connotation/nominaldefinitions.htm/> Copyright 2006.
211. Bolinger D. Meaning and Form. London; New York, 1977.
212. Castaneda H-N. Identity and Sameness // Philosophia № 5, p 121-150, 1975.
213. Clausner T.C., Croft W. Domains and image schemes // Cognitive Linguistics 10-1, 1999, 1-3.
214. Dalberg V. On Homonymy between Proper Name and Appellative // Names. 1985. Vol. 33. № 3. P. 127-135.
215. Davidson J.W., Batchelor J.E. The American Nation/ New Jersey, 1989.
216. Dillard J.L. Black English. New York: Random House, 1972.
217. Dillard J.L. Black Names. Contributions to the Sociology of Language. The Hague: Mouton, 1976.

218. Drobizheva L.M. Historical theory and National Self-Awareness (12th International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences: Zagreb, Yugoslavia, July 24-21, 1988). Moscow: Nauka, 1988.
219. Dunkling L.A. First Names First. New York, 1962.
220. Evans V. Lexical concepts, cognitive models and meaning-construction. //Cognitive Linguistics 17 – 4, 2006, 491-534.
221. Enninger W. Amish By-Names // Names. 1985. Vol. 33. № 3. P. 243-258.
222. Frege G. "On Sense and Meaning," in Translations from the Philosophical Writings of Gottlob Frege, 3d ed., ed. Peter Geach and Max Black (Totowa, NJ: Rowman & Littlefield, 1980).
223. Gardiner A.H. The Theory of Proper Names. A Controversial essay. Second edition. – London, Oxford University Press, New York, Toronto, 1954.
224. Gilmore D.D. Some Notes on Community Nicknaming in Spain // Man. 1982. № 17. P. 686-700.
225. Glenn E.S. Meaning and Behaviour: Communication and Culture // Journal of Communication. 1966. № 16. P. 248-272.
226. Hague J.A. American Character and Culture in a Changing World. Westport, London, 1979.
227. Hale C.S. Modern Icelandic Personal Bynames // Scandinavian Studies. 1981. № 53. P. 115-146.
228. Holland T.J. The Many Faces of Nicknames // Names. 1990. Vol. 38. № 4. P. 255-272.
229. Jespersen O. Language, it's Nature, Development and Origin. London, 1922.
230. Katz J. A Proper Theory of Names // Philosophical Studies. 1977. Vol. 31. № 1.
231. Khrennikov A. Toward an adequate mathematical model of mental space: conscious/unconscious dynamics on *m*-adic trees. Материалы конференции «Нейроинформатика», 2007.
232. Klotz G. America, Un-America and a Mental Survival Kit: Changing Concepts of Life // The Origins and Originality of American Culture. Budapest, 1984. .P. 287-294.
233. Kripke S. Naming and Necessity. Cambridge, Harvard University Press, 1972.
234. Lado R. Linguistics Across Cultures. Michigan, 1951.
235. Langedonck W.V. Pragmatics and Iconicity as Factors Explaining the Paradox of - Quantified Proper Names // Names. 1985. Vol. 33. № 3. P. 119-126.
236. Langedonck W.V. Theory and Typology of Proper Names. Hague:Mouton de Gruyter, 2007. - 378 p.
237. Lawson E.D. Social Science Contributions to Names // Names. 1983. Vol. 31.№ 4. P. 235-338.
238. Lawson E.D., Roeder L.M. Women's Full First Names, Short Names and Affectionate Names: a Semantic Differential Analysis //Names. 1986. Vol. 34. № 2. P. 175-184.
239. Leslie P.L., Skipper J.K. Toward a Theory of Nicknames: a Case for Socio-Onomastics // Names. 1990. Vol. 38. № 4. P. 273-282.
240. Linsky L. Reference and Referents // Philosophy and Ordinary Language / Ed. by C.E. Caton. Urbana: University of Illinois Press, 1963. P. 74-89.
241. Maurer D.W., Futrell A.W. Criminal Monickers // American Speech. 1982. № 57. P. 243-255.
242. Mencken H.L. The American Language. New York: Alfred A. Knopf, 1948.
243. Metcalf A.A. Reason for Reagan // Names. 1985. Vol. 33. № 4. P. 259-267.
244. Morgan J., O'Neill C., Harre R. Nicknames: Their Origins and Social Consequences. London, 1979.
245. Nicolaisen W.F. What Crisis in Onomastics? // Names. 1984. Vol. 32. № 1. P. 14-25.

246. Nostrand H.L. Authentic Texts and Cultural Authenticity: An Editorial. //The Modern Language Journal, vol.73, issue 1, p 49-52, 1989.
247. Osgood C.E., Suci G.J., Tannenbaum P.H. The Measurement of "Meaning". Urbana, etc.: Univ. of Illinois Press, 1957.
248. Pietarinen A-V. Peirce's Pragmatic Theory of Proper Names // Transactions of the Charles S. Peirce Society, 46, 341-363, 2010.
249. Palmer F.R. Semantics: A new outline. Moscow, 1982.
250. Pamp B. Ten Theses on Proper Names // Names. 1985. Vol. 33. № 3. P. 111-118.
251. Payton R.L. et al. A Melting Pot or a Nation of Minorities. Dallas: The Univ. of Texas, 1986.
252. Pyles T. Bible Belt Onomastics or Some Curiosities of Anti-Pedobaptist Nomenclature // Names. 1955. Vol. 7. № 2. P. 99.
253. Ron A. How Famous Nicknames were Born // New York Times. 1965. July 6. P. 10.
254. Schwarz D.S. Naming and referring: the semantics and pragmatics of singular terms. New York, 1979.
255. Searle J. Proper Names. 1958.
256. Shankle G.E. American Nicknames, their Origin and Significance. Preface to the First Edition. New York, 1955.
257. Shestakov V.P. American Dream and American Culture // The Origins and Originality of American Culture / Ed. by T. Frank. Budapest, 1984. P. 583-590.
258. Sifakis C. The Dictionary of Historic Nicknames. Introduction. New York, 1984.
259. Skipper J.K. and Leslie P.L. Women, Nicknames and Blue Singers // Names. 1988. Vol. 36. № 3-4. P. 193-202.
260. Skipper J.K. Baseball Players Nicknames // Names. 1990. Vol. 38. № 1-2. P. 1-20.
261. Skipper J.K. Nicknames, Coal Miners and Group Solidarity // Names. 1986. Vol. 34. № 2. P. 134-145.
262. Skipper J.K. Placenames Used as Nicknames: A Study of Major League Baseball Players // Names. 1990. Vol. 38. № 1. P. 2-20.
263. Smith E.C. The Story of Our Names. - New York, 1950.
264. Stevenson L. Babbitts and Bohemians. The American 1920-s. New York, London, 1967.
265. Viragos Z. Cultural Myths "Made in USA" // The Origins and Originality of American Culture. Budapest, 1984. P. 573-581.
266. Wilson B.S., Skipper J.K. Nicknames and Women Professional Players // Names. 1990. Vol. 38. № 4. P. 305-322.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ СЛОВАРИ

267. Большой англо-русский словарь / Под общ. ред. И.Р. Гальперина (БАРС). - 4-е изд., испр., и доп. - 1988 . М.: Русский язык, Т. 1-2.
268. Большой словарь русских прозвищ (БСПП) Сост. Вальтер Х., Мокиенко В.М.– М: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 704 с.
269. Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия (БЭС) / Гл. науч. ред. и сост. С.Ю. Солодовников. Минск.: МФЦП, 2002. 1008 с.
270. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.И. Ярцева (ЛЭС). М.: Советская энциклопедия, 1990.
271. Словарь английских личных имен. /Сост. Рыбакин А.И. - М: Издательство Астрель, 2001.
272. Словарь лингвистических терминов (СЛТ). Сост. Ахманова О.С. - М: Изд.

- Либроком, 2010. – 576 с.
273. Словарь русской ономастической терминологии. /Сост. Подольская Н.В. -М.: Наука, 1978.
 274. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – М.Ж «Флинта», «Наука/ Под ред. М. Н. Кожинной, 2003.
 275. США. Лингвострановедческий словарь. / Сост. Томахин Г.Д. - М: Русский язык, 2001.
 276. Толковый словарь русского языка. (ТСРЯ) Сост. Ожегов С.И. - М.: Мир и образование, 2008. – 736 с.
 277. A Dictionary of Catch Phrases: British and American, from the Sixteenth Century to the Present Day /by Partridge E. 2nd ed. - London: Routledge & Kegan Paul, 1986.
 278. A Dictionary of Names, Nicknames and Surnames of persons, places and things / Ed. by E. Latham. London; New York, 1904. Republished by Gale Research Company; Book Tower, Detroit, 1966.
 279. A Dictionary of Nicknames /by Franklyn J.A. - New York, 1963.
 280. A Pronouncing Dictionary of Proper Nouns / Omnigraphics, 2nd edition, 1997.- www.rong-chang.com/namesdict/
 281. Allusions - Cultural, Literary, Biblical and Historical: A Thematic Dictionary/ by Urdang L., Ruffner F.G. Detroit, Michigan, 1986.
 282. American Heritage Dictionary of the English Language (AHD) / Ed. by W. Morris
 283. American Nicknames, Their Origin and Significance by Shankle G.E. 2nd ed. - New York, 1955.
 284. A Dictionary of Eponyms / by Beeching C.L. 3rd ed. Oxford; New York.: Oxford Univ. Press, 1990.
 285. Black Slang: A Dictionary of Afro-American Talk /by Major C. - London, Routledge & Kegan Paul, 1971.
 286. Dictionary of American English on historical principle /by Craigie W., Hulbert J.R. 1-4 Vol. Chicago, 1968.
 287. Dictionary of American Regional English by Cassidy F.G. Cambridge, Mass.: The Belknap. Press of Harvard Univ. Press, & London, England. 1985.
 288. Encyclopedia Americana. International edition. Complete in 30 vol. Danburg, Connecticut: Grolier Inc. 1987.
 289. Flexner S.B. I hear America talking: An illustrated treasury of American words and phrases. New York: Van Nostrand, 1976.
 290. Oxford Guide to British and American Culture (OGBAG). - Oxford: Oxford University Press, 2003.
 291. Pseudonyms and nicknames / Ed. by J. Mossman. 2nd ed. Detroit: Gale Research, 1980.
 292. The Dictionary of Historic Nicknames by Sifakis C.- New York: Facts on File Publications, 1984.
 293. The Facts on File Encyclopedia of word and phrase origins / Ed. by R. Hendrickson. New York, Oxford, 1987.
 294. The Large Print American Heritage Dictionary. Boston, New York: Houghton Mifflin Company, revised edition. 2007.
 295. Twentieth Century American Nicknames / Ed. by L. Urdang. New York: H.W. Wilson Company, 1979. Webster's Dictionary of Proper Names / Ed. by J. Payton. Springfield, M.A.: G & C. Merriam, 1970.
 296. Webster's Third New International Dictionary, unabridged./ ed. by Philip Babcock Gove. Merriam-Webster, 2002.

Приложения

Приложение 1

Список прозвищных имен известных американских эпонимов

Президенты

Adams, John	The Father of American Independence, Duke of Braintree , The Colossus of American Independence (прозвище было дано Томасом Джефферсоном за роль в руководстве Конгрессом), The Colossus of Debate, His Rotundity, Old Sink or Swim (в своей речи он как-то произнес: "To sink or swim; to live or die; survive or perish with my country.")
Adams, John Q.	Old Man Eloquent , The Abolitionist (Адамс был известен как борец против рабства, в частности, был защитником в знаменитом судебном деле Amistad о восставших африканцах, которые были признаны судом свободными гражданами)
Arthur, Chester Alan	Prince Arthur, His Accidency, The First Gentleman of the Land, Arthur the Gentleman, Dude President
Buchanan, James	The Bachelor President
Buren, Martin Van	The Little Magician (Ван Бюрен был известен своими дипломатическими качествами, был маленького роста), Whisky Van, The Panic of 1837, Petticoat Pet, Old Kinderhook (по названию деревушки, где он родился), Mistletoe Politician, Martin van Ruin (его президентский срок пришелся на период экономической депрессии и политические оппоненты ставили ему это в вину), The American Talleyrand, The Careful Dutchman (он был голландцем по происхождению), The Enchanter, The Great Manager, The Master Spirit

Bush, George H.W.	Papa Bush
Carter, James	Hot, Hot Spot, The Peanut Politician
Coolidge, Calvin	Silent Cal
Cleveland, Grover	The Stuffed Prophet, The Elephantine Economist (Кливленд отличался тучностью), Uncle Jumbo, His Obstinacy (он наложил вето на большее количество законопроектов, чем все президенты до него, вместе взятые)
Clinton, William J.	Bubba, Slick Willie (slick – a) <i>amer.</i> приятный, симпатичный, b) хитрый, ловкий), The Comeback Kid, The First Black President.
Eisenhower, Dwight David	Ike, Ugly Ike
Garfield, James Abram	Boatman Jim (в юности Гарфилд работал на каналах Огайо)
Grant, Ulysses Simpson	United States Grant, The Great Hammerer, The Hero of Fort Donelson, The Unconditional Surrender Grant (намек на бескомпромиссное требование безоговорочной капитуляции в битве при форте Донелсон, которая сделала Гранта героем), The Hero of Appomatox, Uncle Sam, Butcher Grant, Useless Grant, The American Caesar
Harrison, William Henry	Log Cabin Harrison, Old Tip, Типпесаное, Old Типпесаное (указание на победу в битве при Типпеканозе, Washington of the West, General Mum (от выражения "keep it mum", из-за стремления У. Харрисона избегать спорных вопросов во время президентской кампании).

Harrison, Benjamin	The Front Porch Campaigner (во время президентской кампании Б. Харрисон произнес около 90 речей с крыльца своего дома в Индианаполисе), The Human Iceberg (в повседневном общении отличался холодностью и отстраненностью).
Hayes, Rutherford B.	Rutherfraud, HisFraudulency (после спорных результатов выборов 1876 г многие представители демократической партии не считали его легитимным президентом)
Hoover, Herbert Clark	The Chief , The Great Engineer (Гувер был горным инженером по профессии), The Great Humanitarian (это прозвище относится к 1921 году, когда благотворительная организация АРА под руководством Гувера, оказывала продовольственную помощь миллионам людей в России во время голода 1921-23 гг)
Jackson, Andrew	the Old Hickory (солдаты А. Джексона называли его "tough as old hickory", Soldier President, Sharp Knife, The Hero of New Orleans (за победу в битве при Орлеане)
Jefferson, Thomas	The Philosopher of Democracy, The Sage of Monticello, The Apostle of Liberty, The Pen of the Revolution, Long Tom, Oliver Cromwell
Johnson, Andrew	TheTennesseeTailor (в молодости он жил в штате Теннесси и работал портным. Говорят, что даже будучи президентом, он сам шил себе одежду).
Johnson, Lyndon B.	Landslide Lyndon (landslide – полная победа на выборах; прозвище появилось, когда Джонсон прошел

	<p>в сенат по результатам весьма неоднозначных выборов 1949 г.; в 1964 г он одержал убедительную победу на президентских выборах), Light-Bulb Lyndon (Джонсон не любил тратить зря электричество и часто выражал недовольство по поводу чрезмерного освещения Белого Дома)</p>
Kennedy, John Fitzgerald	<p>Jack Crash Kennedy (прозвище времен II мировой войны), JFK, John-John's Father: Killed!</p>
Lincoln, Abraham	<p>Honest Abe, Old Honest Abe, Old Abe, Uncle Abe (за доброжелательность и добродушие), Father Abraham, The Rail Splitter, The Great Emancipator, The Buffoon, The Baboon, Caesar, The Jester, Massa Linkum, The Tyrant, The Filthy Story-Teller, Despot, Liar, Braggart, Usurper, The Old Scoundrel, Thief, Ignoramus, Monster, Perjurer, Robber, Swindler, Field-Butcher, Land-Pirate, Spot Lincoln, The Martyr President, Associnated Leader, The Ancient One (за мудрость - "ancient wisdom"), The Tycoon</p>
Madison, James	<p>Little Jemmy, His Little Majesty (Мэдисон был маленького роста), Father of the Constitution</p>
Monroe, James	<p>The Era of Good Feelings President ("The Era of Good Feelings" – такое название получил период после войны 1812 г, когда США были охвачены стремлением к политическому единению. Этот период тесно связан в сознании американцев с именем Монро), The Last Cocked Hat (a cocked hat – шляпа-треуголка; президент предпочитал старомодный стиль 18 века)</p>
Nixon, Richard	<p>Tricky Dickie</p>

Obama, Barak	No Drama Obama, Foodstamp President, Obamanation, Barack America, Barrack The Wealth Spreader, Barry O Bombers, Waffles The Clown, The Fresh Prince of Bill Ayers, Captain of the US Titanic Spending
Pierce, Franklin	Young Hickory of the Granite Hills (за военные подвиги в мексикано-американской войне , "The Granite Hills" – прозвище его родного штата Нью-Хэмпшир), Handsome Frank
Polk, JamesK.	Napoleon of the Stump (за ораторские качества, проявленные в избирательной кампании: a stump speech – предвыборная речь), Young Hickory(он был протеже Э. Джексона - "Old Hickory")
Reygan, Ronald	The Most Happy Fellow
Roosevelt, Franklin Delano	The Hero of San Juan Hill (Еще будучи полковником и участвуя в испано-американской войне 1898 года Рузвельт отличился в битве при Сантьяго-де Куба, взяв высоту Сан-Хуан) , Teddy, The Trust Buster (Рузвельт был инициатором раздроблении бизнес-групп и холдинговых компаний, внеся в 1935 году в законодательство изменения, касающиеся корпоративного налогообложения, Famous Democratic Ruler.
Tyler, John	His Accidency (он был первым президентом, кто занял этот пост по причине смерти своего предшественника).

Taylor, Zachary	Old Rough and Ready
Reagan, Ronald	The Great Communicator, The Gipper (Рейган снимался в кино в роли Джорджа Гиппа - "The Gipper" в фильме "Кнут Рокни – типичный американец")
Roosevelt, Theodore	Bull Moose, Sage of Princeton, Theodor the Meddler, Telescope Teddy, The Trust-buster, The Happy Warrior, The Rough Rider, That Damned Cowboy, Harounal-Roosevelt, Patron Saint of Dry Sundays, King Roosevelt I
Washington, George	The Great Warrior, The Father of His Country, The Deliverer of America, The Sword of the revolution, The Atlas of America, The Savior of His Country, The Old Box, The American Fabius, The Cincinnatus of the West, The American Cincinnatus, The Stepfather of His Country

Сенаторы, другие политические деятели

Adams, Samuel	The Last of the Puritans, The Father of America
Agnew, Spiro T.	The White Knight, Spiro T. Eggplant, Nixon's Nixon
Allen, John	Private John

Allen, William F.	Love-Bird Allen
Allen, William	Earthquake Alien, Ohio Gong, Fog Horn, Petticoat Alien
Anderson, John	Airplane Ears
Ashurst, Henry	The Cowboy Senator
Austin, Steven	Father of Texas
Baker, Alpius	Silver-Tongued Orator of the South
Baker, George	Father Divine
Bankhead, William	Tallulah's Papa
Banks, Nataniel	The Bobbin Boy
Barnum, William	Seven Mules Barnum
Benton, John	Old Billion
Bird, Harry	Mr. Economy
Bryan, William	The Boy Orator of the Platte
Calhoun, John	The Warhawk, The Napoleon of Slavery, The Great Nullifier

Clay, Henry	The Second Washington, Harry of the West, The Apostle of Liberty, Mill-Boy of the Slashes, The Great Commoner, The Great Pacificator, Old Chief
Corvin, Thomas	The Wagon Boy
Cox, Samuel	Sunset Cox
Dickinson, John	The Pennsylvania Farmer
Hamilton, Alexander	The King of the Feds, The Father of the Tariff, Alexander of Coppersmith, The Little Lion, The Adulterer
King, Martin Luther	Little Mike
Kissinger, Henry	Superhenry, The Sammy Glick of the Cold War, Kissinger the Kike, Superkraut
Millburn, William	The Blind Preacher
Steven, Tadeush	The Great Commoner
Stuyvesant, Peter	Wooden Leg Stuyvesant
Webster, Daniel	The Defender of the Union, The New England Cicero, The God Like, A Traitor to Freedom, Black Dan, The Expounder of the Constitution
Wineberger, Caspar	Cap-Knife

Бизнесмены

Abplanalp, Robert	The Aerosol King, Tpe President's Other Friend
Carnegie, Andrew	The Steel King, The Prince of Peace
Hammer, Armand	The Salesman Deluxe, The Russian Connection
Morgan, John	The Great Khan of Wall Street
Rockefeller, John	God-gave-me-my-money Rockefeller
Todd, Michael	The Cut-Rate Showman, The Heir to Barnum's Mantle, The New Ziegfeld, The Nazim to Necromantic Nudity, America's Greatest Showman
Turner, Ted	Terrible Ted, The Mouth of the South, The Capsize Kid, Captain Outrageous
Vanderbilt, Cornelius	The Commodore
Wilson, Charles	The Father of the Modern Innkeeping Industry

Писатели, поэты

Barton, Brus (1586 -)	Advertiser, The Advertising King
Blackwood, William	Ebony
Bryant, William C.	The Father of American Poets, The American Wordsworth

Cain, James M.	The Poet of the Potboiler
Douglas, Frederic	The Sage of Anacostia
Emerson, Ralph	The Sage of Concord, The American Montaigne
Faulkner, William	The American Balzac
Franklin, Benjamin (1706-1790)	Poor Richard, The Father of the Continental Congress, The Father of the Stove, The American Socrates, The America's Newton, Jolly Imbiber
Griffith, David	The American Shakespeare
Irving, Washington (1783-1859)	The Addisonian, The American Goldsmith, The Father of American literature
London, Jack	The American Kipling
Mankiewicz, Joe	Monkeybitch
O. Henry	The American Maupassant
Poe, Edgar A.	Early American Poet
Webster, Noy	The Schoolmaster of the Republic
Altman, Walt	The Good Gray Poet
Cooper, James Fenimore	The American Scott

Актеры

Ayres, Agnes	Henry Girl
Bara, Teda	The Queen of the Vapires, The Original Glamour Girl
Barry, Wesley	Freckles
Barrymore, John	The Great Profile
Bogart, Humphry	Whiskey Straight, Bogie
Boy, Clara	The It Girl
Chaplin, Charles	The little Tramp, a Twentieth Century Moses
Cooper, Gary	The It Boy
Don Amesh	The Inventor of the Telephone
Fonda, Jane	Hanoi Jane, Mr. Fonda's Baby Jane, The Non-Stop Activist
Ford, Harrison	Indiana Johns
Hepbern, Catherine	The Film Queen
Hoffman, Dustin	The Little Big Man
Kelly, Grace	The Ice Princess
Pickford, Mary	America's Sweetheart Emeritus, America's Sweetheart

Remick, Lee	America's Answer to Brigitte Bardot
Velez, Lupe	The Mexican Spitfire, Firecracker
Young, Loretta	The Steel Butterfly, Gretch the Wretch

Певцы, музыканты

Armstrong, Lois	Satchmo (от "Satchelmouth")
Bascomb, Wilbur O.	Dud Bascomb
Cooper, Alice	Mr. America, Schlock Rock's Godzilla, The Queen of Rock'n'Rouge
Crosby, Harry L.	Bing, The Groaner
Dylan, Bob	The Radical Prophet of American Youth
Ellington, Edward	Duke
Parker, Charles	Bird, Yardbird
Presley, .Elvis	The King, The Father of Rock'n'Roll, Elvis the Pelvis
Sinatra, Frank	The Pope, The Chairman of the Board, The Leader of the Rat Rock, The Voice, Ol(e) Blue Eyes
Waller, John	Fats

Теле- и радиоведущие

Allen, Fred	The King of the Quip-Quip
Antony, John	Mr. Agony
Carson, John	The Prince of Darkness
Cavett, Richard	The Happy Talker
Cronkite, Walter L.	Uncle Walter
Gleason, Jackie	Mr. Saturday Night
Hitter, Gabriel	The Good News Tonight Man, The Voice of the Doom
Kaufman, Murray	Murray the K, The Fifth Beetle, The Gertrude Stein of the Musical Underground
Obry, James T.	The Smiling Cobra

Преступники

Aiuppa, Joseph J.	Joe Ha-Ha
Al Capone	Scarface
Amberg, Louis	Pretty
Anastasia, Albert	The Lord High Ebecutioneer of Murder, Inc.
Arndstein, Julio A.	Nickelplate

Bass, Sam	The Robin Hood of Texas, The Good Badman
Buchalter, Louis	Louis Lepke
Coppola, Michael	Trigger Mike
Curry, George	George Parrot
Costello, Frank	The Prime Minister of the Underworld
Hickok, James B.	Wild Bill Hickok, Duck Bill
Leslie, George	The King of the Bank Robbers
Luciano, Charles	Lucky
Luchese, Thomas	Three Finger Brown
Mahaney, Jack	The American Jack Sheppard
Maranzano, Salvatore	The Father of the Cosa Nostra
Siegel, Benjamin	Bugsy

Приложение 2

Собственные имена, регулярно употребляющиеся в американском варианте в качестве антономасий

Abbie Kabibble,	<ol style="list-style-type: none">1) герой популярного комического шоу Г. Гершфилда;2) (<i>перен.</i>) не ассимилировавшийся еврейский иммигрант
Adonis	<ol style="list-style-type: none">1) мифологический герой, прекрасный юноша, которого полюбила Венера;2) (<i>перен.</i>) красивый молодой человек
Ananias	<ol style="list-style-type: none">1) один из первых христиан, убитый за ложь;2) (<i>перен.</i>) лгун
Apollo	<ol style="list-style-type: none">1) бог солнца в греческой мифологии;2) (<i>перен.</i>) молодой человек, отличающийся физической красотой
Archie Bunker	<ol style="list-style-type: none">1) персонаж американского телесериала;2) тип представителя рабочего класса, нетерпимо относящегося к социальному давлению; обычно употребляется представителями высших слоев общества с пренебрежением по отношению к рабочему.

Babbitt	<ol style="list-style-type: none"> 1) герой одноименного романа С. Льюиса, бизнесмен средней руки, преуспевающий маклер по продаже недвижимости; 2) (<i>перен.</i>) самодовольный мещанин, заурядный представитель среднего класса, не придающий значения духовным ценностям
Benedict Arnold	<ol style="list-style-type: none"> 1) американский генерал армии Дж. Вашингтон, участник войны за независимость 1775 г., перешедший на сторону англичан; 2) (<i>перен.</i>) предатель
Bogart	<ol style="list-style-type: none"> 1) знаменитый голливудский актер середины XX в.; 2) (<i>перен.</i>) актер, играющий в мужественной, энергичной, силовой манере
Bigger Tomas	<ol style="list-style-type: none"> 1) герой романа Р. Райта “Native Son”; 2) (<i>перен.</i>) негр, отказывающийся быть покорным, отвергающий социальные устои
Brilliant-Savarin	<ol style="list-style-type: none"> 1) знаменитый французский гурман и кулинар конца XVIII- начала XIX в., живший в Америке, автор книги “Physiology of Taste”; 2) (<i>перен.</i>) высший авторитет в кулинарии
Caesar	<ol style="list-style-type: none"> 1) титул римских императоров; часто связывается с собственным именем императора Гая Юлия; 2) любой могущественный правитель

Carrie Nation	<ol style="list-style-type: none"> 1) известная активистка движения за трезвость; прославилась в начале XX в. в США и Европе не столько своими лекциями о вреде алкоголя, сколько демонстративными погромами в салунах; 2) (<i>перен.</i>) нетерпимый агитатор за трезвость
Casanova	<ol style="list-style-type: none"> 1) итальянский авантюрист XVIII в. человек разнообразных талантов: журналист, философ, проповедник, алхимик, бизнесмен, дипломат, скрипач и т.п.; 2) (<i>перен.</i>) неразборчивый ловелас, человек, имеющий репутацию любвеобильного
Cassandra	<ol style="list-style-type: none"> 1) прорицательница в древнегреческом мифе, предсказывавшая события, которой, однако, никто не верил; предсказала падение Трои; 2) (<i>перен.</i>) особа, предсказывающая несчастья
Cherokee Bill	<ol style="list-style-type: none"> 1) индейский вождь; 2) негритянский ковбой
Cleopatra	<ol style="list-style-type: none"> 1) древнеегипетская царица из династии Птолемеев; 2) (<i>перен.</i>) привлекательная женщина
Croesus	<ol style="list-style-type: none"> 1) царь государства Лидия, известный своими богатствами; 2) (<i>перен.</i>) очень богатый человек

Daniel Boone	<ol style="list-style-type: none"> 1) американский народный герой, пионер дикого Запада, исследовавший Флориду и основавший г. Boonsboro; 2) (<i>перен.</i>) первопроходец, исследователь, охотник
Darby and Joan	<ol style="list-style-type: none"> 1) герои песни баллады; 2) (<i>перен.</i>) пожилая дружная привлекательная супружеская чета
Davy Crockett	<ol style="list-style-type: none"> 1) знаменитый герой американской истории конца XVIII - первой трети XIX в.), полковник армии Джексона в Греческой войне, затем судья и главный законодатель штата, конгрессмен, противостоявший позиции Джексона в банковской политике и индейском вопросе; бесстрашный охотник на медведей, меткий стрелок; 2) (<i>перен.</i>) судебный служащий (<i>Bl, Sl, 40-е года XX в.</i>)
Delilah	<ol style="list-style-type: none"> 1) библейская куртизанка, подкупленная филистимлянами и выдавшая им Самсона; 2) (<i>перен.</i>) искусительница, вероломная женщина
Dorcas	<ol style="list-style-type: none"> 1) женщина-христианка в Новом Завете, которая шила одежду и раздавала ее бедным; 2) (<i>перен.</i>) благотворительница

Dr. Jekyll and Mr. Hyde	<ol style="list-style-type: none"> 1) раздваивающийся персонаж рассказа Р. Стивенсона “The Strange Case of Dr. Jekyll and Mr. Hyde”; 2) человек, совмещающий в себе хорошее и дурное; употребляется для именованя всеми уважаемого, симпатичного человека, неожиданно для всех совершившего нечто ужасное.
Gabriel	<ol style="list-style-type: none"> 1) архангел Гавриил; 2) (<i>перен.</i>) игрок на тромбоне, особ, профессионал (<i>Bl, Sl</i>)
Gorgon	<ol style="list-style-type: none"> 1) имя трех сестер, персонажей греческого мифа; 2) (<i>перен.</i>) мегера, страшилище
Houdini	<ol style="list-style-type: none"> 1) знаменитый американский иллюзионист конца XIX - нач. XX в.; 2) (<i>перен.</i>) «чародей» волшебник
Jack Armstrong	<ol style="list-style-type: none"> 1) персонаж американских; радиопрограмм в 30-40-е года; 2) (<i>перен.</i>) “The all-American boy” воплощение американских добродетелей (мужество, чувство юмора и пр.); часто служит для саркастического описания слишком положительного героя.
Jenny Lind	<ol style="list-style-type: none"> 1) шведская оперная певица, которая в 1850 г. приехала на гастроли в Америку и стала одной из самых знаменитых певиц своего времени; 2) (<i>перен.</i>) талантливая певица (<i>устар.</i>)

Jesse James	<p>1) известный американский преступник, возглавлявший в конце XIX в. самую знаменитую в истории страны банду, грабившую банки и поезда. В народе его считали героем, своеобразным американским Робинот Гудом;</p> <p>2) <i>(перен.)</i> а) преступник б) водитель грузовика (в лексиконе полиции); г) рефери (в лексиконе бейсболистов); д) тот, кто незаконно присваивает фонды или мошенничает.</p>
Job	<p>1) библейский патриарх;</p> <p>2) <i>(перен.)</i> многострадальный человек, не теряющий веры</p>
Joe Louis	<p>1) знаменитый американский спортсмен, один из самых известных борцов в тяжелом весе;</p> <p>2) <i>(перен.)</i> борец - тяжеловес</p>
Jonah	<p>1) пророк, выброшенный за борт штормом за неповиновение и проглоченный огромной рыбой;</p> <p>2) <i>(перен.)</i> человек, приносящий беду</p>
Joseph	<p>1) одиннадцатый сын Иакова, устоявший против искушения и отказавший жене Готифара, пытавшейся соблазнить его;</p> <p>2) <i>(перен.)</i> человек, способный устоять против искушения</p>
Judas	<p>1) апостол, предавший Христа;</p> <p>2) <i>(перен.)</i> предатель (особ, предающий друга)</p>
Lolita	<p>1) героиня одноименного романа В. Набокова;</p> <p>2) <i>(перен.)</i> юная нимфоманка</p>

Lucy Stoner	<ol style="list-style-type: none"> 1) американская феминистка, активно боровшаяся за права женщин в конце XIX в., основательница Лиги феминисток; 2) (<i>перен.</i>) женщина, отказывающаяся сменить девичью фамилию при замужестве
Messiah	<ol style="list-style-type: none"> 1) ожидаемый посланник и правитель иудейского народа, чей приход был предсказан в Ветхом Завете; 2) (<i>перен.</i>) любой посланник, мессия
Methuselah	<ol style="list-style-type: none"> 1) библейский патриарх, якобы доживший до 969 лет; 2) (<i>перен.</i>) долгожитель
Moses	<ol style="list-style-type: none"> 1) библейский пророк, возглавивший бегство израильтян из египетского плена; 2) (<i>перен.</i>) законник, освободитель; 3) еврей-ростовщик
Ozzie and Harriet	<ol style="list-style-type: none"> 1) персонажи популярной американской телепрограммы “The Adventures of Ozzie and Harriet”; 2) (<i>перен.</i>) образцовая семья
Paul Bunyan	<ol style="list-style-type: none"> 1) лесоруб, персонаж американского фольклора “The Wonderful Adventures of Paul Bunyan”, гигант, совершающий множество подвигов; 2) (<i>перен.</i>) силач, гигант

Pinkerton	<ol style="list-style-type: none"> 1) американец, основавший во второй половине XIX в. первое в Америке и ставшее очень знаменитым частное сыскное агентство; 2) <i>(перен.)</i> частный детектив
Pooh-Bah	<ol style="list-style-type: none"> 1) персонаж комической оперы У. Гилберта “Mikado”; 2) <i>(перен.)</i> напыщенный, хвастливый чинуша, занимающий одновременно несколько должностей; 3) тот, кто старается произвести впечатление влиятельного человека
Rockefeller	<ol style="list-style-type: none"> 1) мультимиллионер, нефтяной и финансовый магнат; 2) <i>(перен.)</i> богач
Samson	<ol style="list-style-type: none"> 1) последний из двенадцати судей Израиля, обладавший небывалой физической силой; 2) <i>(перен.)</i> силач
Simon Legree	<ol style="list-style-type: none"> 1) персонаж повести Г. Бичер-Стоу “Uncle Tom Cabin”, работороговец, отличавшийся особой жестокостью в обращении с неграми; 2) <i>(перен.)</i> жестокий, беспощадный человек.

Throttlebottom	<ol style="list-style-type: none"> 1) персонаж политической сатиры Дж. Кауфмана и М. Рискинда “Of Thee I Sing”; 2) (<i>перен.</i>) некомпетентный вице-президент, посмешище
Uncle Remus	<ol style="list-style-type: none"> 1) Герой книги Дж. Харриса “Uncle Remus: His Songs and His Sayings”; 2) (<i>перен.</i>) услужливый негр.
Uncle Tomas, Also Uncle Tom	<ol style="list-style-type: none"> 1) герой романа Г. Бичер-Стоу “Uncle Tom Cabin”; 2) (<i>перен.</i>) негр, подражающий белым, передающий их интересы и традиции (<i>Bl. Sl.</i>)
Waller	<ol style="list-style-type: none"> 1) знаменитый негритянский пианист, певец, композитор первой пол. XX в.; 2) настоящий артист, хороший музыкант 3) (<i>Bl, Sl., 50-e</i>)

Ненашева Татьяна Александровна

**Коннотативная семантика
референтно однозначного имени**

Монография

Редактор О.В. Пугина

Подписано в печать 25.12.2012. Формат 60 x 84^{1/16}.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,34.

Уч.-изд. л. 8. Тираж 500 экз. Заказ 29.

Отпечатано в типографии ННГУ им. Н.И. Лобачевского,
603000, Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 37.